

РОЗА **Л**ЮКСЕМБУРГ

**ВВЕДЕНИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ЭКОНОМИЮ**

СОЦЭКГИЗ • 1960

962794✓

Rosa Luxemburg

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1960

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание работы Розы Люксембург «Введение в политическую экономию» осуществлено на основе русского издания, выпущенного Соцэкгизом в 1926—1931 гг. Русский текст тщательно сверен с немецким текстом рукописи Р. Люксембург, помещенном в двухтомнике избранных произведений, опубликованном в 1955 г. Институтом марксизма — ленинизма при ЦК Социалистической Единой партии Германии.

Сверка текста произведена младшим научным сотрудником Института марксизма — ленинизма при ЦК КПСС Л. Р. Миськевич.

Предисловие к книге и подстрочные комментарии написаны профессором И. Д. Лаптевым.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло более сорока лет с того времени как международное революционное движение понесло трагическую утрату — не стало Розы Люксембург. По характеристике В. И. Ленина, она была «великой коммунисткой», «всемирно известным и всемирно знаменитым вождем» и «верным сторонником рабочего класса»¹. Роза Люксембург являлась одним из руководителей союза «Спартак», на основе которого в декабре 1918 г. была организована Коммунистическая партия Германии. Революционная деятельность Розы Люксембург вызвала бешеную ненависть к ней империалистической буржуазии. Германское правительство, возглавляемое правыми социал-демократами, подготовило и осуществило 15 января 1919 г. зверское убийство основоположников и руководителей коммунистической партии Германии — Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Пламенная революционерка, бесстрашный и неутомимый борец за победу коммунизма, Роза Люксембург наряду с кипучей революционной деятельностью, которую она начала сразу же после окончания гимназии в Варшаве, создала ряд выдающихся произведений. Окончив университет в Цюрихе (Швейцария), куда она эмигрировала из Польши под угрозой ареста за работу в нелегальной политической партии польского рабочего класса — «Пролетариат», Роза Люксембург в 1897 г. защитила докторскую диссертацию под названием: «Промышленное развитие Польши» (опубликована в 1898 г.).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, ~~стр. 408~~, т. 33, стр. 184.

В своей работе «Социальная реформа или революция» (1899 г.) она нанесла сокрушительный удар ревизионизму, основоположником которого был лидер крайнего оппортунистического крыла германской социал-демократии реформист Эдуард Бернштейн. Крупнейшими произведениями Розы Люксембург является: «Накопление капитала (к вопросу об экономическом объяснении империализма)», и «Введение в политическую экономию». Обе эти работы, как будет показано далее, имеют между собой тесную идеологическую связь.

«Введение в политическую экономию», по характеристике его самим автором, представляет собой популяризацию экономического учения Маркса¹ и составлено из обработанных записей лекций, прочитанных Розой Люксембург в берлинской социал-демократической школе перед первой мировой войной. По форме изложения, литературному стилю эта работа является образцом популярной марксистской литературы, которому может позавидовать и из которого многому может научиться всякий преподаватель-политэконом. Сложные категории политической экономики в изложении Р. Люксембург становятся простыми и ясными. Она говорит со своими слушателями и читателями языком, доступным не только специалистам, искушенным в области политической экономики, но и рядовым рабочим. Блестящая полемическая форма изложения, использование ярких фактов окружающей жизни, глубокий их анализ и умелое сопоставление с давно прошедшими временами придает лекциям Р. Люксембург увлекательный характер.

Исключительная революционная страстность, непримиримая и решительная борьба по разоблачению буржуазной политической экономики, разящее остроумие и юмор при разоблачении апологетов капитализма, глубокое по содержанию и блестящее по форме вскрытие непримиримых противоречий капитализма, его язв и пороков, прекрасное знание исторических материалов — все это имеется в рассматриваемом замечательном труде.

Вместе с тем следует сразу сказать, что в этом произведении имеются серьезные недостатки и ошибки теоретического и политического характера, которые

¹ См. *Роза Люксембург*, Предисловие к «Накоплению капитала», декабрь, 1912.

должны быть подвергнуты критике с марксистско-ленинских позиций. В. И. Ленин, давая объективную и острую критику отступлений Р. Люксембург от марксизма, подчеркивал, что «Мы... делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов»¹.

Аресты, тюрьмы, а затем смерть не дали возможности Розе Люксембург закончить свое «Введение». Оно впервые было опубликовано уже посмертно, только в 1925 г. Таким образом, перед нами незаконченное произведение, которое автор предполагал развить, уточнить в ряде положений и улучшить в отдельных формулировках. Читатель должен все это иметь в виду.

* * *

«Введение» начинается с вопроса о выяснении предмета политической экономии. Роза Люксембург прежде всего подвергает всесторонней критике буржуазные понятия политической экономии как науки. В то время, когда она читала лекции в социал-демократической школе, господствующее положение в «деловых кругах» и в преподавании политэкономии занимала буржуазная, так называемая «историческая школа». Особенность этой школы буржуазной политической экономии состояла в том, что она начисто отвергала всякое значение теоретического анализа, сводила политическую экономию к описанию истории развития форм хозяйства, не давая им социально-классовой характеристики, превратилась в покорную служанку прусско-юнкерского государства. Основателем исторической школы был «патриарх немецкой профессуры» Вильгельм Рошер (1817 — 1894), который определял политическую экономию как науку о «народном хозяйстве». Другой представитель так называемой «новой исторической школы» Густав Шмоллер (1838 — 1917) так же сводил политическую экономию к истории народного хозяйства и рекомендовал изучать ее с помощью «историко статистического метода». При этом он рассматривал хозяйственные явления с точки зрения этики и права. Третий, наиболее крупный представитель этой школы был Карл Бюхер (1847—1930).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 292.

который под народным хозяйством понимал «совокупность учреждений, институтов и действий, направленных на удовлетворение потребностей народа». В основу политической экономии он положил три формы хозяйства: замкнутое домашнее хозяйство, городское хозяйство, народное хозяйство, выхолостив из этих понятий всякое классовое содержание.

Роза Люксембург подвергает прежде всего марксистской критике понятие «народного хозяйства», которое было особенно излюбленным у буржуазных экономистов. Высмеивая определение «политической экономии», как науки о народном хозяйстве, она пишет: «Ясно ли, ... что такое политическая экономия? Это, видите ли, наука о народном хозяйстве. Что такое роговые очки? Очки в роговой оправе. Что такое выючный осел? Осел, на которого навьючивают тяжести» (стр. 28 настоящего издания). По поводу определения народного хозяйства Бюхером, как «совокупности учреждений и действий», она остроумно замечает, что в таком случае политическая экономия должна заниматься всем, начиная от фабрик и мастерских, земледелия и скотоводства до... шахматных клубов, выставок собак и дуэлей, ибо существуют разнообразные учреждения и действия, призванные удовлетворять те или другие потребности народа (стр. 34).

Научная аргументация Розы Люксембург против определения «национальной политической экономии» как «науки о народном хозяйстве» начинается с опровержения утверждения экономистов исторической школы, что под народным хозяйством следует понимать потребление жизненных припасов отдельными семьями, в то время как речь должна идти о производстве. При этом капиталистическое товарное производство, основанное на труде наемных рабочих, имеет своей целью извлечение прибыли, а вовсе не удовлетворение потребностей народа. Далее, она на большом статистическом материале показывает, что ни о каком обособленном, замкнутом народном хозяйстве нельзя говорить потому, что с ростом международного разделения труда усиливаются экономические связи между различными странами, выражающиеся в расширении международной торговли. Эти связи развиваются особенно по линии торговли изделиями металлообрабатывающей, машиностроитель-

ной, химической и других отраслей промышленности, производящих средства производства.

Р. Люксембург убедительно разоблачает измышления буржуазных экономистов об «автаркии» экономики Германии, якобы подтвержденной на опыте первой мировой войны. В действительности, Германия выкачивала продовольствие из оккупированных ею стран — Бельгии, северной Франции, западной части России, получала его за счет помощи со стороны США. Средства производства Германия накопила отчасти еще до войны путем ввоза из-за границы хлопка, шерсти, меди и других материалов, особенно путем эксплуатации колоний, отчасти путем грабежа оккупированных территорий и ввоза из-за границы, который не прекращался в течение всей войны. «Если все это суммировать, то станет ясным, что чудесное процветание «микроскосма» во время войны во всех отношениях являлось лишь экспериментом, относительно которого возникал только один вопрос, как долго он сможет протянуться, пока все искусственное здание не рухнет, как карточный домик» (стр. 56). Как первая мировая, так и особенно вторая мировая войны это воочию показали.

Роза Люксембург подвергает далее критике определение политической экономии как науки о «хозяйственных отношениях людей». Она показывает, что речь должна идти об исторически определенной общественной форме хозяйства. Для иллюстрации она рассматривает мелкокрестьянское хозяйство Шотландии и России, крупнейшее феодальное хозяйство Карла Великого и, наконец, капиталистическое хозяйство. Принципиально такой подход к анализу «хозяйственных отношений людей», точнее, производственных отношений, является правильным.

Но при рассмотрении этих отношений Роза Люксембург развивает свое понимание предмета политической экономии, которое расходится с определением, данным основоположниками марксизма-ленинизма. Она считает, что в натуральном хозяйстве мелкого крестьянина и в хозяйстве феодала «не удастся найти никаких загадок, которые требовали бы глубоко мысленного исследования их особой наукой» (стр. 78). Все общественные отношения здесь являются прозрачно ясными, так как они не завуалированы товарной формой про-

дукта. Другое дело, по ее мнению, общественные отношения при капитализме с его анархией производства, стихийными колебаниями цен, экономическими кризисами перепроизводства, безработицей и т. д., которые обусловлены действием скрытых законов, за спиной людей. Политическая экономия как наука имеет своей задачей обнаружить в этих условиях внутреннюю связь явлений, которая приводит к результатам деятельности людей, результатам, не соответствующим их намерениям, воле и сознанию. «Таким образом, — пишет она, — задачей научного исследования является именно то, что обнаруживается как недостаток сознания в общественном хозяйстве, и здесь мы непосредственно подошли к самым корням политической экономии» (стр. 85—86).

По мнению Розы Люксембург, политическая экономия как наука возникла тогда, когда сложился капиталистический способ производства и должна отмереть вместе с его гибелью. Поэтому и предметом своим она должна иметь только законы возникновения, развития и распространения лишь капиталистического способа производства (стр. 97). Не должна она изучать и социалистический способ производства. «В марксистской теории политическая экономия, — формулирует Р. Люксембург, — нашла свое завершение и свой конец как наука. За этим должно, — если не считать разработки марксистского учения в частностях, — последовать лишь претворение этого учения в действие, т. е. борьба международного пролетариата за осуществление социалистического хозяйственного строя. Конец политической экономии как науки означает, таким образом, всемирно-историческое событие: претворение в действительность планомерно организованного мирового хозяйства. Последняя глава политико-экономического учения — это социальная революция мирового пролетариата» (стр. 103).

Такое понимание политической экономии получило в свое время довольно широкое распространение в популярной экономической литературе в значительной мере под влиянием рассматриваемой работы Р. Люксембург. Многие учебники политической экономии исходили из такого понимания предмета этой науки. Однако ограничение политической экономии изучением только капиталистического способа производства не соответствует взглядам основоположников марксизма-ленинизма

Ф. Энгельс в своей работе «Анти-Дюринг», с которой Роза Люксембург была хорошо знакома, писал: «Политическая экономия, в широком смысле слова, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах»¹. В. И. Ленин отмечал как крупный недостаток руководств по политической экономии, что они «ограничиваются обыкновенно одной системой общественного хозяйства (именно капитализма)» и считал правильным воззрение на политическую экономию как «науку о развивающихся исторически укладах общественного производства»². Возражая против попытки ограничить политическую экономию изучением только товарного хозяйства, он указывал, что: во-первых, такое понимание «шаг назад против Энгельса» и, во-вторых, что, например, пропорции воспроизводства, установленные Марксом, как отношение $I \text{ v } t \text{ к } II$ с необходимы «даже в чистом коммунизме»³.

Марксистско-ленинская политическая экономия изучает общественно-производственные, то есть экономические отношения людей, законы, управляющие производством и распределением материальных благ в человеческом обществе на различных ступенях его развития при первобытнообщинном строе, рабовладельческом строе, феодализме, капитализме и при социализме.

Несмотря на то что Роза Люксембург считает, что производственные отношения докапиталистических форм общества не являются предметом политической экономии, как раз материалы, особенно о первобытном обществе и феодализме, представляют в ее «Введении» особый интерес, занимая добрую половину этой работы.

Она дает очень подробное описание первобытного общества на примерах германской марки, общин на вест-индских островах и американском континенте, индийской общины, русской сельской общины и др. Следует при этом отметить, что первоисточники, которыми Р. Люксембург пользовалась ко времени работы над «Введением», в значительной мере устарели. Они были уже теоретически обобщены в работах основоположни-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 149.

² В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 33, 34.

³ Ленинский сборник XI, стр. 349.

ков марксизма. Станным кажется, почему Р. Люксембург в своем «Введении» не ссылается на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (опубликована впервые в Цюрихе в 1884 г.) или на его же работу «Марка» (напечатана в качестве приложения к немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» в 1882 г.). Она только мимоходом упоминает, что Энгельс установил «развитие семейных отношений в первобытную эпоху» (стр. 132).

Наибольший интерес представляет данная в третьей главе глубокая и острая критика буржуазных экономистов, утверждающих в своих трудах, что история общества началась не с общественной собственности, а с частной собственности, и отрицающих, в противоположность немецкому историку Г. Л. Мауреру (1790—1872) и американскому этнографу Л. Г. Моргану (1818—1881), вообще существование первобытного общества. Особенно подробно она останавливается на критике Э. Гроссе (1862—1927) — немецкого буржуазного социолога и этнографа, который считал, что определяющее влияние на развитие общества оказывает географическая среда, а формы семьи объяснял, исходя из особенностей хозяйства: охоты, скотоводства и земледелия. Критикуя его, Р. Люксембург пишет: «Не внешние естественные источники пропитания определяют хозяйственные и культурные отношения людей, но те отношения, в которые становятся люди друг к другу в процессе труда. *Общественные* отношения производства отвечают на вопрос: какая форма господствует у данного народа» (стр. 136). Рассматривая развитие общественных отношений, она показывает изменение родовой организации первобытного общества, формы семьи, смену матриархата патриархатом.

Последовательно развивая принципы исторического материализма, Р. Люксембург показывает, что не отношения человека к природе, не техническая сторона производства, а отношения собственности, то есть тот факт, кому принадлежат средства производства, определяет характерные черты того или другого способа производства. Только в связи с этим можно понять, как изменяются характер производства, разделение труда, распределение продуктов, направление и размеры обмена,

вся материальная и духовная жизнь общества. «Все это находится в зависимости от того, владеют ли работающие коллективно или индивидуально своими средствами производства, или они лишены их вообще; являются ли они сами вместе со средствами производства таким же средством производства, собственностью неработающих, прикреплены ли они, как крепостные, к средствам производства, или же они являются свободными людьми, лишенными средств производства, вынужденными продавать свою рабочую силу» (стр. 163). Так, Р. Люксембург правильно характеризует первобытное общество, рабовладельческий строй, феодализм и капитализм.

На основе этого она подвергает критике трехступенчатую историю народного хозяйства Бюхера: ступень домашнего хозяйства, ступень городского хозяйства, ступень народного хозяйства. По мнению Бюхера, ступень домашнего хозяйства охватывает земледельческую общину, рабовладельческое хозяйство и феодальное поместье. Только с появлением городского хозяйства начинается обмен, который на ступени «народного хозяйства» достигает расцвета. Разоблачая эту и подобные им концепции, Р. Люксембург пишет: «Почему это так происходит? По той же самой причине, которая побуждает их объявлять «народное хозяйство», то есть капиталистический способ производства, высшей и последней ступенью истории человечества и ставить под сомнение дальнейшее его развитие как мирового хозяйства с таящимися в нем революционными тенденциями» (стр. 171).

Насколько в свете этой критики выглядят нелепыми современные теории буржуазных экономистов и ревизионистов о «народном капитализме», «демократическом капитализме», «гуманном капитализме», основоположники которых давным-давно разоблачены как апологеты капитализма!

Четвертая глава, насыщенная большим историческим материалом о первобытном обществе, заканчивается рассмотрением общего процесса его разложения. Роза Люксембург правильно указывает, что развитие техники и более интенсивная обработка земли привели к тому, что хозяйственной единицей становилась индивидуальная семья. Сначала наследственная передача земли в пользование отдельных семей, связанные с нею майораты (право наследования старшего сына), привели

к возникновению частной собственности на землю. Вместе с тем выборные должности в общине превращались в наследственные. Постепенно возникало имущественное неравенство, деление на богатых и бедных, превратившееся со временем в *классовое* неравенство.

Следует отметить, что Р. Люксембург преувеличивает значение русской сельской общины, неправильно считая, что «она сохранилась в течение всей длинной истории крепостничества и даже после отмены его вплоть до последнего времени» (стр. 205). В действительности, уже к концу XIX в., как показал В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», в русской деревне господином стал кулак. Общинное владение землей, выражавшееся в переделах земли по решению сельского схода, осталось только как внешняя форма от первобытной общины. В общине землю прибрала к своим рукам сельская буржуазия. И Роза Люксембург права, когда она замечает, что для дворянско-помещичьего государства община была опорой для выжимания с крестьян налогов и побóров через «круговую поруку» и т. д., и дает потрясающую картину эксплуатации, грабежа и разорения русских крестьян.

При анализе товарного производства Роза Люксембург отступает от исторического метода изложения. В целях популяризации экономического учения Маркса Роза Люксембург исходит из произвольной гипотезы, что «в один прекрасный день» на первобытную общину «внезапно обрушилась катастрофа»: уничтожается общественная собственность, общественный труд и общая воля, регулирующая производство. Каждый член общества превращается в изолированного производителя, трудится на свой страх и риск, каждый производит продукты, в которых он не нуждается, но которые нужны другим. Правда, далее в этой же главе Роза Люксембург показала на историческом материале, как возник обмен сначала между общинами, затем как на основе развития производительных сил, разделения труда и возникновения частной собственности зародилось товарное производство и обращение.

Роза Люксембург дает яркую характеристику анархии товарного производства, основанного на частной собственности. Читатель, однако, не найдет во «Введении» рассмотрения таких важных вопросов, как вопрос

о двойственном характере труда, содержании стоимости и ее формах, об основном противоречии товарного производства. Более или менее подробно она останавливается на понимании общественно необходимого труда. Следует отметить, что в понимании товарного производства, в том числе и категории общественно необходимого труда, Роза Люксембург допустила ошибки, обусловленные тем, что она преувеличивала роль обмена.

Известно, что при анализе товара и противоречий товарного хозяйства Маркс исходил из того, что производственные отношения товаропроизводителей выражаются в их связи по труду, что их частный труд в действительности является общественным трудом, но он принимает форму непосредственно общественного труда только через обмен товаров. Стоимость, по Марксу, *создается* абстрактным, общественно необходимым трудом в процессе производства, но *проявляется* только через обмен товаров в форме меновой стоимости и цены. Ввиду этого закон стоимости является экономическим законом, регулятором товарного производства и обмена. Маркс писал: «Закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство каждого данного товарного вида»¹.

Однако Роза Люксембург считает, что регулятором товарного хозяйства является обмен. «Сам обмен, — пишет она, — регулирует теперь механически, наподобие водяного насоса, все хозяйство. Он создает связь между отдельными производителями, вынуждает их трудиться, регулирует их разделение труда, определяет их богатство и его распределение. Обмен управляет обществом» (стр. 236). Эта ошибочная концепция Розы Люксембург коренится в непонимании общественного характера труда в условиях товарного хозяйства. Она считает, что отдельные товаропроизводители не имеют никакой связи в сфере производства, эта связь существует только в сфере обращения, «перед нами такой общественный порядок, при котором все люди живут обособленно, как изолированные индивиды, не существующие друг для друга, которые лишь через свои товары попеременно связываются с общественным целым или вытесняются

¹ К Маркс, Капитал, т. I, 1953, стр. 363.

из него». Поэтому она считает, что частный труд «еще не является общественным» (стр. 237). Великая заслуга Маркса состоит в том, что он вскрыл характер производственных отношений между товаропроизводителями, показав, что их частный труд в действительности есть общественный труд в скрытой форме, а противоречие между общественным и частным трудом есть основное противоречие товарного производства. Этим самым Маркс сорвал покрывало товарного фетишизма, скрывающего истинный характер общественных отношений между людьми, свойственный обществу, в котором товарное производство основано на частной собственности.

Роза Люксембург этого не поняла. Отсюда и ее неправильное освещение категории общественно необходимого труда. По Марксу, общественно необходимый труд есть труд, затрачиваемый при наличных общественно нормальных условиях производства, при среднем в данном обществе уровне техники, умелости и интенсивности труда. Если на производство того или иного товара отдельные товаропроизводители затрачивают больше индивидуального труда по сравнению с общественно необходимым трудом, они разоряются, если же затрачивается меньше индивидуального труда — отдельные товаропроизводители имеют возможность получать дополнительный доход. Сумма же всех индивидуальных затрат равна совокупному общественному труду. В случае, когда на производство того или иного товара затрачен общественно необходимый труд, но количество этих товаров превышает потребности общества в них, происходит падение цены ниже стоимости, но не сокращение затрат общественно необходимого труда. В противоположность этому Роза Люксембург считает, что общественно необходимый труд определяется потребностями общества, обменом. Она пишет: «Лишь обмен решает вопрос о том, какой труд и какие продукты были необходимы и представляют значение для общества» (стр. 232). Эта так называемая «потребительская версия» общественно необходимого труда не соответствует экономическому учению Маркса. В действительности величина затрат общественно необходимого труда определяется условиями производства. В обмене не решается вопрос об общественно необходимом труде, а только проявляется, доводится до сознания товаропроизводите-

лей, насколько их индивидуальные затраты труда соответствуют общественно необходимым, а количество произведенных товаров — потребностям общества¹.

При изложении вопроса о сущности и функциях денег Роза Люксембург правильно исходит из того, что деньги являются всеобщим товаром, который «содействует во всякое время превращению частных продуктов в общественные, частного труда в общественный труд» (стр. 244). Казалось бы, исходя из этого, она должна была в центре внимания поставить вопрос о функции денег как меры стоимости. Однако она рассматривает деньги прежде всего как «средство обмена», затем как «средство накопления сокровищ» и только после этого как «мерило всех стоимостей и работ» и, наконец, как «синоним богатства» (стр. 244—246). Марксистская политическая экономия исходит из того, что в развитом товарном производстве деньги служат: 1) мерой стоимости, 2) средством обращения, 3) средством накопления, 4) средством платежа и 5) мировыми деньгами. Правильному пониманию сущности денег и их функций мешала Розе Люксембург переоценка ею обмена и отсутствие анализа специфической формы общественного труда в условиях товарного хозяйства.

Шестая глава имеет название: «Закон заработной платы». Известно, что Маркс после анализа товара и денег рассматривает превращение денег в капитал, производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости и только после этого заработную плату. Примерно такой же логической последовательности изложения придерживается автор «Введения» в упомянутой главе. Сначала освещается вопрос о рабочей силе как товаре, ее стоимости, затем о капиталистической форме эксплуатации, о производстве прибавочной стоимости, о резерв-

¹ Роза Люксембург, по-видимому, чувствовала неуверенность в своих позициях по этому вопросу. Об этом можно судить по следующей ее заметке на полях рукописи: «Общественная работа 1. Как сумма работ, производимых членами общества друг для друга. 2. В том смысле, что продукт всякого индивидуума выступает как результат совокупной работы (сырье, орудия производства) более того — как результат работы всего общества (наука и т. д. . .) В обоих случаях общественный характер работы выражается обменом» (стр. 230). Именно «выражается», а не определяется! Эти правильные положения в работе не получили отражения. — *Ред.*

ной армии труда. Но главное внимание концентрируется на законе заработной платы, доле рабочего класса «в общественном продукте» капиталистического общества, классовой борьбе пролетариата против понижения заработной платы, в частности, роли профсоюзов в этой борьбе.

Концентрация внимания на заработной плате, тенденции ее движения и изложение в связи с этим вопросов о сущности и формах капиталистической эксплуатации имеет безусловно положительное значение, так как разъясняет рабочим необходимость их классовой борьбы против капитализма.

Роза Люксембург поставила своей целью дать марксистское экономическое обоснование «закона заработной платы» в противоположность так называемому «железному закону заработной платы», заимствованному из арсенала буржуазной политической экономии немецким мелкобуржуазным социалистом Фердинандом Лассалем (1825—1864). Согласно «железному закону» фонд заработной платы рабочего класса определяется минимумом средств существования рабочих и является неизменным, раз навсегда данным.

Разоблачая несостоятельность и апологетическую сущность «железного закона заработной платы», Роза Люксембург дает правильное определение заработной платы, исходя из стоимости рабочей силы как товара. «Стоимость товара рабочая сила определяется, следовательно, тем количеством труда, которое необходимо для производства средств существования рабочего. Далее, так же как и стоимость всякого другого товара, стоимость рабочей силы на рынке выражается в цене, т. е. в деньгах. Денежное выражение, т. е. цена товара рабочая сила называется заработной платой» (стр. 266—267). Проводится также правильное разграничение номинальной, т. е. денежной, заработной платы и реальной заработной платы, т. е. количества жизненных средств, которые рабочий может приобрести на денежную заработную плату (стр. 285).

Стоимость рабочей силы, по Марксу, определяется стоимостью средств существования, необходимых для удовлетворения не только физиологических, но и культурных потребностей рабочего и его семьи (пища, одежда, жилье, обучение детей, покупка газет, книг, посещение

кино, театров и пр.). Для каждой страны в зависимости от ее исторического развития, достигнутого уровня производительных сил и культуры стоимость средств существования, необходимых для удовлетворения рабочего и его семьи, не одинакова. Таким образом, стоимость рабочей силы определяется как историческими, так и моральными факторами.

Следуя этому пониманию стоимости рабочей силы, Роза Люксембург рассматривает обеспечение жизненного уровня рабочего «как социальную и культурную необходимость» (стр. 287). Анализируя движение заработной платы при капитализме, она приходит к правильному выводу, что «решающим моментом в определении размера заработной платы являлась тенденция капиталистов свести уровень жизни рабочего к физиологическому, так сказать животному минимуму, т. е. постоянно оплачивать рабочую силу ниже ее стоимости» (стр. 287—288). В этих теоретических положениях, излагающих учение Маркса, рабочий класс получил могучее идеологическое оружие в борьбе за повышение заработной платы. Но своей экономической борьбой он может добиться только на время продажи своей рабочей силы по ее стоимости, что, однако, не затрагивает основ капиталистической эксплуатации. В связи с этим Роза Люксембург так определяет воздействие профсоюзов на уровень заработной платы: «Законы капиталистического товарного обмена по отношению к рабочей силе не устраняются, как это думал неправильно Лассаль, благодаря профессиональным союзам, а, наоборот, они только и осуществляются благодаря этим организациям. Систематическая покупка рабочей силы по бросовой цене, к которой постоянно стремится капиталист, уступает место благодаря воздействию профессиональных союзов покупке по цене, более или менее приближающейся к действительной» (стр. 305—306). Отсюда Роза Люксембург делает вывод о необходимости политической борьбы рабочего класса против всей системы капитализма. «Против технического прогресса производства, против изобретений, введения машин, против пара и электричества, против улучшения средств транспорта рабочие не могут бороться. Влияние всех этих улучшений в производстве на относительную заработную плату рабочих проявляется совершенно механически в результате товарного произ-

водства и товарного характера рабочей силы. Поэтому самые могущественные профессиональные союзы совершенно бессильны против этой тенденции относительной заработной платы к быстрому понижению. Борьба против понижения относительной заработной платы, — означает поэтому борьбу против товарного характера рабочей силы, т. е. против всего капиталистического производства в целом. Борьба против понижения относительной заработной платы является поэтому не борьбой на почве товарного хозяйства, а революционным нападением на самое существование этого хозяйства, направленным к его ниспровержению; это и есть социалистическое движение пролетариата» (стр. 303).

Как уже, наверное, заметил читатель, Роза Люксембург здесь говорит только об «относительной» заработной плате. И это не случайно. Дело в том, что она различает «абсолютную» и «относительную» заработную плату. Под абсолютной заработной платой она понимает известную денежную сумму, получаемую рабочим, т. е. номинальную заработную плату, и количество средств существования, покупаемых рабочим на денежную заработную плату (стр. 304). Эту «абсолютную» заработную плату она по смыслу изложения связывает с длиной рабочего дня, с производством абсолютной прибавочной стоимости, хотя этот термин ею не употребляется. Под «относительной» заработной платой она понимает долю рабочего класса в общественном продукте (стр. 298). Опять-таки по смыслу изложения можно сказать, что в данном случае речь идет о производстве относительной прибавочной стоимости, хотя этот термин также в работе отсутствует.

Неправильно во всем этом то, что вопрос о методах производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости подменен Р. Люксембург вопросом об «абсолютной» и «относительной» заработной плате. К тому же за этим кроются более существенные ошибки. Речь идет о понимании марксистской теории абсолютного и относительного обнищания рабочего класса.

Маркс и Ленин всесторонне обосновали, что при капитализме происходит абсолютное и относительное обнищание пролетариата. Абсолютное обнищание есть снижение жизненного уровня рабочего класса. Относительное обнищание означает, что по мере роста обще-

ственного богатства доля рабочих в совокупном национальном доходе снижается, а доля капиталистов увеличивается.

Роза Люксембург в анализе положения рабочего класса при капитализме центральное место отводит вопросу о доле рабочего класса в общественном продукте капиталистического общества, то есть, в ее понимании, не абсолютному уровню жизни рабочих, а их «относительной» заработной плате. «Рабочие, например, могут иметь больше пищи, больше жизненных средств, лучшую одежду, чем раньше, но если за то же время богатство других классов возросло еще в большей степени, то *доля* рабочего класса в общественном продукте уменьшилась. Жизненный уровень рабочих сам по себе абсолютно может, следовательно, повышаться, в то время как их доля в общественном продукте по сравнению с другими классами может падать. Мы можем, однако, судить правильно о жизненном уровне человека или целого класса *только* тогда, когда мы сравниваем их с условиями жизни всей данной эпохи и других классов того же общества (стр. 297—298)

Если судить о жизненном уровне рабочего класса *только* по его доле в общественном продукте капиталистического общества, т. е. по «относительной заработной плате» рабочих, то ни о каком абсолютном обнищании рабочего класса при капитализме и речи не может быть; остается только проблема относительного обнищания.

Роза Люксембург не говорит специально о марксистской теории абсолютного и относительного обнищания рабочего класса при капитализме. Но когда она неоднократно подчеркивает, что заработная плата падает ниже стоимости рабочей силы, то этим самым признает абсолютное обнищание. Почему же она не поставила в центре внимания непреложный закон капитализма — абсолютное обнищание рабочего класса в качестве главного теоретического обоснования необходимости политической борьбы рабочего класса против капиталистического строя в целом, а сосредоточила центр тяжести на проблеме относительного обнищания? Получилось это потому, что она, сначала правильно определив тенденцию понижения реальной заработной платы ниже стоимости рабочей силы, что составляет главную особенность «закона заработной платы», в дальнейшем отсту-

пила от этого и стала рассматривать заработную плату вне связи со стоимостью рабочей силы. Так, она утверждает, что «заработная плата, так же как и рабочий день, сама по себе не имеет никаких определенных границ» (стр. 285). При таком утверждении все рассуждения о «законе заработной платы» повисают в воздухе. Когда Роза Люксембург говорит о падении доли рабочего класса в совокупном продукте капиталистического общества, т. е. «относительной» заработной плате, она опускает вопрос об абсолютном уровне заработной платы в сопоставлении его со стоимостью рабочей силы.

По Марксу, действие всеобщего закона капиталистического накопления выражается в том, что «по мере того как капитал накапливается, положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата»¹. При анализе производства относительной прибавочной стоимости Маркс показал, что все методы увеличения общественной производительности труда осуществляются за счет рабочего, уродуют его, увеличивают тяжесть труда, отчуждают от рабочего духовные, творческие силы труда, превращают его в придаток машины, сокращают продолжительность его жизни, период его трудоспособности и т. д. При таких условиях увеличение жизненных средств, приобретаемых рабочими даже на возросшую денежную заработную плату, не возмещает расходования их рабочей силы. Роза Люксембург это понимает. Но она делает отсюда вывод только о падении доли рабочего класса «в общественном продукте», то есть об относительном, а не абсолютном обнищании пролетариата.

Роза Люксембург права, когда она говорит, что жизненный уровень человека или класса надо сравнивать «с условиями жизни всей данной эпохи и других классов этого общества», что сама по себе абсолютная величина заработной платы еще не характеризует действительного положения рабочего класса. Конечно, было бы наивно и вульгарно изображать марксистскую теорию обнищания рабочего класса при капитализме только так, что рабочий класс получает сегодня меньше средств существования, чем вчера, и будет получать меньше завтра, чем сегодня. Буржуазные экономисты и ревизионисты

¹ К Маркс, Капитал, т. I, стр. 651.

обычно жонглируют статистическими выкладками, чтобы показать имеющий место в определенные периоды рост реальной заработной платы и тем самым «опровергнуть» марксистскую теорию абсолютного обнищания пролетариата. Разумеется, что рабочий XX в. получает в совокупности больше средств существования, чем 50 или тем более 100 лет тому назад. Но эта сумма не соответствует более высокому материальному и культурному уровню общества в целом. А главное, достигнутый в данное время жизненный уровень рабочего класса надо сопоставлять прежде всего со степенью его эксплуатации, условиями труда, расходом его рабочей силы, безработицей и т. д.

Недооценка Розой Люксембург абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме нашла отражение и в ее формулировках «закона заработной платы». «Закон механического падения относительной заработной платы в зависимости от развития производительности труда только и дает возможность понять капиталистический закон заработной платы во всем его действительном значении» (стр. 308). В этой формулировке главным признается только падение «относительной» заработной платы, как «доли в общественном продукте» капиталистического общества, то есть относительное, а не абсолютное обнищание пролетариата.

Заключительная глава «Тенденции капиталистического хозяйства» — сравнительно небольшая по своему объему и вместе с тем самая важная для понимания экономических воззрений Р. Люксембург.

Каждое произведение может быть понято и правильно оценено только в свете того периода исторического развития общества, когда оно было создано. Капитализм уже в последней трети XIX в. совершил переход к своей высшей стадии развития — к монополистическому капитализму, который окончательно сложился к концу XIX и началу XX в.

Как это видно из собственного заявления Р. Люксембург, она не могла решить коренные вопросы о тенденциях капиталистического хозяйства, не решив проблемы воспроизводства капитала, которые она связывала со своей теорией империализма. Отложив поэтому работу над «Введением», она принялась за свой капитальный труд «Накопление капитала», который был опубликован

в 1913 году¹. В этом произведении она подвергла критике теорию воспроизводства Маркса, создала свою теорию воспроизводства, исходя из которой дала характеристику империализма и тенденции развития капитализма на этой его последней стадии.

Анализируя во «Введении» тенденции капиталистического хозяйства, Роза Люксембург поставила своей целью дать характеристику общих закономерностей развития капитализма вообще, не выделяя его последней стадии — империализма. Тем не менее необходимо иметь в виду, что уже в этой работе отражены исходные теоретические позиции автора в понимании империализма.

Для лучшего уяснения взглядов Р. Люксембург на тенденции развития капиталистического хозяйства необходимо дать краткую характеристику ее теоретических позиций по вопросам капиталистического воспроизводства и империализма. В общих чертах эти позиции сводятся к следующему: в капиталистическом обществе, состоящем из капиталистов и рабочих, процесс накопления невозможен; капиталистическое накопление может расти только за счет расширения сферы эксплуатации некапиталистической среды, то есть простых товаропроизводителей; ввиду этого империализм является, по ее определению, «не чем иным, как специфическим методом накопления»²; когда же докапиталистические формы хозяйства исчезнут, тогда капитализм неизбежно потерпит крушение.

В действительности основным определяющим признаком империализма является господство монополий. Поэтому В. И. Ленин и назвал империализм монополи-

¹ В предисловии к «Накоплению капитала» в декабре 1912 г. Р. Люксембург о своей работе над «Введением в политическую экономию» писала: «Когда я в январе текущего года, после выборов в рейхстаг, снова взялась за работу, чтобы по крайней мере в основных чертах закончить эту популяризацию экономического учения Маркса, я натолкнулась на неожиданное затруднение. Мне не удавалось представить с достаточной ясностью совокупный процесс капиталистического производства в его конкретных отношениях, а также его объективные экономические границы. При ближайшем рассмотрении я пришла к убеждению, что здесь дело идет не только о вопросе изложения, но что пред нами проблема, которая теоретически находится в связи с содержанием II тома «Капитала» Маркса и в то же время связана с практикой современной империалистической политики и ее экономическими корнями».

² Р. Люксембург, *Накопление капитала*, т. II, стр. 560.

стическим капитализмом. Процесс расширенного воспроизводства при империализме имеет ту особенность, что он осуществляется за счет монопольно-высоких прибылей. Источником монопольно-высоких прибылей является: прежде всего прибавочная стоимость, создаваемая наемными рабочими, эксплуатация которых неизменно возрастает, наряду с этим безусловно важнейшее значение имеет эксплуатация капиталистическими монополиями крестьянства и в особенности эксплуатация колоний и зависимых стран, наконец, милитаризация экономики и войны гигантски обогащают монополистическую буржуазию за счет снижения жизненного уровня трудящихся. Таким образом, эксплуатация некапиталистических производителей является только одним из источников накопления. При этом сама Роза Люксембург показала на многочисленных ярких фактах, что эта эксплуатация происходила на протяжении всей истории развития капиталистического хозяйства. Считать этот метод эксплуатации в качестве главного признака, определяющего сущность империализма, нет никаких оснований.

Теория империализма Розы Люксембург, изложенная ею в «Накоплении капитала», отразилась, как было сказано, и во «Введении в политическую экономию», в особенности при характеристике тенденций капиталистического хозяйства. Суть этих тенденций она сводит, в конечном счете, к нарастанию противоречия между капитализмом и некапиталистической средой, которое, по ее мнению, является основным противоречием капитализма, обрекающим его на неизбежное крушение. Наиболее ярко это выражено в заключении седьмой главы. Признавая, что «капиталистический способ производства сам по себе мог бы еще пережить колоссальное расширение, если бы ему удалось повсеместно вытеснить более отсталые формы производства», она вслед за этим пишет: «Но именно в ходе этого развития капитализм запутывается в *основном противоречии*: (курсив наш.— И. Л.), чем в большей мере капитализм вытесняет более отсталые формы производства, тем теснее становятся созданные стремлением к прибыли границы рынка для той потребности в расширении производства, которую проявляют уже существующие капиталистические предприятия. Все это станет совершенно ясным, если мы на один

момент представим себе, что развитие капитализма зашло так далеко, что на всем земном шаре все, что производится человеком, производится им капиталистически, т. е. производится частными капиталистическими предпринимателями в крупных предприятиях трудом современных наемных рабочих. Тогда невозможность существования капитализма обнаруживается с полной ясностью» (стр. 324—325).

Роза Люксембург, следовательно, пришла к убеждению о неизбежности автоматического краха капитализма с исчезновением некапиталистической среды — якобы главного источника прибылей, обеспечивающих расширенное воспроизводство капитала. Теория автоматического краха капитализма (в силу исчерпания источника накопления за счет эксплуатации некапиталистических производителей) — фаталистическая теория. Она не вооружает рабочий класс в его революционной борьбе против капитализма, а разоружает его.

Ошибочные воззрения Розы Люксембург по ряду теоретических вопросов политической экономии не могли не отразиться на ее политической деятельности. В борьбе с врагами марксизма она не всегда последовательно стояла на марксистских позициях. В период борьбы большевиков против меньшевиков по вопросу об организационных принципах партии она оказалась в 1904 г. на стороне меньшевиков, отстаивала меньшевистскую теорию «перманентной» революции; после Пражской конференции она была в лагере ликвидаторов, боровшихся против большевиков. Роза Люксембург недооценивала роль субъективного фактора в революционной борьбе рабочего класса, ведущую и организующую роль партии, историческую миссию пролетариата, революционные возможности крестьянства и роль национально-колониальных движений. Система ошибочных теоретических и политических воззрений Розы Люксембург квалифицировалась марксистами-ленинцами как «люксембургизм», являющееся отступлением от марксизма-ленинизма.

Но не это в целом характеризует Розу Люксембург, которая, по характеристике В. И. Ленина, для нас «остается орлом»¹, бесстрашным борцом за дело ком-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 184.

мунизма, пламенной революционеркой, погибшей от рук империалистической агентуры.

Создав теорию автоматического крушения капитализма, она отнюдь не думала, что пролетариат сложав руки смиренно должен ожидать, когда с лица земли исчезнут последние некапиталистические производители — крестьяне и ремесленники — и капитализм, лишившись источника своего обогащения, сам по себе рухнет. «Так как переход от капитализма к социализму, — писала Роза Люксембург, — основан на том, что должно наступить господство плана, сознательность и притом в масштабе мирового хозяйства, то этот переворот может иметь место лишь при помощи сознательного политического действия рабочего класса. Он должен захватить в свои руки государственную власть для того, чтобы иметь предпосылку для овладения средствами производства.

Отсюда о «врастании»¹ не может быть и речи.

Если революция оказалась необходимой для создания буржуазного общества, то в десять раз более необходима она для создания социалистического общества».

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и всепобеждающих идей марксизма-ленинизма Роза Люксембург встала на путь исправления своих ошибок. Трагическая смерть помешала ей в этом.

«Роза Люксембург, — писал Вильгельм Пик, — дорога всем марксистам, она дорога всем тем, кто написал на своем знамени прогресс и выступает за лучшее будущее, за победу коммунистического строя»².

Несмотря на некоторые теоретические ошибки, содержащиеся в работе Р. Люксембург, издаваемая книга представляет большой интерес.

Профессор И. Д. Лаптев

¹ Речь идет о «врастании социализма в капитализм» — (И. Л.)

² В Пик, Предисловие к избранным произведениям Р. Люксембург, на немецком языке, 1955.

1. ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ?

1

Политическая экономия — удивительная наука. Трудности и разногласия начинаются уже с первых шагов в этой области, уже с самого элементарного вопроса: каков, собственно, предмет этой науки? Рабочий, имеющий лишь весьма туманное представление о том, чему учит политическая экономия, склонен будет объяснять свое недоумение недостатками своего собственного общего образования. Однако на этот раз он разделяет в известном смысле неудачу многих ученых докторов и профессоров, которые пишут толстые книги о политической экономии и читают в университетах лекции учащейся молодежи. Как неправдоподобно это ни звучит, несомненно, однако, что большинство специалистов по политической экономии имеет весьма туманное представление о действительном предмете своих ученых изысканий.

Ввиду обычая господ специалистов прибегать к определениям, т. е. исчерпывать сущность сложнейших вещей в нескольких, хорошо построенных предложениях, мы возьмем в качестве примера одного из официальных представителей политической экономии, для того чтобы узнать, что представляет собою, в сущности говоря, эта наука.

Послушаем сперва, что сообщает нам об этом патриарх немецкой профессуры, автор бесчисленного множества претолстых учебников политической экономии, основатель так называемой «исторической школы», Вильгельм Рошер. В его первом крупном произведении «Основы политической экономии. Руководство и книга для чтения для деловых людей и учащихся», появившемся в 1854 г. и выдержавшем с тех пор 23 издания, мы читаем во второй главе, § 16, следующее:

«Под политической экономией, под наукой о народном хозяйстве мы разумеем учение о законах развития хозяйства, хозяйственной жизни народа (философия истории народного хозяйства по Мангольдту). Она, как и все науки о жизни народа, с одной стороны, находится в тесной связи с исследованием отдельного человека, с другой стороны, она распространяет свое исследование на целое человечество»¹.

Ясно ли «деловым людям и учащимся», что такое политическая экономия (*Volkswirtschaftslehre*)? Это, видите ли, наука о народном хозяйстве (*die Lehre von der Volkswirtschaft*). Что такое роговые очки? Очки в роговой оправе. Что такое вьючный осел? Осел, на которого навьючивают тяжести. Поистине, весьма простой способ разъяснения маленьким детям смысла сложных слов. Плохо только то, что тот, кто до того не понимал смысла этих слов, не поумнеет от передачи этих слов в другой расстановке.

Обратимся к другому немецкому ученому, нынешнему преподавателю политической экономии в берлинском университете, светилу официальной науки, чья слава гремит «во всех странах до самого синего моря», к профессору Шмоллеру. В Большой энциклопедии немецких профессоров «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*», издаваемой профессорами Конрадом и Лексисом, Шмоллер в статье о политической экономии на вопрос, что такое эта наука, дает следующий ответ:

«Я сказал бы, что она является наукой, которая описывает народнохозяйственные явления, определяя и объясняя их причины, ставит своей целью рассмотрение их как единого целого, причем, конечно, предполагается, что прежде будет правильно определено понятие народного хозяйства. В центре науки стоит изучение повторяющихся у теперешних развитых народов типичных явлений разделения и организации труда, обмена, распределения дохода, общественно-экономических учреждений, которые, опираясь на определенные формы частного и публичного права, под влиянием одинаковых или сходных психических сил порождают одинаковые или сходные порядки или силы и представляют в своем цельном

¹ См. русский перевод кн. В. Рошера, Основы политической экономии. Руководство и книга для чтения деловых людей и учащихся, М., 1860, стр. 33. — *Ред.*

описании экономическую статику теперешнего культурного мира, род продольного разреза его устройства. Исходя отсюда, наука, пытаясь объяснить особенности отдельных хозяйств, различные формы организации тут и там, поставила перед собой вопрос — в какой связи стоят и какие результаты производят различные формы, и таким образом достигла понимания развития этих форм друг из друга и причин исторически последовательной смены хозяйственных состояний; таким образом к статическому изучению она присоединила и динамическое. Подобно тому, как при первом своем появлении она приходила к установлению идеалов путем нравственно-исторической оценки, так и теперь эта практическая функция в известной степени постоянно входит в содержание науки. Рядом с теорией политическая экономия постоянно выставляет и практические правила для жизни»¹.

Уфф! Сделаем передышку. Что же это такое, наконец? Общественно-экономические учреждения — частное и публичное право — психические силы — одинаковое и сходное — сходное и одинаковое — статистика-статика-динамика-продольный разрез — причинное развитие — нравственно-историческая оценка... Обыкновенный смертный от всего этого, наверное, будет так оглушен, словно у него в голове вертелось мельничное колесо. Упорно стремясь к знанию и слепо доверяя профессорской мудрости, он даст себе труд два-три раза с напряжением прочесть эту галиматью, чтобы извлечь из нее какой-нибудь осязательный смысл. Мы боимся, что это будет напрасный труд, ибо мы имеем здесь перед собой не что иное, как звонкие фразы, как запутанное словосплетение. А на этот счет имеется верный признак: кто ясно мыслит и сам основательно владеет предметом, о котором он говорит, тот выражается ясно и понятно. Кто выражается туманно и витиевато там, где идет речь не о философских абстракциях или фантастическом бреде религиозной мистики, тот обнаруживает этим, что предмет ему самому неясен или что он имеет основания избегать ясности. Мы увидим впоследствии, что туманный и запутанный язык буржуазных ученых о сущности политической экономии — не случайность, что в нем ска-

¹ См. русский перевод статьи в «Библиотеке экономистов», выпуск XI, «Густав Шмоллер», М., 1902, стр. 12—13. — *Ред.*

зывается как собственная неясность, царящая в головах этих господ, так и их тенденциозное, злобное отвращение к действительному выяснению вопроса.

Что ясное определение сущности политической экономии в действительности является спорным вопросом, можно усмотреть из одного внешнего обстоятельства. Это — тот факт, что по вопросу о *возрасте* политической экономии как науки можно встретить самые противоречивые воззрения. Известный старый историк, бывший профессор политической экономии Парижского университета Адольф Бланки — брат знаменитого социалистического вождя и борца коммуны Огюста Бланки — начинает, например, первую главу своей «Истории политической экономии», появившейся в 1837 г., со следующего заявления: «Политическая экономия старше, чем принято думать. Греки и римляне уже имели свою политическую экономию». Другие историки политической экономии, как, напр., бывший доцент Берлинского университета Евгений Дюринг, считают важным, наоборот, подчеркнуть, что политическая экономия гораздо моложе, чем обычно думают, что она возникла, собственно, лишь во второй половине XVIII в. Чтобы привести и мнения социалистов по этому вопросу, укажем на то, что Лассаль в 1864 г. в предисловии к своему классическому полемическому труду против Шульце-Делича «Капитал и труд» высказывается следующим образом:

«Политическая экономия — наука, которую еще нужно создать; в настоящее время существуют только ее начатки».

Наоборот, Карл Маркс своему главному экономическому труду «Капитал», первый том которого появился три года спустя, как бы в выполнение высказанного Лассалем пожелания, дал подзаголовок: «Критика политической экономии». Этим самым Маркс ставит свое собственное произведение вне рамок предшествовавшей политической экономии, видит в последней нечто сложившееся и законченное, что нужно подвергнуть критике. Ясно, что наука, относительно которой одни утверждают, что она стара, чуть ли не как писаная история человечества, другие, что она едва насчитывает полтора века, третьи, что она вообще находится лишь в пеленках, и, наконец, четвертые, что она отжила свой век и пора ее критически похоронить, — ясно, что такая наука сама

по себе представляет весьма своеобразную и запутанную проблему.

Если бы мы обратились к одному из официальных представителей этой науки с вопросом, как объяснить тот замечательный факт, что политическая экономия, как это теперь общепризнано, возникла так поздно, всего лишь 150 лет назад, мы вряд ли получили бы объяснение. Так, например, профессор Дюринг витиевато изложит нам, что древние греки и римляне вообще лишены были научных понятий о политико-экономических предметах, что они имели лишь «несознательные», «поверхностные», самые «обыденные» представления, основанные на повседневном опыте, а средневековые были вообще в высшей степени «ненаучно». Но это ученое разъяснение, очевидно, не продвигает нас ни на шаг вперед, не говоря уже о том, что оно, в особенности относительно средних веков, вообще неправильно.

Другое оригинальное объяснение преподносит профессор Шмоллер. В выше цитированной его статье из «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*» он нас угощает следующим соображением:

«Отдельные факты частного и общественного хозяйства были наблюдаемы и описываемы уже давно в течение столетий; были открыты отдельные экономические истины; хозяйственные вопросы обсуждались в системах этики и права. Но объединиться в особую науку эти отдельные, относящиеся сюда части могли лишь тогда, когда народнохозяйственные вопросы получили ранее за ними не признававшееся значение для руководства и управления государствами в XVII—XIX веках. Тогда ими начали заниматься многие писатели, ознакомление с ними стало необходимым для учащегося юношества, а подъем научной мысли вообще привел вместе с тем к тому, чтобы соединить всю совокупность экономических положений и истин в самостоятельную систему, связанную основными идеями, каковы: деньги и меновой обмен, государственная экономическая политика, труд и разделение труда. Это попытались сделать выдающиеся писатели XVIII века. С этих пор и существует учение о народном хозяйстве, или политическая экономия, как самостоятельная наука».

Если попытаться извлечь краткий смысл из этой длинной тирады, то получится следующая поучительная

Мысль: отдельные наблюдения в области народного хозяйства, которые долгое время оставались разрозненными, были объединены в особую науку, когда возникла в этом потребность «при руководстве и управлении государством», т. е. у правительств, и когда представилась необходимость в этих целях преподавать в университетах политическую экономию. Как изумительно, как классически звучит это объяснение в устах немецкого профессора! Сперва, вследствие «потребности» всемилостивейшего правительства, учреждается кафедра, на которую попадает ревностный профессор. Затем, естественно, должна быть создана соответствующая наука, так как иначе чему бы профессор стал обучать? Как не припомнить того придворного церемониймейстера, который утверждал, что монархии должны существовать вечно, так как если бы их не было, то для чего бы он, церемониймейстер, существовал тогда на свете.

По существу дело сводится к следующему: политическая экономия возникла потому, что у правительств современных государств возникла потребность в этой науке. Выходит, что заказ со стороны начальства является единственным законным поводом появления политической экономии. Образу мысли современного профессора, готового в качестве ученого лакея любого правительства и по его поручению развивать «научную» агитацию в пользу любого проекта об увеличении флота, пошлин и налогов или же, как гиена на поле брани, проповедовать во время войны шовинистическое натравливание одного народа на другой и духовный каннибализм, — такому образу мыслей вполне соответствует представление о том, что достаточно было потребности монархов в деньгах и интересах «княжеской казны», что достаточно было властного слова правительства, чтобы вызвать к жизни совершенно новую науку. У остальной части человечества, не состоящей на службе у фиска, такого рода объяснение вызовет новые недоразумения, так как оно, прежде всего, задает новую загадку. Возникает вопрос, почему именно в XVII в., как утверждает профессор Шмоллер, правительства современных государств ощутили вдруг потребность сдирать шкуру с любезных их сердцу подданных на основании научных принципов, между тем как в течение предыдущих столетий они, действуя по обычаю праотцов, успеш-

но обходились без этих принципов. Не следует ли и тут поставить вещи с головы на ноги; быть может, сами новейшие потребности «княжеской казны» явились лишь скромным последствием того крупного исторического переворота, из недр которого в середине XIX в. вышла новая наука политической экономии.

Короче говоря, мы у цеховых ученых не только не узнали, каков собственно предмет политической экономии, но и еще меньше знаем, когда и почему она возникла.

II

Одно, во всяком случае, несомненно: во всех определениях буржуазных ученых, которые мы привели выше, речь идет постоянно о «народном хозяйстве». Политическая экономия — это лишь перевод термина «учение о народном хозяйстве» на иностранный язык. Понятие народного хозяйства стоит в центре построений всех официальных представителей этой науки. Что же, собственно, такое народное хозяйство? Профессор Бюхер, труд которого — «Возникновение народного хозяйства» — пользуется как в Германии, так и за границей большой известностью, сообщает об этом следующее:

«Совокупность учреждений, институтов и действий, вызванных удовлетворением потребностей целого народа, и составляет народное хозяйство. Народное хозяйство распадается в свою очередь на многочисленные отдельные хозяйства, находящиеся друг с другом в определенных сношениях и многообразной зависимости вследствие того, что каждое из них берет на себя известного рода обязанности по отношению ко всем другим и налагает на других обязанности по отношению к себе»¹.

Попытаемся и это учение «определение» перевести на язык обыкновенных смертных.

Когда нам говорят о «совокупности учреждений и действий», призванных удовлетворять потребности целого народа, то мы принуждены думать о всевозможных вещах, как-то: о фабриках и мастерских, земледелии и скотоводстве, железных дорогах и торговых

¹ См. русский перевод, К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства. СПб, 1912, стр. 67. — *Ред.*

Домах, но не в меньшей мере и о церковных проповедях и полицейской страже, о балете, отделах записей гражданского состояния и обсерваториях, о парламентских выборах, монархах и союзах бывших солдат, о шахматных клубах, выставках собак и дуэлях, — так как все эти и бесконечная цепь разных других «учреждений и действий» служат в настоящее время «удовлетворению потребностей целого народа». Народное хозяйство охватывало бы таким образом, что происходит между небом и землей, а политическая экономия была бы универсальной наукой, трактующей «о всех вещах и еще кое о чем», как гласит латинская поговорка.

Весьма широкое определение лейпцигского профессора, очевидно, должно быть сужено. Вероятно, он имел в виду «учреждения и действия», призванные удовлетворять *материальные* потребности народа или, вернее, удовлетворять потребности посредством материальных вещей. Но и в этом случае «совокупность» заводит нас слишком далеко и делает все определение расплывчатым. Попытаемся, однако, по мере наших сил, разобраться.

Чтобы иметь возможность жить, все люди нуждаются в пище и питье, надежном крове, а в холодных поясах — в одежде, далее — во всевозможной утвари для повседневного домашнего обихода. Все эти вещи, лучше или хуже качеством, в большем или меньшем количестве, необходимы для существования всякого человеческого общества и должны поэтому постоянно — так как жареные голуби в рот не влетают — создаваться человеком. На всех ступенях культуры к этому присоединяются еще всевозможные предметы, служащие для украшения жизни и удовлетворения духовных и общественных потребностей, далее — оружие для защиты от врагов; у так называемых дикарей — маски для танцев, луки и стрелы, идолы, а у нас — предметы роскоши, церкви, пулеметы и подводные лодки. Для производства всех этих вещей необходимо известное вещество природы, из которого они производятся, и различные орудия, при помощи которых они производятся. Но и такие материалы, как камни, дерево, металлы, растения и пр., добывались из земли человеческим трудом, а орудия, которыми человек при этом пользуется, в свою очередь являются продуктами человеческого труда.

Если мы пока что удовлетворимся этим общим и приблизительным представлением, то мы можем мыслить себе народное хозяйство следующим образом: каждый народ постоянно производит собственным трудом массу необходимых для жизни вещей — пищу, одежду, постройки, утварь, украшения, оружие, предметы культуры и т. д., равно как и необходимые ему для производства этих вещей материалы и инструменты. Тот род и способ, которыми данный народ всю эту работу выполняет, распределяет между отдельными своими членами произведенные блага, их потребляет и в постоянном круговороте жизни вновь производит, — все это, вместе взятое, образует хозяйство данного народа, «народное хозяйство». В этом, приблизительно, смысл первого предложения в определении профессора Бюхера. Но пойдем дальше в нашем разъяснении.

«Народное хозяйство распадается в свою очередь на многочисленные отдельные хозяйства, находящиеся друг с другом в определенных сношениях и многообразной зависимости вследствие того, что каждое из них берет на себя известного рода обязанности по отношению ко всем другим и налагает на других обязанности по отношению к себе». Тут мы стоим перед новым вопросом: что это за «отдельные хозяйства», на которые распадается «народное хозяйство» и понятие о котором мы себе с трудом составили? Дальнейшее свидетельствует, что мы должны под этим понимать отдельные домашние ячейки, семейные хозяйства. Действительно, каждый народ в так называемых культурных странах состоит из определенного количества семейств, каждое из которых обычно ведет свое «хозяйство». Это частное хозяйство состоит в том, что семья, получая определенный денежный доход, будь то из заработков своих взрослых членов или из других источников, расходует его на удовлетворение своих потребностей в пище, одежде, жилье и т. д., при этом, когда мы думаем о домашнем хозяйстве, нам обычно рисуются в центре хозяйка дома, кухня, бельевой шкаф и детская. Не на эти ли «отдельные хозяйства» распадается «народное хозяйство»? Мы оказываемся в затруднительном положении. В народном хозяйстве, понятие которого мы себе только что составили, речь идет прежде всего о *создании* всех тех благ, которые в виде пищи, одежды, жилья, мебели, орудий

и материалов необходимы для жизни и работы. Центральное место в народном хозяйстве занимает *производство*. В домашнем хозяйстве, наоборот, речь идет лишь о *потреблении* тех предметов, которые семья на свой доход приобретает в готовом виде. Мы знаем, что в настоящее время большинство семей в современных государствах покупает в магазинах и на рынке почти все жизненные припасы, одежду, мебель и т. д. в готовом виде. В домашнем хозяйстве только готовится пища из закупленных жизненных припасов и, в лучшем случае, делается платье из закупленных тканей. Только в совсем отсталых земледельческих областях можно встретить еще крестьянские семьи, которые почти все, необходимое для жизни, производят собственным трудом в своем хозяйстве. Правда, в современных государствах имеется, с другой стороны, много семейств, которые именно на дому занимаются массовым производством промышленных изделий, как, например, домашние ткачи и портняжные рабочие, имеются также, как известно, целые деревни, занятые домашним производством игрушек. Но именно в этих случаях изделия, изготавливаемые семьей, принадлежат исключительно предпринимателю, который их заказывает и оплачивает, и ничто из них не идет для собственного потребления в хозяйстве работающей на дому семьи. Для своего хозяйства кустари покупают себе на свои скудные заработки все готовое, как и прочие семьи.

Таким образом, положение Бюхера: «народное хозяйство распадается на многочисленные отдельные хозяйства» равносильно тому, что будто бы *производство* средств существования целого народа «распадается» всего-навсего на *потребление* жизненных припасов отдельными семьями — положение явно бессмысленное.

Но тут возникает еще одно сомнение. «Отдельные хозяйства должны, согласно профессору Бюхеру, находиться «друг с другом в определенных сношениях» и полностью зависеть друг от друга, так как «каждое из них» берет на себя известного рода обязанности по отношению ко всем другим». О каких сношениях и какой зависимости идет речь? Не есть ли это те дружеские и добрососедские отношения, которые имеют место между частными семьями?

Но что общего имеют эти отношения с народным хозяйством и с хозяйством вообще? Ведь, как утверждает каждая дельная домашняя хозяйка, для хозяйства и для домашнего спокойствия тем лучше, чем меньше имеют место подобные соседские сношения между отдельными домами. А что касается упомянутой «зависимости», то совсем нельзя себе представить, какого рода «обязанности» домашнее хозяйство рантье Майера могло бы брать на себя по отношению к хозяйству директора гимназии Шульце «и ко всем другим». Мы, очевидно, совсем сбились с пути и должны подойти к вопросу с другого конца.

Надо полагать, следовательно, что «народное хозяйство» профессора Бюхера распадается вовсе не на отдельные домашние хозяйства. Не идет ли речь в таком случае об отдельных фабриках, мастерских, сельскохозяйственных предприятиях и т. п.? Одно обстоятельство как будто подтверждает, что на сей раз мы находимся на верном пути. Во всех этих предприятиях действительно изготавливаются, производятся различные предметы, необходимые для существования всего народа, и между этими предприятиями существуют, с другой стороны, известные сношения и взаимная зависимость. Фабрика, производящая пуговицы для брюк, например, целиком зависит от портняжных мастерских, которым она сбывает свой товар, в то время как портные, в свою очередь, навряд ли могли бы изготавливать брюки без пуговиц. Далее, портняжные мастерские нуждаются в тканях и поэтому зависят от хлопчатобумажных и ткацких фабрик, которые, в свою очередь, зависят от овцеводства, торговли хлопком и т. д. Здесь мы действительно наблюдаем широко разветвленную связь производства. Правда, несколько высокопарно говорить об «обязанностях», которые каждое из этих предприятий «берет на себя по отношению ко всем другим», в то время как речь идет о самой обыкновенной продаже портным пуговиц для брюк или овечьей шерсти прядильным мастерским и т. д. Но с этими цветами красноречия мы должны примириться как с неизбежной профессорской туманной болтовней, которая любит окружать выгодные делишки предпринимателей ореолом поэзии и «нравственной оценки», как это красиво сказано у профессора Шмоллера. Однако тут нас начинает разбирать еще большее сомне-

ние. Отдельные фабрики, сельскохозяйственные предприятия, угольные копи, железоделательные заводы, — это все, как будто, именно «те отдельные хозяйства», на которые «распадается» народное хозяйство. Но в понятие «хозяйство», по крайней мере, как мы себе представили народное хозяйство, входит в известной степени как изготовление жизненных припасов, так и их использование, как производство, так и потребление. Однако на фабриках, в мастерских, копиях и на заводах имеет место лишь производство и притом производство для других. Потребляются лишь материалы, [из которых состоят машины] и над которыми работают машины. Наоборот, готовое изделие не попадает в потребление на самом предприятии. Ни одна пуговица для брюк не идет на нужды фабриканта и его семьи, не говоря уже о рабочих этой фабрики, ни одна железная труба не идет в потребление владельца завода и его семьи. Далее, как бы мы ни определяли точнее понятие «хозяйства», мы всегда должны будем подразумевать под ним нечто целое, до известной степени в себе замкнутое и охватывающее весь процесс производства и потребления важнейших средств существования, необходимых для жизни человека. Как известно, однако, всякому ребенку, отдельные промышленные и сельскохозяйственные предприятия изготавливают в настоящее время один или максимум несколько продуктов, которых далеко не достаточно для человеческого существования, тем более, что в большинстве случаев эти продукты непригодны для потребления, представляя собой лишь составную часть средств существования, либо материал для него, либо орудие для его изготовления. Современные промышленные предприятия являются лишь обломками какого-либо хозяйства: взятые сами по себе, они с хозяйственной точки зрения не имеют ни смысла, ни цели, и даже неопытному глазу ясно, что каждое из них в отдельности не является вовсе «хозяйством», а лишь бесформенным осколком некоего хозяйства. Если, таким образом, сказать, что народное хозяйство, т. е. совокупность учреждений и действий, служащих удовлетворению потребностей народа, распадается в свою очередь на отдельные хозяйства, как-то: фабрики, мастерские, копи и т. д., то можно с таким же успехом утверждать, что совокупность органов, которые служат для выполнения всех функций человеческого

организма, есть сам человек, который в свою очередь распадается на много отдельных организмов, как-то: нос, уши, ноги, руки и т. д. Действительно, современная фабрика приблизительно в той же мере является «отдельным хозяйством», в какой нос является отдельным организмом.

Таким образом, мы и этим путем пришли к абсурду, — доказательство того, что построенные исключительно на внешних признаках искусственные определения буржуазных ученых имеют, очевидно, целью скрыть истинную сущность вопроса.

Попытаемся сами подвергнуть понятие народного хозяйства ближайшему рассмотрению.

III

Нам толкуют о потребностях народа, об удовлетворении этих потребностей в сложном хозяйстве и таким образом о хозяйстве народа. Политическая экономия должна быть наукой, которая объясняет нам сущность этого народного хозяйства, т. е. законы, согласно которым народ создает своим трудом богатство, увеличивает его, распределяет его между отдельными членами, потребляет и вновь создает. Предметом исследования является, стало быть, хозяйственная жизнь целого народа в отличие от частного или отдельного хозяйства в обычном смысле этого слова. Как бы отвечая внешне этому представлению, знаменитый труд англичанина Адама Смита, прозванного отцом политической экономии, труд, составивший эпоху и появившийся в 1776 г., озаглавлен: «Богатство народов».

Существует ли, однако, в действительности, должны мы себя спросить, нечто вроде хозяйства отдельного народа? Ведут ли народы, каждый в отдельности, обособленное, самодовлеющее хозяйство? Такие выражения, как «народное хозяйство», «национальная экономия» («Nationalökonomie») являются особенно излюбленными в Германии; обратим поэтому наши взоры на последнюю.

Руками немецких рабочих и работниц производятся ежегодно в сельском хозяйстве и промышленности огромные количества различных предметов потребления; но разве все это производится для собственного потре-

ния живущего в Германской империи населения? Мы знаем, что огромная, с каждым годом все увеличивающаяся часть этих немецких изделий вывозится в другие страны и части мира для нужд других народов. Германские железные изделия идут в различные соседние страны Европы, в Южную Америку и Австралию; кожа и кожаные товары направляются из Германии во все европейские государства; стеклянные изделия, сахар, перчатки вывозятся в Англию; меха — во Францию, Англию и Австро-Венгрию, ализариновые краски — в Англию, Соединенные Штаты и Индию; томасшлак, служащий удобрением, направляется в Голландию, Австро-Венгрию; кокс — во Францию; каменный уголь — в Австрию, Бельгию, Голландию и Швейцарию; электрические кабели вывозятся в Англию, Швецию, Бельгию; игрушки — в Соединенные Штаты; немецкое пиво, индиго, анилин и другие красящие вещества, являющиеся побочными продуктами каменноугольной промышленности, немецкие лекарства, целлюлоза, золотые изделия, чулки, хлопчатобумажные и шерстяные ткани и платья, немецкие железнодорожные рельсы рассылаются по торговым странам почти всего мира.

Но и, с другой стороны, немецкий народ на каждом шагу как в производстве, так и повседневном потреблении зависит от продуктов, производимых другими странами и народами. Мы едим хлеб из русского зерна, мясо венгерского, датского, русского скота; рис, который мы потребляем, приходит к нам из Ост-Индии и Сев. Америки, табак из Голландской Индии и Бразилии; мы получаем какао из Западной Африки; перец из Индии; свиное сало из Соединенных Штатов; чай из Китая; фрукты из Италии, Испании и Соединенных Штатов; кофе из Бразилии, Центральной Америки и Голландской Индии; мясной экстракт из Уругвая; яйца из России, Венгрии и Болгарии; сигары с острова Кубы; карманные часы из Швейцарии; шипучие вина из Франции; воловьшесуры из Аргентины; пух и перья из Китая; шелк из Италии и Франции; лен и кожи из России; хлопок из Соединенных Штатов, Индии и Египта; тонкую шерсть из Англии; джут из Индии; солод из Австро-Венгрии; льняное семя из Аргентины; определенные сорта каменного угля из Англии; бурый уголь из Австрии; селитру из Чили; квебраховое дерево для дубления кожи из

Аргентины; поделочный и строительный лес из России; пробковое дерево из Португалии; медь из Соединенных Штатов; свинец из Голландской Индии; цинк из Австралии; алюминий из Австро-Венгрии и Канады; асбест из Канады; асфальт и мрамор из Италии; камни для мостовых из Швеции; олово из Бельгии, Соединенных Штатов и Австралии; графит из Цейлона; фосфористую известь из Америки и Алжира; иод из Чили...

Начиная с простейших предметов питания в нашем повседневном обиходе до самых изысканных предметов в роскоши и необходимейшего сырья и орудий — все это мы получаем большей частью прямо или косвенно, целиком или в виде отдельных составных частей из других стран как продукты труда других народов. Чтобы иметь возможность в Германии жить и заниматься трудом, мы заставляем почти все страны, народы и части света работать для нас; и, с своей стороны, мы работаем для всех стран.

Чтобы представить себе колоссальные размеры этого обмена, бросим взгляд на официальную статистику ввоза и вывоза. По данным «Статистического ежегодника Германской империи» за 1914 г., вся внешняя торговля Германии в 1913 г. (не считая товаров, проходящих через Германию транзитом) представлялась в следующем виде:

Ввоз:

сырье	5 262	млн. марок
полуфабрикаты	1 246	» »
готовые изделия	1 776	» »
жизненные припасы	3 063	» »
живой скот	289	» »

Итого. 11 638 млн. марок,

т е почти 12 миллиардов марок.

Вывоз:

сырье	1 720	млн. марок
полуфабрикаты	1 159	» »
готовые изделия	6 642	» »
жизненные припасы	1 362	» »
живой скот	7	» »

Итого. 10 891 млн. марок¹,

¹ Ошибка в подсчетах итогов ввоза и вывоза объясняется тем, что Р. Люксембург округляла тысячи марок, а в общих итогах их учла — Ред.

т. е. почти 11 млрд. марок. Весь внешний товарооборот Германии составлял, таким образом, более 22 млрд. в год.

То же самое, что в Германии, имеет место в большей или меньшей степени и в других передовых странах, т. е. в тех самых странах, экономическую жизнь которых политическая экономия главным образом изучает. Все эти страны производят друг для друга, а отчасти и для самых отдаленных частей мира, и, с своей стороны, на каждом шагу нуждаются, как в области производства, так и в области потребления, в изделиях, производимых во всех частях света.

Как можно при наличии столь исключительно развитого обмена между странами провести границу между «хозяйством» одного и другого народа и говорить о многочисленных «народных хозяйствах», как будто бы это были экономически целостные, обособленные организмы?

Понятно, все возрастающий международный товарообмен не является открытием, неизвестным буржуазным ученым. Публикуемые ежегодно официальные статистические отчеты давно сделали соответственные данные общим достоянием всех образованных людей; что же касается предпринимателей и промышленных рабочих, то им эти факты известны, кроме того, и из повседневной действительности. Факт чрезвычайно быстрого роста мировой торговли в настоящее время настолько общеизвестен и общепризнан, что он никем не может ни оспариваться, ни вызывать у кого бы то ни было сомнения. Спрашивается только, как этот факт истолковывается учеными политэкономии? Как чисто внешняя свободная связь, как вывоз так называемых «излишков» производства страны над ее потреблением и как ввоз в нее «недостающих» в собственном хозяйстве, — связь, не мешающая им по-прежнему твердить о «народном хозяйстве» и «учении о народном хозяйстве».

Так, например, профессор Бюхер после обстоятельного поучения о том, что современное «народное хозяйство» является наивысшей и последней стадией развития в исторической цепи хозяйственных форм, возвещает нам следующее:

«Из того, что эпоха либерализма значительно облегчила международные сношения, нельзя еще заключать,

что период народного хозяйства приближается к концу, уступает место периоду мирового хозяйства... Правда, в настоящее время мы находим в Европе целый ряд государств, которые в отношении удовлетворения своих потребностей в известной мере лишены национальной самостоятельности; ибо значительное количество пищевых продуктов они вынуждены приобретать из-за границы, тогда как их промышленность далеко переросла потребности народа и дает постоянные избытки, которые должны сбываться на иностранных рынках. Но существование рядом таких промышленных стран и стран, производящих сырье, которые находятся во взаимной зависимости друг от друга, это «международное разделение труда» не является признаком того, что человечество находится на новой ступени развития, которая под названием *мирового хозяйства* могла бы быть противопоставлена прежним ступеням. Ибо, с одной стороны, ни один хозяйственный период не обеспечивал надолго абсолютной независимости в удовлетворении потребностей; каждый из них оставлял известные пробелы, которые так или иначе должны были быть заполнены. С другой стороны, так называемое мировое хозяйство не обнаружило пока еще никаких признаков, в существе своем отличных от явлений народного хозяйства, и можно сильно сомневаться в появлении таковых в ближайшем будущем»¹.

Еще смелее младший коллега профессора Бюхера — Зомбарт, просто заявляющий, что мы не вращаемся в мировое хозяйство, а, наоборот, все более от него отдаляемся: «Я утверждаю, что в настоящее время культурные народы (по отношению к совокупности их хозяйства) соединены друг с другом торговыми связями не значительно сильнее, а скорее слабее, чем прежде. В настоящее время отдельное народное хозяйство втянуто в мировой рынок не более, а скорее менее, чем сто или пятьдесят лет тому назад. Но, по крайней мере... ошибочно предполагать, будто международные торговые связи получают относительно возрастающее значение для современного народного хозяйства. Правильно обратное утверждение». Профессор Зомбарт убежден, что «отдельные народные хозяйства делаются все более и более

¹ [Bücher], «Die Entstehung der Volkswirtschaft», 5. Aufl., S. 147. См. русский перевод Бюхер, Возникновение народного хозяйства, стр. 106—107. — *Ред.*

совершенными микрокосмами (т. е. маленькими законченными мирами, а внутренний рынок на все товары мирового рынка приобретает большее значение»¹.

Эта блестящая благоглупость, которая находится в вопиющем противоречии с повседневным опытом хозяйственной жизни, ярко подчеркивает упорное нежелание господ цеховых ученых признать мировое хозяйство одной из новых фаз развития человеческого общества, — нежелание, на которое мы должны обратить сугубое внимание и скрытых корней которого мы должны доискаться.

Так как уже на «прежних ступенях хозяйства», например, во времена царя Навуходоносора, «известные пробелы» в хозяйственной жизни людей должны были восполняться путем обмена, то *современная* мировая торговля ни о чем не свидетельствует, и мы по-прежнему остаемся при «народном хозяйстве». Таково мнение профессора Бюхера.

Как характерно это для поверхностного исторического понимания ученого, слава которого основана именно на его будто бы проницательном и глубоком проникновении в историю хозяйственного быта. В угоду безвкусной схеме он, ничтоже сумняшеся, сваливает в одну кучу международную торговлю на самых различных, разделенных тысячелетиями, культурных и хозяйственных ступенях. Конечно, нет и не было человеческого общества без обмена. Самые старинные археологические находки, самые грубые пещеры, служившие жилищем «допотопного» человечества, самые примитивные могилы доисторической эпохи, — все они уже свидетельствуют об известном обмене продуктами между отдаленнейшими областями. Обмен так же стар, как культурная история человечества, он с давних времен ей сопутствовал и был мощным двигателем прогресса. В этой общей и в своей общности расплывчатой истине наш ученый растворяет все особенности эпох, ступеней культуры и хозяйственных форм. Как ночью все кошки серы, так в тумане этой профессорской теории все, как

¹ W. Sombart, Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrhundert, 2. Aufl., 1909, S. 399—420. См. русский перевод. В. Зомбарт, История экономического развития Германии в XIX веке, СПб, 1911, стр. 340—341 и 359. — *Ред.*

небо от земли, отличные друг от друга формы обмена представляются чем-то совершенно одинаковым. Прimitивный обмен какой-нибудь орды ботокудов в Бразилии, которая случайно выменивает свои своеобразно сплетенные маски для танцев на искусно изготовленные луки и стрелы другой орды; пышные товарные склады Вавилона, где сосредоточивалась роскошь восточных дворов; античный рынок Коринфа, где в новолуние выставлялось на продажу восточное полотно, греческие глиняные изделия, бумага из Тира и рабы из Сирии и Анатолии для богатых рабовладельцев; средневековая морская торговля Венеции, доставлявшая предметы роскоши для европейских феодальных дворов и семей патрициев, и современная капиталистическая мировая торговля, захватившая своей сетью восток и запад, север и юг, все океаны и все уголки земного пространства и перебрасывающая из года в год по разным направлениям в колоссальных количествах все, начиная от насущного хлеба и спичек для нищего до самых изысканных предметов искусства для богатых любителей, от простых земледельческих продуктов до самой сложной машины, от рабочих рук, источника всякого богатства, до смертоносных орудий войны, — все это для нашего профессора политической экономии одно и то же: простое «заполнение» «известных пробелов» в самостоятельном экономическом организме!..

Пятьдесят лет тому назад Шульце-Делич рассказывал немецким рабочим, что каждый современный человек прежде всего производит для себя самого, но те из полученных им продуктов, «которые ему самому не нужны», он отдает «в обмен на продукты других производителей». Ответ Лассалья на эту бессмыслицу забываем:

«Господин Шульце! Патримониальный судья! Неужели же вы не имеете *никакого* представления о действительной организации современного общественного труда? Или вы никогда не выезжали из Биттерфельда и Делича? В каком, собственно, столетии средних веков живете вы со всеми вашими воззрениями? ...Вы, стало быть, и не подозреваете, что *современный* общественный труд *характеризуется именно тем*, что каждый производит то, чего он сам *не может* потреблять. Вы даже не подозреваете того, что со времени водворения крупной промышленности так и *должно* быть, что в этом заклю-

чается *форма и суть* современного труда, и что, *не уяснив себе совершенно отчетливо этого пункта*, невозможно понять ни одной стороны современного экономического положения, ни одного из современных экономических явлений?

По-Вашему, стало быть, господин Леонор Рейхенгейм в Вюсте-Гирсдорфе производит сначала ту *хлопчатобумажную пряжу*, которую потребляет сам. Избыток же ее, который его дочери не могут превратить в носки и ночные фуфайки, он обменивает.

Господин Борзиг производит сначала машины *для надобностей собственной семьи*. Излишек машин он продает.

Владельцы магазинов траурных принадлежностей предусмотрительно работают прежде всего ради смертных случаев в собственных семьях. Но за немногочисленностью таких случаев остается избыток траурных материй, который они обменивают.

Господин Вольф, владелец здешнего телеграфного бюро, отправляет телеграммы прежде всего себе самому для собственного поучения и развлечения. А когда насытится ими, то обменивается остатком с биржевыми дельцами и газетными редакциями, которые услужливо предлагают ему в качестве излишка газетные корреспонденции и акции!..

Итак, *отличительный, резко определенный* характер труда *более ранних* хозяйственных формаций заключается в том, что в те времена производили прежде всего *для собственного потребления*, а отчуждали избыток, т. е. вели главным образом *натуральное хозяйство*. И, наоборот, *отличительная черта*, специфически определяющая труд в современном обществе, — та, что каждый производит только то, чего сам *не* потребляет, т. е. каждый производит *меновые стоимости*, тогда как раньше производил главным образом *потребительские стоимости*.

И вы не понимаете, господин Шульце, что это *необходимая* и все более распространяющаяся форма и способ осуществления труда в обществе, где *разделение труда* развилось до такой степени, как в современном?»

То, что Лассаль пытался тут разъяснить Шульце в отношении к частнокапиталистическим предприятиям, с каждым днем все больше применимо к хозяйственной

жизни столь развитых капиталистических стран, как Англия, Германия, Бельгия, Соединенные Штаты, по следам которых одна за другой идут и другие страны. И то заблуждение, в которое прогрессивный патримониальный судья из Биттерфельда вводил тогда рабочих, было только более наивно, но не более грубо, чем нынешняя тенденциозная полемика какого-нибудь Бюхера или Зомбарта против понятия мирового хозяйства.

Немецкий профессор как аккуратный чиновник любит порядок в своем ведомстве. Ради порядка он имеет обыкновение весь мир аккуратненько устроить на полочках научной схемы. И точно так же, как он расставляет по полкам свои книги, он различные страны распределил по двум полкам: на одной — страны, производящие промышленные изделия и располагающие «излишком» оных, на другой — страны, занимающиеся земледелием и скотоводством и имеющие сырье, недостающее первым странам. Отсюда возникла и на этом поконится международная торговля.

Германия — одна из наиболее промышленных стран мира. Согласно этой схеме, она должна была бы вести самый оживленный обмен с крупным аграрным государством, как Россия. Каким же образом происходит однако то, что самыми крупными торговыми контрагентами Германии являются две другие наиболее индустриальные страны — Соединенные Штаты Сев. Америки и Англия? Товарообмен Германии с Соединенными Штатами составлял в 1913 г. 2,4 млрд. марок, с Англией — 2,3 млрд. марок; Россия занимала в нем лишь третье место. А что касается вывоза из Германии, то как раз первая во всем мире промышленная страна¹ является главным покупателем продуктов германской промышленности: со своим годовым ввозом из Германии на сумму 1,4 млрд. марок Англия стоит на первом месте, далеко оставляя за собой прочие страны, импортирующие из Германии. Вместе же с колониями Британская империя поглощает не менее одной пятой части всего германского вывоза. Что скажет профессорская схема по поводу этого замечательного явления?

Здесь промышленное государство, там аграрное государство, — вот та закорюченная схема мировых хозяй-

¹ Не позже того времени, когда писалась работа Р. Л. — Ред.

ственных отношений, которой оперируют профессор Бюхер и большинство его коллег. Допустим, Германия была в 60-х годах аграрным государством; она вывозила излишек сельскохозяйственных продуктов и должна была получать самые необходимые промышленные изделия из Англии. С тех пор Германия превратилась в индустриальное государство и могущественнейшую соперницу Англии. Соединенные Штаты еще более ускоренным темпом проделывают то же развитие, которое Германия проделала в 70-е и 80-е годы; именно сейчас Соединенные Штаты находятся в процессе этого превращения. Правда, Соединенные Штаты пока еще являются, наряду с Россией, Канадой, Австралией и Румынией, самым крупным мировым производителем пшеницы, и по последней переписи (правда имевшей место еще в 1900 г.), целых 36% всего их населения было занято в сельском хозяйстве. Одновременно с этим идет с небывалой быстротой индустриальное развитие штатов, и промышленность их становится опасным конкурентом английской и немецкой промышленности. Мы предлагаем на премию любому почтенному экономическому факультету определить, следует ли отнести Соединенные Штаты, по схеме профессора Бюхера, в рубрику аграрных или индустриальных государств. Россия медленно следует по тому же пути, и как только она сбросит путы своего устарелого государственного строя, она, благодаря своему огромному населению и неисчислимым естественным богатствам, семимильными шагами наверстает потерянное и возможно на наших еще глазах станет в качестве мощного индустриального государства рядом с Германией, Англией и Соединенными Штатами, а то, может быть, и впереди их. Мир не представляет собой, таким образом, заостренного остова, подобно профессорской мудрости, — он движется, живет, видоизменяется. Резкая противоположность между промышленностью и сельским хозяйством, из которой будто бы вытекает международный обмен, сама по себе явление преходящее; она все более вытесняется из круга современного культурного мира на его периферию. Что происходит тем временем с торговлей в рамках этого культурного круга? По теории Бюхера она должна была бы все более сжиматься. Вместо того она, о чудо! как раз между промышленными государствами мощно возрастает.

Ничто так не поучительно, как картина развития современной хозяйственной жизни в последнюю четверть века. Несмотря на то, что мы, начиная с 80-х годов, наблюдаем во всех промышленных странах и крупных государствах Европы и Америки подлинные оргии протекционизма, т. е. взаимного искусственного замыкания «народных хозяйств», — развитие мировой торговли за тот же период не только не приостанавливается, но, наоборот, обнаруживает бешеный подъем. В какой мере рост индустриализации идет параллельно с ростом мировой торговли, может заметить даже слепой на примере трех руководящих стран: Англии, Германии и Соединенных Штатов.

Уголь и железо составляют душу современной промышленности, и вот с 1885 до 1910 г. добыча угля возросла:

В Англии	с 162 до 269 млн т
» Германии	» 74 » 222 » »
» Соединенных Штатах . . .	» 101 » 455 » »

Выплавка чугуна возросла за то же время:

В Англии	с 7,5 до 10,2 млн т
» Германии	» 3,7 » 14,8 » »
» Соединенных Штатах . . .	» 4,1 » 27,7 » »

Одновременно ежегодные обороты внешней торговли (ввоз и вывоз) возросли с 1885 до 1912 г.:

В Англии	с 13 до 27,4 млрд. марок
» Германии	» 6,2 » 21,3 » »
» Соединенных Штатах . .	» 5,5 » 16,2 » »

Если взять всю внешнюю торговлю (ввоз и вывоз) всех важнейших стран земного шара в последнее время, то ее обороты возросли со 105 млрд. марок в 1904 г. до 165 млрд. марок в 1912 г. Это означает увеличение на 57% в течение 8 лет. Поистине мировая история до сих пор и в отдаленной степени не давала нам примера столь головокружительного темпа экономического развития! «Die Toten reiten schnelle»¹. Капиталистическое «народное хозяйство» как бы торопится исчерпать свою жизнеспособность, сократить отпущенный для его суще-

¹ Точный перевод «мертвецы быстро скачут» — смысл поговорки: «человек, обреченный на смерть, стремится использовать отпущенный ему для жизни срок» — *Ред.*

ствования срок. Что говорит по этому поводу схема «известных пробелов», схема, построенная на неуклюжем танце между промышленным и аграрным государством?

Но в современной экономической действительности имеется еще много подобных загадок.

Остановимся внимательнее на таблицах германского ввоза и вывоза в 1913 г., не удовлетворяясь общей суммой обмениваемых товарных стоимостей и общей классификацией их, а рассматривая в отдельности важнейшие товарные группы германской торговли.

Ввезено в Германию:

хлопка-сырца	на 607	млн. марок
пшеницы	» 417	» »
сырой овечьей шерсти	» 413	» »
ячменя	» 390	» »
меди-сырца	» 335	» »
воловьих шкур	» 322	» »
железной руды	» 227	» »
каменного угля	» 204	» »
яиц	» 194	» »
мехов для меховых изделий	» 188	» »
селитры (чилийской)	» 172	» »
шелка-сырца	» 158	» »
каучука	» 147	» »
хвойного пиленого леса	» 135	» »
хлопчатобумажной пряжи	» 116	» »
шерстяной пряжи	» 108	» »
хвойного леса (не пиленого)	» 97	» »
телячьих шкур	» 95	» »
джута	» 94	» »
машин всякого рода	» 80	» »
овечьих и козьих шкур	» 73	» »
хлопчатобумажных изделий	» 72	» »
бурого угля	» 69	» »
чесаной шерсти	» 61	» »
шерстяных изделий	» 43	» »

Вывезено из Германии:

машин всякого рода	на 680	млн. марок
железных изделий	» 652	» »
каменного угля	» 516	» »
хлопчатобумажных изделий	» 446	» »
шерстяных изделий	» 271	» »
бумаги и бумажных изделий	» 263	» »
мехов для меховых изделий	» 225	» »
полосового железа	» 205	» »
шелковых изделий	» 202	» »
кокса	» 147	» »

анилина	на 142 млн. марок		
платьев	» 132	»	»
медных изделий	» 130	»	»
мягкой кожи	» 114	»	»
кожаных изделий	» 114	»	»
игрушек	» 103	»	»
жести	» 102	»	»
шерстяной пряжи	» 91	»	»
железных труб	» 84	»	»
воловьих шкур	» 81	»	»
железной проволоки	» 76	»	»
железнодорожных рельсов и т. п.	» 73	»	»
чугуна	» 65	»	»
хлопчатобумажной пряжи	» 61	»	»
каучуковых изделий	» 57	»	»

Два обстоятельства должны при этом тотчас же броситься в глаза и самому поверхностному наблюдателю. Во-первых, что один и тот же род товаров фигурирует в *обеих* рубриках, хоть и различных количествах. Германия сбывает ежегодно за границу машины на огромные суммы, но одновременно получает ежегодно из-за границы машин на не менее крупную сумму в 80 млн. марок. Точно так же из Германии вывозится каменный уголь и одновременно ввозится иностранный каменный уголь. То же самое относится и к хлопчатобумажным изделиям, шерстяной пряже и шерстяным изделиям, к воловьим шкурам и мехам и многим другим, не перечисленным в таблице товарам. С точки зрения голый противоположности промышленности и сельского хозяйства, — противоположности, которая словно волшебная лампа Аладина, помогает нашему профессору политической экономии осветить все тайны мировой торговли, эта странная двухсторонность совершенно непонятна; более того, она производит впечатление полного абсурда. Как же обстоит дело в действительности? Германия имеет, что ли «излишек сверх собственного потребления» машин, или, наоборот, она испытывает «известный пробел» в них? А как обстоит дело с каменным углем и хлопчатобумажными изделиями? С воловьими шкурами и тысячью других вещей? Как может какое-либо «народное хозяйство» одновременно обнаруживать постоянно «излишек» и «известный пробел» одних и тех же продуктов? Лампа Аладина мерцает неуверенно. Очевидно, эти указанные выше факты можно объяснить лишь при предположении, что между Германией и прочими странами

существуют сложнейшие и глубочайшие экономические связи, широко разветвленное разделение труда, приводящее к тому, что Германия производит известные сорта продуктов для других стран, получая оттуда другие сорта тех же продуктов. Это разделение труда, естественно, создает непрерывное передвижение товаров и превращает отдельные страны лишь в органические части более крупного целого.

Далее, уже при беглом взгляде на вышеприведенную таблицу поражает то обстоятельство, что ввоз и вывоз фигурируют не как два обособленных явления, вызванных в одном случае «излишком», в другом «известным пробелом», а что, наоборот, они тесно сплетены между собой причинной связью. Огромный германский ввоз хлопка совершенно очевидно измеряется вовсе не собственными потребностями населения, а скорее всего должен содействовать большому вывозу хлопчатобумажных материй и платья из Германии. Такая же связь существует между ввозом шерсти и вывозом шерстяных изделий, точно так же между огромным ввозом чужой железной руды и огромным вывозом железных изделий всех сортов, — и так на каждом шагу. Германия таким образом ввозит, чтобы иметь возможность вывозить. Она создает себе искусственно «известные пробелы», чтобы затем превратить их в столько же «излишков». Германский «микрокосм» является, следовательно, во всех отношениях лишь осколком более крупного целого, лишь одной из мастерских мира.

Присмотримся, однако, ближе к этому «микрокосму» в его «все более совершенном» самодовлении. Представим себе, что вследствие какой-либо политической или социальной катастрофы германское «народное хозяйство» действительно было бы отрезано от всего остального мира и было бы предоставлено самому себе. Какая картина представилась бы нашим взорам?

Начнем с хлеба насущного. Урожайность германского сельского хозяйства вдвое больше, чем в Соединенных Штатах. По развитию сельского хозяйства Германия занимает первое место между аграрными странами всего мира, уступая в смысле интенсивности сельского хозяйства лишь Бельгии, Ирландии и Голландии. Пятьдесят лет тому назад Германия при своем тогдашнем более отсталом сельском хозяйстве принадлежала к житницам

Европы и питала другие страны излишками своего хлеба. А ныне, несмотря на возросшую урожайность, германское сельское хозяйство и в отдаленной степени не в состоянии прокормить собственное население и собственный скот: не менее одной шестой части продовольствия приходится ввозить из-за границы. Это означает, иными словами, что если вы отрежете германское «народное хозяйство» от остального мира, вы лишите шестую часть населения, более одиннадцати миллионов немцев, средств питания.

Немецкий народ потребляет ежегодно на 220 млн. марок кофе, на 67 млн. марок какао, на 8 млн. чаю, на 61 млн. рису, он потребляет почти на 12 млн. различных пряностей и на 134 млн. марок привозного табаку. Все эти продукты, без которых даже бедняк теперь существовать не может и которые принадлежат к предметам повседневного обихода, не произрастают в Германии (или, — как табак, — в недостаточном количестве), так как германский климат неблагоприятен для этого. Отрежьте Германию длительно от остального мира, и жизненный уклад немецкого народа, соответствующий его нынешней культуре, будет нарушен.

Второе место после питания занимает одежда. Носильное белье, равно как и вся одежда широких народных масс, в настоящее время почти исключительно изготавливается из хлопка, белье состоятельной буржуазии — из полотна, а платья — из тонкой шерсти и шелка. Хлопок и шелк совершенно не производятся в Германии, так же мало производится весьма важное текстильное сырье джут, равно как и тончайшая шерсть, монопольное производство которой во всем мире сосредоточено в Англии; в пеньке и льне Германия ощущает большой недостаток. Отрежьте Германию на длительный период времени от всего мира, отнимите у нее заграничное сырье и заграничный сбыт, и все слои немецкого народа лишатся своей необходимейшей одежды. Германская текстильная промышленность, прокармливающая в данное время совместно с производством готового платья 1 400 000 рабочих, работниц и подростков, рухнет.

Но пойдем дальше. Становым хребтом современной крупной промышленности является так называемая тяжёлая промышленность: *машиностроительная и металлообрабатывающая*, а их фундаментом является добыча

металлической руды. Германия потребляет ежегодно (1913 г.) приблизительно 17 млн. т чугуна. Ее собственная выплавка чугуна в свою очередь равняется 17 млн. т. На первый взгляд можно было бы подумать, что германское «народное хозяйство» великолепно покрывает свою потребность в железе. Но для выплавки чугуна необходима руда и тут оказывается, что собственная добыча Германии составляет лишь 27 млн. т, стоимостью в 110 млн. марок, между тем как ей приходится ввозить из Швеции, Франции и Испании 12 млн. т высококачественной железной руды, стоимостью больше чем в 200 млн. марок, без которой германская металлообрабатывающая промышленность не могла бы обойтись.

Приблизительно ту же картину мы наблюдаем и относительно других металлов. При годичном потреблении 220 000 т цинка Германия производит сама 270 000 т, из которых она 100 000 т вывозит, ввозя при этом свыше 50 000 т извне для удовлетворения внутренних потребностей. Потребная для этого цинковая руда лишь отчасти добывается в Германии, а именно — полмиллиона тонн, стоимостью в 50 млн. марок; 300 000 т высококачественной руды, стоимостью в 40 млн. марок, Германия должна ввозить извне. Что касается свинца, то Германия ввозит 94 000 т готового металла и 123 000 т руды. И, наконец, потребляя ежегодно 241 000 т меди, Германия вынуждена целых 206 000 т ввозить из-за границы. Олово целиком ввозится из-за границы.

Отрежьте Германию на долгий срок от остального мира, и с прекращением этого притока ценнейших металлов и огромного сбыта германских железных изделий и машин за границей исчезнет основа существования немецкой металлообрабатывающей промышленности, в которой занято 662 000 рабочих, и машиностроительной промышленности, которая дает пропитание 1 130 000 рабочих и работниц. Но с металлообрабатывающей и машиностроительной промышленностью должен был бы рухнуть и целый ряд других отраслей промышленности, которые получают от них сырье и машины, равно как и те, которые поставляют им сырье и вспомогательные материалы, как, например, угольная промышленность, и, наконец, те отрасли, которые производят предметы потребления для колоссальных рабочих армий, занятых в этих отраслях промышленности.

Упомянем еще о *химической промышленности*, которая со своими 168 000 рабочих обслуживает весь мир. Напомним *деревообделочную промышленность*, в которой занято теперь 450 000 рабочих и которая без иностранного строительного и поделочного леса вынуждена была бы в большинстве случаев прекратить свою деятельность. Напомним о *кожевенной промышленности*, которая без ввоза иностранных шкур и без крупных иностранных рынков сбыта очутилась бы со своими 117 000 рабочих на улице. Вспомним благородные металлы — золото и серебро, — являющиеся в качестве *денежного материала* незаменимым базисом всей современной хозяйственной жизни, которые в Германии почти не добываются. Представим себе все это живо и спросим себя: что же такое германское «народное хозяйство»? Если бы Германия действительно на долгий срок была отрезана от остального мира и должна была бы вести самостоятельно свое хозяйство, что стало бы с ее хозяйственной жизнью и со всей современной культурой Германии? Рухнули бы, увлекая за собой друг друга в пропасть, одна отрасль производства за другой, колоссальные пролетарские массы остались бы без занятий, все население было бы лишено самых необходимых средств пропитания и одежды, торговля лишилась бы своего базиса — металлических денег, все «народное хозяйство» превратилось бы в кучу развалин, в обломки разбитого корабля...

Так выглядят те «известные пробелы» в германской хозяйственной жизни и тот «все более совершенствующийся микрокосм», который самодовольно парит в голубом эфире профессорской теории.

Но позвольте! А мировая война 1914 г., это великое испытание «народного хозяйства», не оправдала ли она блестяще все построения Бюхеров и Зомбартов? Не показала ли она завистливому миру, несмотря на то, что она была герметически закупорена и отрезана от мирового оборота, великолепную, здоровую, мощную жизнеспособность германского «микрокосма», которую он обязан своей крепкой государственной организацией и высокому уровню германской техники? Разве не хватило продовольствия для народа без помощи чужого сельского хозяйства и не поддерживалось так же бодро движение механизма промышленности и без ввоза из-за границы и вывоза?

Присмотримся ближе к фактам.

Во-первых, что касается питания, то его потребности совершенно не покрывались германским сельским хозяйством. Миллионы взрослого мужского населения, находившегося в армии, почти в течение всей войны прокармливались за счет других стран: Бельгии, Северной Франции и отчасти Польши и Литвы. Для прокормления немецкого народа площадь собственного «народного хозяйства» была увеличена площадью оккупированных местностей Бельгии, Северной Франции, а во втором году войны — западной частью Российской империи, которые своими сельскохозяйственными продуктами должны были в значительной мере восполнить недостаток ввоза. Дополняет контраст огромный дефицит в продовольствии коренных жителей оккупированных областей, который, как, например, в Бельгии, должен был покрываться в порядке благотворительности из продуктов американского сельского хозяйства. Вторым последствием явилось вздорожание всех жизненных средств в Германии на 100—200% и ужасающее недоедание широких слоев германского населения.

Затем движение промышленного механизма. А как удавалось поддерживать его в движении без притока чужого сырья и прочих средств производства, в огромном значении которых мы убедились? Как могло совершиться такое чудо? Загадка эта разрешается очень просто и без всякого чуда. Дело в том, что германская промышленность только потому и могла продолжать функционировать, что она непрерывно снабжалась сырьем из-за границы. И это снабжение производилось трояким образом: во-первых, из тех крупных запасов хлопка, шерсти, меди в различных видах и т. п., которые уже имелись в Германии и которые нужно было только извлечь из всяких укромных местечек и пустить в ход; во-вторых, из тех запасов, которые германские военные власти реквизируют в оккупированных местностях: Бельгии, Северной Франции и отчасти Польши и Литвы, предоставив их в распоряжение германской промышленности; в-третьих, наконец, благодаря непрерывному подвозу из-за границы при посредничестве нейтральных стран (и из Люксембурга), — подвозу, который не прекращался в течение всей войны. Если принять далее во внимание, что необходимой предпосылкой всего этого

«военного хозяйства» и бесперебойного функционирования его явились также огромные запасы заграничных благородных металлов, накопленные немецкими банками, то герметическая изоляция германской промышленности и торговли от внешнего мира окажется такой же легендой, как и полное прокормление немецкого населения силами германского сельского хозяйства, как и самодовлеющий характер германского «микрокосма» в период войны, — положения, представляющие из себя нянюшкины сказки.

Наконец, сбыт изделий германской промышленности, огромное распространение которых во всех частях света мы выше констатировали, сменился во время войны непосредственным удовлетворением военных потребностей государства. Иными словами, важнейшие отрасли промышленности — металлообрабатывающая, текстильная, кожевенная, химическая — претерпели изменение и превратились исключительно в поставщиков армии. Так как военные расходы покрывались из карманов немецких плательщиков налогов, то милитаризация промышленности означала, что германское «народное хозяйство» вместо того, чтобы отправлять значительную часть своих продуктов за границу в обмен, отдавало их на непрерывное уничтожение на войне. Понесенные таким путем потери будут благодаря системе государственного кредита в течение десятилетий обременять германское хозяйство.

Если все это суммировать, то станет ясным, что чудесное процветание «микрокосма» во время войны во всех отношениях являлось лишь экспериментом, относительно которого возникал только один вопрос, как долго он сможет протянуться, пока все искусственное здание не рухнет, как карточный домик.

Обратим теперь внимание еще на одно замечательное явление. Если мы рассмотрим общие цифры внешней торговли Германии, то нам бросится в глаза тот факт, что ввоз значительно превышает вывоз: первый составлял в 1913 г. 11,6, а второй — 10,9 млрд. марок. И это соотношение между ввозом и вывозом характерно не для одного лишь 1913 г., но и для целого ряда предшествовавших лет. То же самое относится и к Великобритании, которая в 1913 г. ввезла на 13, а вывезла на 10 млрд. марок. Так же приблизительно обстоит дело и во Франции, Бельгии и Голландии. Как возможно подобное явление?

Не сообразовал ли профессор Бюхер просветить нас своей теорией «излишков сверх собственной надобности» и «известных пробелов»?

Если экономические взаимоотношения между различными «народными хозяйствами» исчерпываются, как учит нас профессор, тем, что отдельные «народные хозяйства», как во времена царя Навуходоносора, пересылают друг другу свои временные «излишки», т. е. если простой товарообмен является единственным мостом через голубое воздушное пространство, отделяющее один из этих «микрокосмов» от другого, то ясно что одна страна может ввезти приблизительно на такую же сумму чужих товаров, на какую она вывозит свои товары. Ведь при простом товарообмене деньги являются просто посредником, и в конечном счете чужой товар оплачивается собственным товаром. Как может в таком случае «народное хозяйство» свершить такой фокус и ввозить длительно из-за границы больше, чем оно вывозит из своих «излишков»?

Быть может, профессор возразит нам иронически, что загадка разрешается весьма просто: импортирующая страна просто оплачивает излишек ввоза по сравнению с вывозом наличными деньгами. Но простите, пожалуйста! Позволять себе из года в год такую роскошь, швырять в бездонную пропасть внешней торговли большие суммы наличных денег, которые никогда не вернутся, могла бы в лучшем случае страна с богатыми залежами золота и серебра, что не имеет места ни в Германии, ни во Франции, ни в Бельгии, ни в Голландии. Кроме того, мы наталкиваемся, о чудо! на следующий сюрприз: Германия не только ввозит постоянно больше товаров, чем вывозит, но она и денег больше ввозит, чем вывозит! Так, напр., в 1913 г. Германия ввезла золота и серебра на сумму 441,3 млн. марок, а вывезла на 102,8 млн. марок, и приблизительно то же соотношение можно было бы наблюдать в течение ряда лет. Что скажет профессор Бюхер со своим «излишком» и своими «пробелами» по поводу этой загадки? Волшебная лампа уныло мерцает. В самом деле, мы начинаем догадываться, что за загадочными иероглифами мировой торговли между отдельными «народными хозяйствами» скрываются еще какие-то особые экономические отношения, отнюдь непохожие на простой товарообмен. Постоянно получать из других

стран больше продуктов, чем отдавать им из собственных продуктов может, очевидно, лишь такая страна, которая имеет по отношению к этим странам экономические притязания, весьма отличающиеся от обмена между равными контрагентами. И такого рода притязания и отношения зависимости между странами в действительности существуют на каждом шагу, хотя профессорские теории ничего о них не знают. Наипростейшую форму такого рода зависимости представляет собой зависимость колоний от так называемой метрополии. Великобритания получает ежегодно из своей самой крупной колонии, Британской Индии, свыше 1 млрд. марок дани в самых различных формах. И соответственно этому мы видим, что товарный вывоз Индии ежегодно на 1,2 млрд. марок превышает ее ввоз. Этот «излишек» есть не что иное, как экономическое выражение колониальной эксплуатации Индии английским капитализмом, — имеет ли это место в форме непосредственного вывоза товаров из Индии в Великобританию или в том, что Индия вынуждена ежегодно вывозить товары в разные страны на сумму в 1,2 млрд. специально с той целью, чтобы уплатить дань британским эксплуататорам¹. Но имеются и другие формы экономической зависимости, которые не обусловлены политическим порабощением. Россия вывозит ежегодно на 1 млрд. марок больше товаров, чем ввозит. Не имеем ли мы тут дело с крупным «излишком» сельскохозяйственных продуктов сверх собственных нужд, и не поэтому ли огромный товарный поток ежегодно устремляется из Российской империи? Но русский мужик, производитель вывозимого таким образом из страны зерна, как известно, болеет цингой на почве недоедания и часто потребляет хлеб с обильной примесью древесной коры. При финансовой и налоговой системе России массовый вывоз крестьянского зерна является жизненной необходимостью для Российского государства, вынужденного покрывать свои обязательства по иностранным займам. Государственный аппарат России, со времени знаменитого поражения в Крымской войне, преобразованный на современный лад благодаря рефор-

¹ Замечание Р. Л. на полях рукописи: экономический фон этого процесса в Индии: «народное хозяйство» крестьянской общины рушится; промышленность... Безмолвные цифры ввоза и вывоза убедительно говорят о ... — Ред.

мам, покрывает свои расходы главным образом при помощи займов, заключенных в Западной Европе, преимущественно во Франции. Чтобы быть в состоянии уплачивать проценты по займам во Франции, Россия вынуждена ежегодно вывозить огромные количества пшеницы, леса, льна, пеньки, скота и птицы в Англию, Германию и Голландию. Огромный перевес русского вывоза представляет собой лишь дань должника кредитору; на стороне Франции этому соответствует огромный перевес ввоза над вывозом, представляющий собой не что иное, как скрытые проценты, получаемые на ссудный капитал. Но и в самой России звенья экономической цепи идут дальше. Уже десятилетиями капиталы, занятые во Франции, служат в России двум целям: гарантированному государством железнодорожному строительству и вооружениям. Для обслуживания этих обеих отраслей в России возникла с 70-х годов под защитой высоких протекционистских пошлин крупная промышленность. Ссудный капитал из старой капиталистической страны, Франции, взрастил в России молодой капитализм, который со своей стороны нуждается на продолжительный период времени в поддержке технически передовых промышленных стран, Англии и Германии, в виде значительного ввоза машин и других средств производства. Таким образом, между Россией, Францией, Германией и Англией протянута нить экономических связей, среди которых товарообмен занимает далеко не первое место.

Но разнообразие связей этим не исчерпывается. Такие страны, как Турция и Китай, задают профессорской схеме новую загадку: они, в противоположность России и подобно Германии и Франции, ввозят гораздо больше, нежели вывозят, и в иные годы ввоз вдвое превышает вывоз. Как могут такие страны, как Турция и Китай, позволить себе роскошь столь основательного пополнения «пробелов» в собственном «народном хозяйстве», когда последнее далеко не в состоянии вернуть соответствующих «излишков»? Неужели западноевропейские страны из года в год, из христианской любви к ближнему делают стране полумесяца и «небесной империи» ценный подарок в несколько сот миллионов марок в виде всевозможных полезных товаров? Но каждый ребенок знает, что как Турция, так и Китай по уши залезли в лапы европейских ростовщиков и вынуждены

платить колоссальную дань в виде процентов английским, немецким и французским банкам. Если судить по примеру России, то Турция и Китай должны были бы, наоборот, обнаружить перевес вывоза собственных продуктов над ввозом чужих, чтобы иметь возможность уплачивать проценты своим западноевропейским благодетелям. Но в Турции, как и в Китае, так называемое «народное хозяйство» коренным образом отличается от русского. Внешние займы, правда, главным образом идут, как и в России, на железнодорожные и портовые сооружения и на вооружение. Но Турция до сих пор не располагает собственной промышленностью в сколько-нибудь значительных размерах и не может сразу вызвать ее к жизни, перейдя мгновенно от своего средневекового крестьянского натурального хозяйства с его примитивным способом обработки земли и с десятинным налогом к развитию промышленности.

То же самое, с некоторыми отклонениями, имеет место в Китае. Поэтому не только промышленные изделия, в которых нуждается население, но и все необходимое для транспортных сооружений, а также для вооружения флота и армии, должно в готовом виде ввозиться из Западной Европы, а необходимые работы должны выполняться на месте европейскими предпринимателями, техниками и инженерами. Более того, займы в большинстве случаев обусловлены такого рода поставками. Китай, например, получает у немецкого или австрийского банковского капитала заем лишь при условии сдачи заказа на определенную сумму на вооружения у Шкоды или Круппа, другие займы заранее ставятся в зависимость от предоставления концессий на постройку железных дорог. Таким образом европейский капитал направляется в Турцию и в Китай большей частью сразу в виде товаров (военное снаряжение) или как промышленный капитал *in natura* (в вещественной форме), в виде машин, железа и т. д. Эти последние товары направляются туда не для обмена, а для извлечения прибыли. Проценты на этот капитал наряду с прочими барышами выколачиваются европейскими капиталистами на месте из турецких или китайских крестьян при помощи соответствующей налоговой системы под европейским финансовым контролем. За скромными цифрами турецкого или китайского ввоза,

превышающего их вывоз, и соответствующими цифрами вывоза из Европы кроются, таким образом, своеобразные отношения между богатым крупнокапиталистическим Западом и эксплуатируемым им бедным, отсталым Востоком, который снабжается первым самыми современными и грандиозными транспортными сооружениями и военным снаряжением и которому, с другой стороны, Запад несет разрушение его старого крестьянского «народного хозяйства».

Другой пример показывают нам Соединенные Штаты. Здесь, как и в России, вывоз значительно превышает ввоз — последний составлял в 1913 г. 7,4, а первый — 10,2 млрд. марок, но причины этого явления опять-таки коренным образом отличаются от русских условий. Правда, и Соединенные Штаты поглощают колоссальные количества европейского капитала. Уже с начала XIX в. лондонская биржа всасывает целые потоки американских ценных бумаг (облигаций и акций); спекуляция на американском учредительстве и американских бумагах вплоть до 60-х годов, с точностью термометра, служила каждый раз показателем приближающегося нового взрыва крупного промышленного и торгового кризиса в Англии. С тех пор приток английского капитала в Соединенные Штаты не прекращался. Капиталы эти направляются в Соединенные Штаты отчасти в виде займов городам и частным обществам, большей частью, однако, как промышленный капитал: либо покупались американские железнодорожные и промышленные акции на лондонской бирже, либо английские промышленные картели учреждали в Соединенных Штатах собственные филиалы с целью обхода высоких таможенных тарифов или с целью скупки акций местных предприятий, дабы избавиться от их конкуренции на мировом рынке. Соединенные Штаты в настоящее время уже располагают собственной высокоразвитой и все растущей крупной промышленностью; в то время как в эту промышленность непрерывно притекает капитал из Европы, она, с своей стороны, в виде машин и угля снабжает промышленным капиталом Канаду, Мексику и другие страны Центральной и Южной Америки. Соединенные Штаты объединяют, таким образом, колоссальный вывоз сырья, как-то: хлопка, меди, пшеницы, леса и нефти, в старокapиталистические страны со все возрастающим про-

мышленным экспортом в молодые страны, индустриализация которых лишь начинается. В крупном перевесе экспорта Соединенных Штатов над их импортом отражается своеобразный переход от аграрного государства, впитывающего чужой капитал, к индустриальному государству, экспортирующему капитал. Соединенные Штаты при этом играют роль посреднического звена между старой капиталистической Европой и юным, отсталым американским континентом.

Если проследить весь процесс широкой эмиграции капиталов из старых промышленных стран в молодые и соответствующей ему реэмиграции извлекаемых из этих капиталов доходов, которые молодые страны в виде дани уплачивают ежегодно старым странам, то мы увидим главным образом три мощных потока. По приблизительной оценке Англия уже в 1906 г. имела вложенными в своих колониях и за границей 54 млрд. марок, что приносило ей ежегодный доход в 2,8 млрд. марок. Вложенный за границей французский капитал составлял в то же время 32 млрд. с ежегодным доходом минимум в 1,3 млрд. марок. И, наконец, Германия уже десять лет назад имела вложенными за границей 26 млрд. марок, которые приносили ей ежегодно приблизительно 1,24 млрд. С тех пор как вложения, так и доходы возрастали. Но главные потоки к концу разбиваются на более мелкие побочные ручейки. Как Соединенные Штаты распространяют капитализм на американском континенте, так даже Россия, сама еще целиком питающаяся французским капиталом и продуктами английской и немецкой промышленности, предоставляет капитал взаймы и сбывает промышленные изделия своему азиатскому тылу: Китаю, Персии, Центральной Азии, участвует в постройке железных дорог в Китае и т. д.

Так за сухими иероглифами международной торговли открылась нам сложная сеть экономических сплетений, ничего общего не имеющих с простым товарообменом, который один царит в системе профессорской мудрости.

Мы видим, что разделение на страны, производящие промышленные изделия, и страны, производящие сырье, — разделение, которое проводит ученый господин Бюхер, уместая на этих неуклюжих подмостках весь международный обмен, — есть не что иное, как сырой

продукт профессорской схематики. Парфюмерия, хлопчатобумажные ткани и машины являются в равной мере фабрикатами. Но вывоз парфюмерных изделий из Франции показывает, что последняя является страной, производящей предметы роскоши для легкомысленных слоев богатой буржуазии во всем мире; вывоз хлопчатобумажных тканей из Японии показывает, что Япония, соперничая с Западной Европой, подрывает во всей Восточной Азии старинные формы крестьянского и домашнего производства и вытесняет его путем развития торговли, вывоз же машин из Англии, Германии и Соединенных Штатов показывает, что эти три страны пересаживают крупную промышленность во все части света.

Мы узнаем таким образом, что в настоящее время вывозится и ввозится «товар», который был неизвестен как во времена Навуходоносора, так и на протяжении всей античной и средневековой истории, а именно — *капитал*. И этот товар не содействует заполнению известных «пробелов» в чужих «народных хозяйствах», он, наоборот, сам образует пробелы, создает трещины и щели в стенах старых «народных хозяйств», проникает в них и, подобно динамиту, раньше или позже превращает эти «народные хозяйства» в груды развалин. Вместе с «товаром», именуемым капиталом, распространяются из нескольких старых стран по всему миру еще более удивительные «товары»: современные пути сообщения и средства истребления целых туземных народностей, денежное хозяйство и задолженность крестьянства, богатство и бедность, пролетариат и эксплуатация, необеспеченность существования и кризисы, анархия и революции. Европейские «народные хозяйства» протягивают свои щупальцы во все страны и ко всем народам земли для того, чтобы удушить их в одной большой сети капиталистической эксплуатации.

IV

Может ли профессор Бюхер вопреки всему не верить в существование мирового хозяйства? Нет. Ничего не открыв после внимательного осмотра всех частей света, наш ученый заявляет: ничего не поделаешь, я не вижу никаких «особенных явлений», которые в «существенных

чертах были бы отличны» от народного хозяйства, и «можно весьма усомниться в том, обнаружатся ли такие явления в ближайшем будущем».

В таком случае оставим совсем торговлю и торговую статистику и обратимся прямо к жизни, к истории современных хозяйственных отношений. Возьмем лишь одну небольшую часть этой пестрой гигантской картины.

В 1768 г. в Ноттингеме, в Англии, создается первая механическая прядильная машина Аркрайта, в 1785 г. Картрайт изобретает механический ткацкий станок. Ближайшим последствием этого является уничтожение в Англии ручного ткачества и быстрое распространение механического производства тканей. В начале XIX в. в Англии насчитывалось, приблизительно, около одного миллиона ручных ткачей; теперь они были обречены на вымирание, а к 1860 г. во всем королевстве их уцелело не более нескольких тысяч, но зато к этому времени полмиллиона фабричных рабочих занято было в хлопчатобумажной промышленности. В 1863 г. министр-президент Гладстон говорит в парламенте о «головокружительном росте богатства и могущества, выпавшего на долю буржуазии», между тем как рабочему классу из всего этого богатства ничего не досталось.

Английская хлопчатобумажная промышленность получает сырье из Северной Америки. Увеличение фабрик в районе Ланкашира вызвало к жизни колоссальные хлопковые плантации в южной части Соединенных Штатов. В качестве дешевой рабочей силы для убийственной работы на хлопковых плантациях, равно как и на сахарных, рисовых и табачных плантациях, импортировались из Африки негры. Торговля рабами в Африке испытывает чрезвычайное оживление, внутри «черной части света» производится охота на целые негритянские племена, которые продаются вождями этих племен и сушей и водой транспортируются через огромные пространства в Америку для продажи. Начинается настоящее черное «переселение народов». В конце XVIII в., в 1790 г., в Америке насчитывается 697 000 негров, а в 1861 г. — уже 4 миллиона.

Колоссальное распространение работорговли и рабского труда в южных штатах вызывает крестовый поход северных штатов против этих нечеловеческих ужасов.

Массовый импорт английского капитала в 1825—1860 гг. вызвал на севере Соединенных Штатов оживленное железнодорожное строительство, положил начало собственной промышленности, а вместе с ней и буржуазии, которая страстно стремилась к современным формам эксплуатации, к капиталистическому порабощению рабочих. Сказочные барыши южных владельцев плантаций, отправлявших после семи лет выжимания пота своих черных рабов на тот свет, тем более возмущали набожных пуритан Севера, чем менее северные климатические условия делали возможным устройство такого же рая в их штатах. И по настоянию северных штатов законом 1861 г. было уничтожено рабство во всех формах на всем пространстве Соединенных Штатов. Оскорбленные в глубине своих чувств, южные плантаторы ответили на это открытым возмущением. Южные штаты вышли из федерации, и разгорелась гражданская война.

Ближайшим последствием войны было опустошение и экономическое разорение южных штатов. Производство и торговля пришли в упадок, прекратился вывоз хлопка. Английская промышленность лишилась своего сырья, и в 1863 г. в Англии наступает ужасный кризис, так называемый «хлопковый голод». В районе Ланкашира 250 000 рабочих совсем лишились работы, 166 000 работали частично и лишь 120 000 работали полностью, но получали при этом заработную плату, пониженную на 10—20%. Безмерная нужда свирепствует в районе Ланкашира, и 50 000 рабочих посылают петицию в английский парламент, прося пособия из государственных средств, чтобы с семьями эмигрировать из Англии. Австралийские Штаты, переживавшие тогда начало капиталистического подъема и испытывавшие недостаток в рабочих руках — после того как туземное население было почти целиком истреблено европейскими пришельцами, — изъявили согласие принять безработных английских пролетариев. Но английские фабриканты бурно протестуют против эмиграции их «живых машин», которые могут им самим понадобиться при следующем промышленном подъеме. Рабочим отказывают в средствах для эмиграции, и они вынуждены испить до конца чашу страданий, в которые вверг их кризис.

Английская промышленность, потеряв американский источник снабжения, разыскивает новые центры сырья

и направляет свои взоры на Ост-Индию. Лихорадочно разводятся здесь хлопковые плантации, и возделывание риса, в течение тысячелетий дававшее пропитание и средства существования населению, должно было на обширных пространствах отступить под давлением барышнических притязаний спекулянтов. Вследствие сокращения посевов риса через несколько лет надвигается чудовищная дороговизна и голод, вызвавший в 1866 г. в одном только округе Орисса, к северу от Бенгалии, более одного миллиона человеческих жертв, погибших от голодной смерти.

Другой эксперимент производится в Египте. Чтоб использовать конъюнктуру, созданную войной за независимость, вице-король Египта Исмаил-паша спешно создает хлопковые плантации. В отношениях собственности в сельском хозяйстве происходит настоящая революция. Начинается грабеж крестьянской земли, объявляемой королевской собственностью и идущей под крупные плантации. Тысячи крепостных крестьян сгоняются насильно на плантации, чтобы воздвигать для вице-короля плотины и каналы и перепахивать землю. Вице-король же еще больше усиливает свою задолженность английским и французским банкирам, чтобы вывозить из Англии на занятые деньги новейшие паровые плуги и хлопкоочистительные машины. Вся эта грандиозная спекуляция уже через год заканчивается полным банкротством, когда после заключения мира в Соединенных Штатах цена на хлопок в несколько дней упала вчетверо. Последствием этой хлопковой авантюры в Египте явилось ускоренное разорение крестьянского хозяйства, ускоренный развал финансов и в конечном счете ускоренная оккупация Египта английскими войсками.

Тем временем хлопчатобумажная промышленность делает новые завоевания. Крымская война 1855 г. прервала подвоз льна и пеньки из России, что вызвало сильный кризис льняной промышленности в Западной Европе. Хлопчатобумажные изделия при этом вытесняют льняные, хлопчатобумажная промышленность все более распространяется за счет льняной. В России в то же время благодаря краху старого режима во время Крымской войны происходит перемена политического курса, уничтожается крепостное право, проводятся либеральные реформы, свобода торговли и начинается

быстрый рост железнодорожного строительства. Таким образом, в колоссальной Российской империи открывается новый обширный рынок сбыта для продуктов промышленности, и английская хлопчатобумажная промышленность первая проникает на русский рынок. Точно так же и Китай в 60-е годы, после ряда кровавых войн, становится доступным английской торговле. Англия царит на мировом рынке, и продукты хлопчатобумажной промышленности составляют половину английского экспорта. Период 60-х и 70-х годов есть период самых блестящих дел для английских капиталистов, когда они более всего склонны были путем маленьких уступок рабочим обеспечить себе и «рабочие руки» и «промышленный мир». В ту пору английские тред-юнионы во главе с текстильными рабочими достигают своих главных успехов. Это время окончательного отмирания революционных традиций чартистов и идей Оуэна в английском пролетариате, его закостенения в консервативном тред-юнионизме.

Но скоро переворачивается страница истории. Везде на континенте, куда Англия вывозила свои хлопчатобумажные изделия, мало-помалу возникает собственная хлопчатобумажная промышленность. Уже в 1844 г. происходят голодные бунты силезских и богемских ткачей как первые предвестники мартовской революции. И в собственных колониях Англии нарождается местная промышленность. Хлопчатобумажные фабрики Бомбея начинают конкурировать с английскими и в 80-х годах помогают сломить монополию Англии на мировом рынке.

И, наконец, в России подъем собственного хлопчатобумажного производства в 70-х годах открывает собой эру крупной промышленности и протекционизма. Для обхода высоких таможенных пошлин целые фабрики вместе с персоналом переносятся из Саксонии, из Фогт-ланда в русскую Польшу, где с американской быстротой возникают новые фабричные центры — *Лодзь* и *Згерж*.

К началу 80-х годов рабочие беспорядки в текстильном районе *Москвы* — *Владимира* вынуждают царское правительство издать первые законы по охране труда. В 1896 г. 60 000 рабочих петербургских текстильных фабрик устраивают первую общую забастовку в России. А девять лет спустя, в июле 1905 г., 100 000 рабо-

чих во главе с немецкими рабочими воздвигают первые баррикады Великой русской революции в третьем центре хлопчатобумажной промышленности — в *Лодзи*.

Перед нами прошла тут в кратких чертах 140-летняя история одной современной отрасли промышленности, история, распространяющаяся на все пять частей света, перебрасывающая миллионы человеческих жизней в разные места, проявляющаяся то тут, то там, то в виде кризиса, то в виде голодовки, вспыхивающая то в виде войны, то в виде революции, оставляя везде на своем пути золотые горы накопленного богатства и бездны нужды, — широкий поток человеческого труда, окрашенный кровавым потом.

Об этих судорогах жизни, об этих отдаленных влияниях, потрясающих самые сокровенные глубины народов, в сухих цифрах международной торговой статистики не содержится и намек. В течение 150 лет, с тех пор как возникла в Англии современная промышленность, только по-настоящему и выкристаллизовалось в муках и конвульсиях всего человечества капиталистическое мировое хозяйство. Оно овладевало одной отраслью производства за другой, одной страной за другой. Паром и электричеством, огнем и мечом оно проникало в отдаленнейшие уголки земли, уничтожало все китайские стены и эрой мировых кризисов и общих периодических катастроф освятило экономическую общность современного человечества. Итальянский рабочий, изгнанный отечественным капиталом из лона родной нужды, эмигрируя в Аргентину или Канаду, находит там новое готовое ярмо капитала, импортированного из Англии или Соединенных Штатов. А немецкий рабочий, оставшийся на родине и желающий прокормиться, зависит на каждом шагу от хода производства и торговли во всем мире. Найдет ли он работу или нет, хватит ли его заработной платы, чтобы прокормить жену и детей, будет ли он вынужден несколько дней в неделю слоняться без дела или днем и ночью выполнять адскую сверхурочную работу — все это непрерывно колеблется в зависимости от хлопкового урожая в Соединенных Штатах, хлебного урожая в России, открытия новых залежей золота и алмазов в Африке, революционных потрясений в Бразилии, таможенной борьбы, дипломатических распрей и войн в пяти частях света. Ничто теперь не поражает так,

ничто не имеет столь решающего значения для всего уклада жизни, как резкое противоречие между этой все возрастающей экономической общностью, связывающей народы и страны в одно большое целое, и политической государственной надстройкой, которая посредством пограничных столбов, таможенных рогаток и милитаризма стремится искусственно разъединить народы на множество чужих и враждебных частей.

Всего этого не существует для Бюхеров, Зомбаров и их коллег. Для них существует лишь все более «совершенствующийся микрокосм». Они не замечают кругом никаких «особых явлений», которые «в существенных чертах отличались бы» от народного хозяйства. Не загадка ли это? Разве подобная слепота по отношению к явлениям, поражающим, как молния, ослепительностью всякого наблюдателя, мыслима у официальных представителей какой-либо другой отрасли знания, кроме политической экономии? Если бы в области естествознания какой-нибудь известный ученый публично отстаивал в настоящее время ту точку зрения, что не земля вращается вокруг солнца, а что, наоборот, солнце со своими созвездиями вращается вокруг земли, как своего центра, если бы такой ученый стал доказывать, что он не замечает «никаких явлений», которые бы «в существенных чертах» противоречили этой его точке зрения, то он вызвал бы гомерический хохот образованных людей всего мира и должен был бы в конце концов по настоянию своих огорченных родных подвергнуться исследованию в отношении своих психических способностей. Конечно, 400 лет тому назад подобные воззрения могли бы не только безнаказанно распространяться, но, наоборот, всякий, кто отважился бы публично их оспаривать, мог подвергнуться сожжению на костре. Тогда в поддержку того ошибочного представления, что земля является центром вселенной и движения созвездий, была заинтересована католическая церковь, и всякое оскорбление воображаемого величия земного шара в мировом пространстве являлось в то же время покушением на духовное владычество церкви и его прав на десятину на этой грешной земле. Тогда естествознание было шекотливым пунктом для господствующего общественного строя, и естественнонаучная мистификация была необходимым орудием порабощения. Теперь, при господстве

капитала, щекошливый пункт общественного строя состоит не в вере в грядущего земного мессию в облаках, а в вере в мессию буржуазного государства на земле. И так как на могучих волнах мирового хозяйства уже поднимаются тяжелые бедствия, так как там подготавливаются бури, которые сметут «микрокосм» буржуазного государства с лица земли, как курятник, то научная «швейцарская гвардия» капиталистического общества спешит к воротам крепости «национального государства», чтобы защищать ее до последнего издыхания. И основные понятия, самая суть современной политической экономии представляют собой научную мистификацию в интересах буржуазии.

V

Подчас можно встретить простое определение политической экономии как «науки о хозяйственных отношениях людей». Те, которые прибегают к такой формулировке, думают обойти подводный камень «народного хозяйства» в мировом хозяйстве таким путем, что они сбобщают проблему до полной неопределенности и говорят о хозяйстве «людей» вообще. Но вопрос, благодаря этому растеканию в голубом пространстве, не становится яснее, а, наоборот, еще запутаннее. Ибо здесь возникает вопрос: нужна ли вообще и к чему нужна особая наука о хозяйственных отношениях «людей», т. е. *всех* людей, во все времена и при всех условиях?

Возьмем какой-либо пример из любых хозяйственных взаимоотношений людей, — возможно простой и ясный пример. Перенесемся в то время, когда еще не существовало современное мировое хозяйство, когда товарный обмен процветал лишь в городах, а в деревне, как в крупных поместьях, так и в маленьких крестьянских хозяйствах, господствовало натуральное хозяйство, т. е. производство для собственного потребления. Возьмем к примеру описание Дугальдом Стюартом (D. Stewart) в 50-х годах прошлого века положения вещей в горной Шотландии.

«В некоторых частях горной Шотландии... многие пастухи овец и коттеры с женами и детьми, согласно статистическим отчетам, ходили в башмаках, которые

они сами шили из кожи, выделанной ими самими, в одеждах, до которых не притрагивалась никакая другая рука, кроме их собственной, материал для которых они сами стригли с овец и лен для которых они сами возделывали. При изготовлении одежды едва ли употреблялись какие-либо купленные предметы, за исключением шила, иглы, наперстка и очень немногих частей железных инструментов, употребляемых при ткачестве. Краски добывались самими женщинами из деревьев, кустарников, трав и т. д.»¹

Или возьмем пример из быта России, где совсем еще недавно, в конце 70-х годов, крестьянское хозяйство выглядело следующим образом:

«Земля, которую он (крестьянин Вяземского уезда, Смоленской губ.) обрабатывает, доставляет ему и пищу, и одежду, и почти все необходимое для его существования: хлеб, картофель, молоко, мясо, яйца, холст, сукно, овчины и шерсть для теплой одежды... За деньги он приобретает только обувь и некоторые мелкие принадлежности туалета, как, например, кушак, шапку, рукавицы и пр., а также некоторые необходимые предметы из домашней утвари — деревянную и глиняную посуду, чугуны, ухваты и т. п.»²

Теперь еще подобные крестьянские хозяйства существуют в Боснии и Герцеговине, в Сербии и Далмации. Если бы такому крестьянину из горной Шотландии или России, из Боснии или Сербии, ведущему самодовлеющее хозяйство, предложили обычные профессорские вопросы из политической экономии о «цели хозяйства», о «возникновении и распределении богатства» и т. п., то он только раскрыл бы широко глаза от удивления. Почему и для какой цели я и моя семья работаем, или, как вы учено выражаетесь: какие «мотивы» побуждают нас к «хозяйствованию», — воскликнул бы такой крестьянин, — да просто потому, что мы должны жить, а жареные голуби не летят нам в рот. Если бы мы не работали, мы должны были бы умереть с голоду. Мы, следо-

¹ Цитировано по *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 491 (сноска).

² *Николай Зибер*, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, М., 1879, стр. 480. (Самим Зибером цитировано по Митронову, Очерки крестьянского хозяйства в Вяземск. уезде.)

вательно, работаем, чтоб пробыться, быть сытыми, чисто одетыми и иметь кров над головой. Что мы производим, «в каком направлении» мы работаем? Опять-таки весьма наивный вопрос. Мы производим то, в чем мы нуждаемся, что необходимо для жизни каждой крестьянской семье. Мы сеем рожь и пшеницу, овес и ячмень, сажаем картофель, разводим овец и коров, кур и уток. Зимой женщины прядут, а мы, мужчины, топором, пилой и молотком изготавливаем то, что необходимо для хозяйства. Назовите это, если угодно, «сельским хозяйством» или «промыслом», во всяком случае мы должны заниматься всем понемногу, потому что дома и на поле мы нуждаемся в разных вещах. Как мы «распределяем» эту работу? Вот еще удивительный вопрос! Мужчины, разумеется, делают то, что требует мужской силы, а женщины ведут хозяйство, заботясь о коровах и птичьем дворе, дети помогают то тут, то там. Или вы думаете, что я должен был бы послать жену рубить дрова, а сам доить коров? (Прибавим от себя, что этот простак не знает, что у многих примитивных народов, как, например, у бразильских индейцев, именно женщины отправляются в лес собирать дрова, выкорчевывать корни и срывать плоды, а у пастушеских народов в Африке и Азии мужчины не только заняты уходом за скотом, но и доят коров. Теперь еще можно наблюдать в Дании женщин, которые тащат на спинах тяжести в то время, как их дюжие мужья, расположившись удобно верхом на ослах, раскуривают трубки. Это «разделение труда» кажется там столь же естественным, как для нашего крестьянина само собой разумеется, что он рубит дрова, а жена доит коров.) И дальше: что я называю своим богатством? Ведь это опять-таки понимает каждый ребенок в деревне! Богат тот крестьянин, который имеет полные амбары, много коров и овец, большой птичий двор; беден же, понятно, тот, кому уже к Пасхе не хватает муки и чья крыша в дождливую пору протекает. От чего зависит «увеличение моего богатства»? О чем тут спрашивать? Если бы я имел большой кусок хорошей земли, я был бы, понятно, богаче. И если летом, упаси боже, выпадет сильный град, то в течение 24 часов мы все в деревне разорены.

Мы заставили крестьянина терпеливо отвечать на ученые вопросы политической экономии, но мы уверены.

что раньше чем профессор, приехавший с записной книжкой и карандашом для научного обследования на такой крестьянский двор в горной Шотландии или Боснии, дошел бы до половины своих ученых расспросов, ему было бы уже указано на дверь. В действительности все отношения в таком крестьянском хозяйстве так просты и прозрачны, что их расчленение посредством экономического скальпеля должно казаться праздною игрой.

Нам могут, понятно, возразить, что мы избрали неудачный пример, остановившись на мелком крестьянском хозяйстве, в котором крайняя простота обусловлена маленькими его размерами и жалкими средствами. Возьмем тогда другой пример. Оставим маленький крестьянский двор, который влачит свое жалкое существование где-нибудь в богом забытом уголке, и обратим свои взоры к хозяйству стоявшего во главе колоссальной империи *Карла Великого*. Этот император, который сделал в начале IX в. Германскую империю самой могущественной в Европе, который для увеличения и укрепления своего государства предпринял не менее 53 военных походов, объединив под своим скипетром, кроме нынешней Германии, еще Францию, Италию, Швейцарию, северную часть Испании, Голландию и Бельгию, очень интересовался экономическим положением своих поместий и дворов. Он издал закон, содержащий не менее собственноручно составленных им 70 параграфов о принципах ведения хозяйства в его поместьях, знаменитое *Capitulare de villis*, т. е. закон о поместьях, и этот документ, представляющий огромную историческую ценность, к счастью, уцелел для нас в пыли архивов. Он заслуживает особенного внимания с двух точек зрения. Во-первых, из большинства поместий Карла Великого выросли впоследствии крупные имперские города, так, например, Аахен, Кельн, Мюнхен, Базель, Страсбург и многие другие крупные города были прежде сельскохозяйственными дворами Карла Великого. Во-вторых, методы ведения хозяйства, применявшиеся Карлом, стали образцом для всех крупных поместий светских и духовных лиц раннего средневековья; поместья Карла Великого перенесли традиции древнего Рима и утонченный образ жизни его патрицианских вилл в более грубую среду молодого германского военного дворянства.

И предписания Карла в области садоводства, огородничества, разведения виноградников, птицеводства и т. д. были событием культурно-исторического значения.

Присмотримся ближе к этому документу. Великий император требует в нем прежде всего, чтобы ему служили верой и правдой и чтобы пеклись о его подданных в его поместьях так, чтобы они были защищены от обнищания; чтобы их не обременяли через силу работой; если они будут работать ночью, чтобы они вознаграждались за это. Подданные со своей стороны должны заботиться хорошо о виноградниках и разливать выжатое вино в бутылки, чтобы оно не портилось. Если они пренебрегают своими обязанностями, они должны подвергаться «по спине или другому месту» телесным наказаниям. Далее император предписывает, чтобы в его поместьях разводились гуси и пчелы; чтобы птица содержалась в хороших условиях и размножалась, чтобы было обращено должное внимание на увеличение числа коров, кобыл, а также овец.

Мы хотим, пишет император дальше, чтобы в наших лесах хозяйничали с толком, чтобы они не вырубались и чтобы там держали ястребов и соколов. Пусть держат для нас наготове постоянно жирных гусей и кур, а яйца, которые не расходуются в хозяйстве, пусть продают на рынке. В каждом нашем поместье пусть будет запас хороших перин, матрацев, одеял, медной посуды, свинца, железа, дерева, цепей, буравов, топоров и крюков, чтобы ничего не приходилось занимать у других людей. Император предписывает далее, чтобы ему давали точный отчет о доходах его поместий, сколько чего производится; он перечисляет при этом овощи, масло, сыр, мед, растительное масло, уксус, свеклу «и прочие мелочи», как это сказано в тексте знаменитого документа. Далее император предписывает, чтобы в каждом его домене было достаточно различных хорошо обученных ремесленников, и он перечисляет опять-таки точно всевозможного рода ремесла. Он устанавливает далее, что к Рождеству ему должен ежегодно представляться счет всех его богатств, и самый мелкий крестьянин не считает так тщательно каждую штуку своего скота и каждое яйцо на своем дворе, как великий император Карл. В 62-м параграфе этой грамоты сказано: «Важно чтобы мы знали, что именно и в каком количестве мы имеем из всех этих

вещей». И он опять перечисляет: волю, мельницы, дерево, суда, виноградные лозы, овощи, шерсть, полотно, пенька, фрукты, пчелы, рыба, кожа, воск и мед, старые и молодые вина и прочее, что ему доставляется. И в утешение своим возлюбленным подданным, которые все это ему должны поставлять, он трогательно прибавляет:

«Мы надеемся, что вам это не покажется слишком трудным, так как вы ведь можете, с своей стороны, все это потребовать от других, ибо в своем поместье каждый является господином». Мы находим далее точные инструкции насчет упаковки и транспорта вин, которые, очевидно, составляли особый предмет попечения великого императора: «Вино следует развозить всегда в бочках, обитых железными обручами, а не в мехах; что касается муки, то ее следует везти в крытых телегах, чтобы можно было без вреда для нее перевозить ее через реки. Я хочу также, чтобы мне давали точный отчет о рогах моих козлов и коз, равно как о шкурах волков, которые убиваются в течение каждого года. В мае не следует забывать вести беспощадную войну против молодых волчат». И, наконец, в последнем параграфе Карл перечисляет все те цветы, деревья и травы, которые должны иметься в его поместьях, а именно: розы, лилии, розмарин, огурцы, лук, редиска, тмин и т. д., и т. д. Знаменитый закон кончается, кажется, перечислением различных сортов яблок.

Такова картина императорского хозяйства в IX в., и, хотя речь идет о самом могущественном и богатом монархе средневековья, каждый должен будет согласиться, что само хозяйство, как и методы его ведения, поразительно напоминают карликовое крестьянское хозяйство, которое мы только что рассматривали. И здесь император-хозяин, если бы мы предложили ему пресловутые основные вопросы политической экономии о сущности богатства, цели производства, разделении труда и т. д., указал бы нам королевским мановением руки на горы зерна, шерсти и пеньки, на бочки вина, растительного масла и уксуса; на скотный двор, полный коров, волов и овец. И мы, право, точно так же не знаем, какие такие таинственные «законы» политико-экономическая наука стала бы исследовать и расшифровывать в этом хозяйстве, где все связи, причины и следствия, труд и его результаты ясны, как на ладони.

Быть может, читатель опять-таки обратит наше внимание на то, что мы снова неправильно избрали пример, так как из грамоты Карла ясно, что речь идет не об общественном хозяйстве Германской империи, а о частном хозяйстве в поместьях императора. Но если бы кто-либо захотел противопоставить эти два понятия, то, поскольку речь идет о средних веках, он совершил бы историческую ошибку. Конечно, капитулярий касался ведения хозяйства в поместьях и усадьбах императора Карла, но он руководил этим хозяйством как государь, а не как частный человек. Или правильнее: император был помещиком в своих владениях, но всякий крупный помещик-дворянин в средние века, особенно в период после Карла Великого, был приблизительно таким же императором в более мелком масштабе, т. е. он был уже в силу своего свободного дворянского землевладения законодателем, сборщиком податей и судьей по отношению к населению его поместий. Что хозяйственные распоряжения Карла, с которыми мы ознакомились, были в действительности правительственными актами, показывает сама их форма: они составляют один из 65 законов или «капитуляриев» Карла, которые были составлены императором и оглашались ежегодно на имперских собраниях сановников и князей. И предписания о редиске и винных бочках исходили из той же полноты власти и составлялись в том же стиле, как, например, призыв к духовенству в *Capitula Episcoporum* — «законе об епископах», — где Карл в энергичных выражениях напоминает слугам господним, чтобы они не ругались, не напивались, не посещали дурных мест, не содержали женщин и не продавали слишком дорого святыне таинства. Сколько и где бы мы ни искали в средневековье, мы нигде не найдем земледельческого хозяйства, для которого вышеописанное хозяйство Карла Великого не было бы образцовым и типичным, поскольку речь идет о дворянских владениях, или же мы натолкнемся на простые крестьянские хозяйства — самодовлеющее хозяйство крестьянской семьи или общинное хозяйство (марку).

В обоих случаях самым характерным является то обстоятельство, что основные потребности человеческой жизни так непосредственно влияют определяющим образом на труд и результат труда, так точно соответствуют

цели и потребности, что благодаря этому, в крупном или малом масштабе, получается удивительная простота и прозрачность всех отношений. Мелкий крестьянин в своей избе и великий монарх в своих поместьях совершенно точно знают, чего они хотят достичь своим производством. И не нужно быть особенно проницательным, чтобы это понять: оба хотят удовлетворить естественные потребности человека в пище, одежде и известных жизненных удобствах. Разница лишь в том, что крестьянин спит на соломе, а крупный помещик на мягкой перине, один пьет пиво и мед или простую воду, а другой имеет на своем столе тонкие вина. Разница лишь в количестве и качестве производимых благ. Основа хозяйства и его задача — непосредственное удовлетворение человеческих потребностей — остаются теми же самыми. Труд, вытекающему из этой естественной задачи, вполне соответствуют его плоды. Но и здесь опять-таки, в самом процессе труда, есть разница: крестьянин работает сам вместе с членами своей семьи, и плоды его работы приносят ему лишь столько, сколько может произрасти на том участке земли, который составляет его долю в общинном владении, или, вернее, поскольку речь идет о средневековом барщинном крестьянине, — столько, сколько оброк и работы на помещика и церковь оставляют ему. Император или всякий помещик-дворянин не работает сам, а заставляет работать на себя своих подданных и барщинных крестьян. Работает ли крестьянин с своей семьей на себя или все крестьяне вместе под управлением деревенского старосты или управляющего работают на помещика, — результат труда является не чем иным, как определенным количеством жизненных средств в широком смысле слова, т. е. как раз тем, что необходимо для удовлетворения потребностей, и приблизительно в таком количестве, сколько их нужно. Можно такого рода хозяйство вернуть со всех сторон, — в нем не удастся найти никаких загадок, которые требовали бы глубокомысленного исследования их особой наукой. Самый глупый крестьянин знал в средние века совершенно точно, от чего зависело его «богатство», или вернее, его бедность, если не считать стихийных бедствий, которые время от времени разражались как на крестьянских, так и на помещичьих землях. Он знал совершенно точно, что его крестьянская

нужда имеет простые и прямые причины: во-первых, безграничные вымогательства помещиков по части оброка и барщины, а во-вторых, мошеннические проделки этих господ по части общинной земли, леса, лугов и воды. И то, что крестьянину было ведомо, он громкогласно возвестил всему миру во время крестьянских войн, когда он пускал своим кровопийцам красного петуха. Что оставалось при этом научно исследовать — это исторические причины и процесс развития их отношений, вопрос о том, как это могло случиться, что во всей Европе свободные прежде крестьянские земли превратились в собственность помещиков и обложены были оброком и барщиной, а свободное некогда крестьянское сословие было подчинено и превращено в барщинно-обязанных, а затем и в крепостных людей.

Совершенно иначе выглядит дело, как только мы обращаемся к любому явлению *современной* экономической жизни. Возьмем, к примеру, одно из самых примечательных, выдающихся явлений: *торговый кризис*. Каждый из нас уже неоднократно бывал свидетелем крупных торговых и промышленных кризисов и знает по собственным наблюдениям этот классически описанный *Фридрихом Энгельсом* процесс:

«Торговля останавливается, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит прекращается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются всяких жизненных средств, ибо они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится годами, массы производительных сил и продуктов расточаются и уничтожаются, пока накопившиеся товарные массы, более или менее обесцененные, не разойдутся, наконец, и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место бешеному карьеру, настоящей скачке с препятствиями, охватывающей промышленность, торговлю, кредит и спекуляцию, чтобы после отчаянных скачков снова свалиться в бездну краха»¹.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1953, стр. 259—260

Мы все знаем, что подобного рода торговые кризисы являются бедствием для любой современной страны, и весьма характерны уже самые признаки, дающие возможность судить о приближении кризиса. После нескольких лет подъема и успешного хода дел в печати то тут, то там начинают появляться неясные намеки, на бирже всплывают тревожные слухи о предстоящих банкротствах, затем намеки в печати становятся все более определенными, беспокойство на бирже возрастает, государственный банк повышает учетный процент, т. е. затрудняет и ограничивает кредит, и, наконец, как ливень обрушиваются известия о банкротстве и приостановке дел. А когда кризис в полном разгаре, тогда завязываются споры о том, кто является виновником кризиса. Коммерсанты взваливают вину на банки, сурово отказывающие в кредитах, на спекулятивный ажиотаж биржевиков; последние приписывают вину промышленникам, а промышленники винят во всем недостаток денег в стране и т. д. Когда вновь начинается оживление, биржи и газеты с облегчением отмечают первые признаки улучшения, и общая надежда, уверенность и спокойствие опять устанавливаются на некоторое время. При этом замечательнее всего то, что кризис рассматривается всеми задетыми им и всем обществом, как нечто, лежащее вне пределов досягаемости человеческой воли и человеческого усмотрения, как удар судьбы, ниспосланный невидимой силой, как небесное испытание вроде сильной грозы, землетрясения или наводнения. Торгово-промышленные газеты в статьях о кризисе любят даже употреблять такие обороты, как: «Ясное до сих пор небо делового мира начинает покрываться мрачными тучами» или же, когда предстоит сильное повышение учетного процента, то это известие неизменно преподносится под заголовком: «Признаки бури»; точно так же впоследствии мы читаем о промчавшейся грозе и проясняющемся горизонте. Эти обороты речи выражают нечто большее, чем отсутствие вкуса у чернильных кули делового мира, они именно типичны для этого своеобразного действия кризисов, протекающих с закономерностью явления природы. Современное общество с ужасом замечает приближение кризиса, дрожа сгибает спину под его сильными ударами, выжидает конца испытания, вновь затем подымает голову сначала с опаской и недоверием и

понемногу затем успокаивается. Это напоминает приблизительно то состояние, в котором в средние века народ ждал наступления голода или чумы, или состояние, испытываемое в настоящее время крестьянином при сильной грозе с градом: то же бессилие и та же растерянность перед лицом тяжелого испытания. Но голод и чума — явления в конечном счете социальные, в первую очередь представляют собой, однако, непосредственные последствия естественных явлений: неурожая, распространения бацилл, вызывающих болезни, и т. п. Гроза есть стихийное явление природы, и никто, по крайней мере при нынешнем состоянии естествознания и техники, не в состоянии вызвать грозу или предотвратить ее. Между тем, что представляет собою современный кризис? Как мы знаем, он состоит в том, что было произведено слишком много товаров, которые не находят сбыта, что вследствие этого образуется застой в торговле, а вместе с ней и в промышленности. Но производство товаров, их продажа, торговля, промышленность суть чисто человеческие отношения. Ведь это сами люди производят товары и сами их покупают, торговля ведется людьми, и во всех обстоятельствах, сопровождающих современные кризисы, мы не находим ни одного элемента, который лежал бы вне пределов человеческих действий. Не кто иной, следовательно, как само человеческое общество периодически вызывает кризисы. И в то же время мы знаем, что кризис является подлинным бичом современного общества, что его встречают с ужасом и переносят с отчаянием и что никто его не желает и не призывает. Не считая единичных биржевых волков, которые надеются во время кризиса на быстрое обогащение за счет других, но при этом сами часто попадают впросак, кризис сулит всем опасности или по меньшей мере расстройство дел. Никто не хочет кризиса, но тем не менее он приходит. Люди создают его собственными руками и тем не менее они ни за что на свете не хотят его иметь. Тут перед нами действительная загадка хозяйственной жизни, которой никто из участников не может нам разъяснить. Средневековый крестьянин производил на своем маленьком участке, с одной стороны, то, чего требовал от него помещик, а с другой стороны, то, что ему самому было нужно: рожь и скот, жизненные средства для себя и для семьи. Крупный

помещик средневековья заставлял производить для себя то, чего он хотел и в чем испытывал потребность: рожь и скот, хорошие вина и дорогие платья, жизненные средства и предметы роскоши для себя и своих приближенных. Современное же общество производит то, чего ему не нужно и чего оно не желает: кризисы; оно производит время от времени жизненные припасы, которые оно не может потреблять, и периодически терпит голод при переполненных складах, в которых находятся не имеющие сбыта продукты. Потребность и удовлетворение, задание и результат труда уже не соответствуют друг другу, между ними вклинивается нечто неясное и загадочное.

Возьмем другой, весьма известный, а рабочим всех стран слишком хорошо известный пример: *безработицу*.

В отличие от кризиса безработица в настоящее время не есть катастрофа, время от времени обрушивающаяся на общество, — она в большей или меньшей степени стала постоянным, повседневным спутником хозяйственной жизни. Наилучше организованные и оплачиваемые категории рабочих, ведущие статистику безработицы, насчитывают из года в год, из месяца в месяц и из недели в неделю непрерывную цепь безработных; число безработных подвержено сильным колебаниям, но никогда не доходит до нуля. Как беспомощно современное общество перед лицом безработицы, — этого страшного бича рабочего класса, — становится особенно ясным каждый раз, когда это зло принимает широкие размеры и вынуждает законодательные органы обратить на него внимание. Обычно после долгих словопрений эти обсуждения заканчиваются постановлением о необходимости анкетного обследования числа безработных. По существу ограничиваются определением размеров этого зла в каждый данный момент, наподобие того, как при наводнении измеряют уровень воды; в лучшем случае прибегают к слабым паллиативам в виде пособия безработным, большею частью за счет занятых рабочих, без попытки устранить самое зло.

В начале XIX в. великий пророк английской буржуазии поп Мальтус со свойственным ему трогательным цинизмом возвестил следующий принцип: «Человек, появившийся на свет, уже занятый другими людьми, если

он не получил от родителей средств для существования, на которые он вправе рассчитывать, и если общество не нуждается в его труде, не имеет никакого права требовать для себя какого-либо пропитания, ибо он совершенно лишний на этом свете. На великом пиршестве природы для него нет прибора. Природа приказывает ему удалиться и, если он не может прибегнуть к состраданию кого-либо из пирующих, она сама принимает меры к тому, чтобы ее приказание было приведено в исполнение»¹. Современное официальное общество со свойственным ему «социал-реформистским» лицемерием воспрещает столь грубую откровенность. В действительности же это общество обрекает каждого безработного пролетария, «в труде которого оно не нуждается», на то, чтобы он так или иначе, быстро или медленно «удалился» из сего мира, о чем свидетельствует статистика роста болезней, смертности грудных младенцев и преступлений против собственности в периоды больших кризисов.

Как раз примененное нами сравнение безработицы с наводнением обнаруживает тот поразительный факт, что по отношению к стихийным явлениям природы мы *менее* беспомощны, чем по отношению к явлениям чисто общественного, человеческого характера. Периодические наводнения, которые весной причиняют столько вреда в Восточной Германии, в конце концов являются лишь следствием запущенности нашего водного хозяйства. Техника, даже в ее нынешнем состоянии, дает достаточно средств для защиты сельского хозяйства от водной стихии, более того, она указывает средства для ее использования, но эти средства применимы лишь на высшей ступени рационально организованного водного хозяйства, при котором возможно было бы регулирование рек, перемещение полей и лугов и устройство плотин и шлюзов на землях, пашнях и лугах, подвергающихся затоплению. Такого рода крупная реформа не предпринимается отчасти потому, что ни частные капиталисты, ни государство не хотят предоставить необходимые для подобного рода начинаний средства, отчасти же потому, что при крупных размерах той площади, о которой идет речь, эта реформа натолкнулась бы на препятствия

¹ Цитата взята из первого издания (1798 г.) «Опыта о законе народонаселения»; в последующих изданиях этого места нет. — *Ред.*

в виде различных частновладельческих земельных прав. Но современное общество располагает уже средствами для борьбы с этими опасностями и для обуздания бешеной водной стихии, хотя оно и не в состоянии ими воспользоваться. Средство же против безработицы еще не изобретено в современном обществе. А между тем это не стихия, не физическое явление природы, не сверхчеловеческая сила, а чисто человеческий продукт хозяйственных отношений. И здесь мы снова стоим перед экономической загадкой, перед явлением, к которому никто не стремится, которого никто сознательно не хочет и которое тем не менее приходит с закономерностью явлений природы в известной степени через головы людей.

Но нет вовсе надобности обращаться к столь резким явлениям современности, как кризис или безработица, к бедствиям и явлениям исключительного характера, которые по общему представлению составляют лишь исключение в общем ходе вещей. Возьмем самый обыкновенный пример из повседневной действительности, который тысячекратно повторяется во всех странах: *колебания товарных цен*. Каждый ребенок знает, что цены всех товаров не только не отличаются устойчивостью и постоянством, но почти ежедневно, а то и ежечасно колеблются в ту или другую сторону. Возьмем любую газету, раскроем в ней страницу, содержащую отчет об операциях товарной биржи, и мы прочтем о движении цен за предыдущий день следующее: с пшеницей утром — слабое настроение, в полдень — некоторое оживление, к концу биржи цены поднялись или наоборот. То же самое с медью и железом, с сахаром и репным маслом. И то же самое мы наблюдаем на фондовой бирже, в отношении акций различных промышленных предприятий, государственных и частных ценных бумаг. Колебания цен представляют непрерывное, повседневное, совершенно «нормальное» явление современной экономической действительности. Но вследствие этих колебаний происходят ежедневно и ежечасно перемены в имущественном положении владельцев этих товаров и ценных бумаг. Если цены на хлопок повышаются, моментально возрастают состояния всех тех торговцев и фабрикантов, которые имеют запасы хлопка; если, наоборот, цены падают, то состояния соответственно тают. Если цены на медь идут вверх, то обладатели акций медных рудников

богатеют, если цены падают, они, наоборот, беднеют. Так благодаря простому колебанию цен на основе биржевой телеграммы люди могут в течение нескольких часов превратиться в миллионеров или нищих, и на этом, по существу, и покоится биржевая спекуляция с ее мошенничествами. Средневековый помещик мог разбогатеть или обеднеть вследствие хорошего или плохого урожая или же он мог разбогатеть благодаря хорошей добыче при разбойничьем нападении на проезжего купца; или же — и это было самым испытанным и излюбленным средством — он увеличивал свое богатство путем увеличения барщины и оброка своих крепостных крестьян, выжимая из них больше, чем раньше. В настоящее время человек может внезапно разбогатеть или обеднеть без какого бы то ни было участия с своей стороны, не шевельнув даже пальцем, без влияния каких-нибудь стихийных сил и без того, чтобы кто-нибудь подарил ему что-нибудь или ограбил его. Колебания цен представляют из себя как бы таинственные, руководимые незримой силой за спиной людей, движения, вызывающие непрерывные перемещения и колебания в распределении общественного богатства. За этим движением просто следят, как за движением температуры по термометру или давлением воздуха по барометру. И тем не менее товарные цены и их движение, очевидно, дело рук человека, а не колдовство. Не кто иной, как сам человек своими руками производит товары и определяет их цены, но опять-таки их действия приводят к чему-то, что не входило ни в чьи намерения; и здесь потребность, цель и результат хозяйственных действий людей оказываются поразительно несогласованными между собой.

Как это происходит и что это за скрытые законы, согласно которым за спиной людей их собственная хозяйственная жизнь приводит к столь странным результатам? Выяснить это можно лишь путем научного исследования. Необходимо прибегнуть к напряженной исследовательской работе, к глубоким размышлениям, к анализу и сравнениям, чтобы разрешить все эти загадки, т. е. обнаружить ту скрытую внутреннюю связь, которая приводит к тому, что последствия хозяйственной деятельности людей не соответствуют больше их намерениям, их воле и вообще их сознанию. Таким образом, задачей научного исследования является именно то, что

обнаруживается как недостаток сознания в общественном хозяйстве, и здесь мы непосредственно подошли к самым корням политической экономии.

Дарвин рассказывает нам в своем описании кругосветного путешествия о жителях Огненной Земли:

«Часто дикари страдают от голода: я слышал от г. Лоу, тюленьего промышленника, хорошо знающего здешних туземцев, любопытный рассказ о положении, в котором находилась партия туземцев человек в полтора-два на западном берегу, — люди эти, чрезвычайно истощавшие, испытывали большую нужду. Непрерывные порывы ветра препятствовали женщинам собирать раковины по утесам; по этой же причине они не могли выехать на своих лодках на ловлю тюленей. Однажды утром небольшая партия этих людей отправилась, как говорили г. Лоу остальные индейцы, в четырехдневное путешествие для добычи пищи. Лоу вышел к ним навстречу после их возвращения и нашел их крайне изнуренными; каждый из них нес большой квадратный кусок разложившегося китового сала с отверстием посередине, сквозь которое они продели свои головы, как делают гаучосы со своими пончо или плащами. Как только сало было внесено в вигвам, один старик отрезал от него тонкие ломтики и, пробормотав что-то над ними, поджарил их немного на огне, после чего роздал их истомленным и голодным людям, принесшим сало и все время стоявшим в глубоком молчании»¹.

Так протекает жизнь одного из самых отсталых племен земного шара. Здесь еще чрезвычайно узки те рамки, в пределах которых могут царить воля и сознательная организация хозяйства. Люди слишком еще ходят на помочах у окружающей природы и всецело зависят от ее милости и гнева. Но в пределах этих тесных границ в этом маленьком обществе в каких-нибудь 150 индивидуумов замечается известная организованность. Забота о будущем проявляется пока лишь в виде скудного запаса гнилого китового сала. Но этот скудный запас с соблюдением определенных церемоний распределяется между всеми, а в труде по изысканию пищи также участвуют все под известным планомерным руководством.

¹ D[arwin, «Voyage of a naturalist round the world» (Reise eines Naturalisten um die Welt), S.] 245.

Возьмем греческий «ойкос» — античное рабовладельческое домашнее хозяйство, которое в общем и целом действительно представляло «микрокосм», маленький самодовлеющий мир. Здесь уже господствует весьма сильное социальное неравенство. Примитивная скудность уступила место известному избытку плодов человеческого труда. Но физический труд стал проклятием одних, досуг — привилегией других, а сами трудящиеся стали собственностью нетрудящихся. Однако из этих отношений господства также вытекает самая строгая закономерность и организованность хозяйства, процесса труда и распределения. Всеопределяющая воля господина является ее основой, а кнут надсмотрщика над рабами — поддержкой.

В феодальном поместье средневековья деспотическая организация хозяйства уже рано отливается в форму определенного, заранее разработанного кодекса, в котором предусматривается план труда, разделение труда и который ясно и точно определяет права и обязанности каждого. К началу этой исторической эпохи и относится тот замечательный документ, с которым мы уже ознакомились выше — *Capitulare de villis* Карла Великого — документ, проникнутый еще солнечной радостью, почерпнутой в той полноте удовлетворения физических потребностей, на достижение которого единственно и была направлена хозяйственная деятельность. В конце этой эпохи стоит мрачный кодекс законов о барщине и оброке, продиктованный разнузданной алчностью феодальных господ и приведший в XVI в. к крестьянской войне в Германии, а два столетия спустя превративший французского крестьянина в то жалкое полуодичавшее существо, которое лишь звонким набатом Великой революции было разбужено для борьбы за свои человеческие и гражданские права. Но пока метла революции не смела феодальное поместье, непосредственные отношения господства, даже в тех жалких условиях, прочно и ясно, как неизбежный рок, определяли весь ход феодального хозяйства.

Ныне мы не имеем ни господ, ни рабов, ни феодальных баронов, ни крепостных. Свобода и равенство перед законом формально устранили все деспотические отношения, по крайней мере в старых буржуазных государствах; в колониях, однако, как известно, рабство и кре-

постинчество часто лишь вводятся этими государствами. Там же, где буржуазия находится у себя дома, над всеми хозяйственными отношениями господствует единственный закон — *свободная конкуренция*. Но именно благодаря этому современное хозяйство лишено какого бы то ни было плана, какой бы то ни было организованности. Понятно, если мы заглянем в отдельное частное предприятие, в современную фабрику или в мощный комплекс фабрик и заводов, например крупновских, или в богатую сельскохозяйственную ферму Северной Америки, мы там найдем самую строгую организацию, самое развитое разделение труда, самую законченную, основанную на научных данных плановность. Там все управляемое *единой* волей, *единым* сознанием идеально слажено.

Но стоит нам только выйти за ворота фабрики или фермы, как мы уже попадаем в царство хаоса. В то время как бесчисленные отдельные части, — а современные частные предприятия, даже самые крупные, есть лишь частица огромной хозяйственной системы, охватывающей весь мир, — в то время, следовательно, как эти части строжайше организованы, само целое, так называемое народное хозяйство, т. е. капиталистическое мировое хозяйство, совершенно неорганизовано. В этом целом, охватывающем океаны и части света, нет никакого плана, никакой сознательности, никакого регулирования; лишь слепое господство неизвестных, необузданных сил прихотливо царит в хозяйственной жизни людей. Конечно, и в настоящее время над трудящимися массами господствует могучий владыка — *капитал*. Но его форма правления — не деспотия, а *анархия*¹.

И эта анархия виной тому, что общественное хозяйство приводит к неожиданным и загадочным для его участников результатам, что общественное хозяйство стало для нас чуждым, внешним, независимым от нас явлением, до законов которого мы так же должны дока-

¹ Это неточно Р Люксембург хотела подчеркнуть различие между внеэкономическим и экономическим принуждением. Но это, безусловно, не имеет никакого отношения к буржуазной демократии под ширмой которой капитал выступает по отношению к трудящимся как всевластный деспот. Маркс писал «По форме своей капиталистическое управление деспотично» («Капитал», т. I, стр. 338). Анархия капиталистического производства и деспотизм капитала обуславливают друг друга. — *Ред.*

пываться, как мы должны исследовать явления внешней природы и законы, управляющие жизнью растительного и животного мира, или законы, лежащие в основе изменений земной коры и движений небесных тел. Научное познание должно сверх того открывать смысл и законы общественного хозяйства, не продиктованные заранее сознательным планом.

Теперь понятно, почему буржуазные экономисты не могут ясно определить сущность своей науки, вложить персты в раны своего общественного порядка и обнаружить всю его внутреннюю слабость. Осознать и признать, что анархия есть жизненная стихия капиталистического господства, значит в то же время произнести ему смертный приговор, значит признать, что дни его существования сочтены. Ясно теперь, почему официальные научные адвокаты капиталистического строя стараются при помощи всяких словесных ухищрений затушевать вопрос и отвлечь внимание от внутреннего содержания всей проблемы к ее внешней оболочке, от мирового хозяйства к «народному хозяйству».

Уже с первых шагов экономического исследования, уже при первом основном вопросе, что представляет собою, собственно, политическая экономия и в чем ее основная задача, расходятся в настоящее время пути буржуазного и пролетарского познания. Уже этот первый вопрос, как бы абстрактен и безразличен для социальной борьбы современности он на первый взгляд ни казался, устанавливает специфическую связь между политической экономией как наукой и современным пролетариатом как революционным классом.

VI

Стоит нам стать на вышеизложенную точку зрения, как многое из того, что раньше стояло под вопросом, становится для нас ясным.

Прежде всего выясняется возраст политической экономии. Наука, имеющая задачей выяснение законов анархического капиталистического способа производства, очевидно, не могла возникнуть до тех пор, пока не сложился этот самый способ производства, пока постепенно не созданы были работой столетий путем по-

литических и экономических сдвигов исторические предпосылки классового господства современной буржуазии

Профессору Бюхеру возникновение современного общественного порядка представляется весьма простым делом, имеющим весьма мало общего с предшествовавшим экономическим развитием. Оно, видите ли, явилось просто продуктом высочайшей воли и возвышенной мудрости самодержавных князей

«Развитие *народного хозяйства*, — рассказывает нам Бюхер, — а мы уже знаем, что понятие «народного хозяйства» для буржуазного профессора есть лишь мистифицирующее описание капиталистического способа производства, — является главным образом плодом политической централизации, начавшейся к концу средних веков с возникновением территориальных государственных союзов и завершившийся в настоящее время созданием единого национального государства. Объединение экономических сил идет рука об руку с подчинением сепаратных полигических интересов высшим целям единого государственного целого В Германии носителями идеи современного государства были государи отдельных крупных территорий, которые боролись за нее с поместным дворянством и городами»

Но и в остальной Европе — в Испании, Португалии, Англии, Франции и Голландии — княжеская власть совершала те же подвиги.

«Во всех этих государствах, хотя в различной степени, происходит борьба с властителями средневековья: крупным дворянством, городами, провинциями, духовными и светскими корпорациями Ближайшей целью ее, конечно, было уничтожение самостоятельных групп, препятствовавших политическому объединению страны Но в глубине этого движения, приведшего к развитию государственного абсолютизма, таится всемирно-историческая идея того, что для новых, более значительных культурных задач человечества необходима единая организация целых народов, широкая, живая общность интересов, которая, однако, могла вырасти лишь на почве общего хозяйства».

Здесь перед нами прекраснейший образец того лакейства мысли, с которым мы встречались уже у немецких профессоров политической экономии По мнению профессора Шмоллера, экономическая наука возникла

по команде просвещенного абсолютизма. А если следовать мнению профессора Бюхера, то весь капиталистический способ производства представляет собой не что иное, как плод суверенной воли и возвышенных планов абсолютистских князей. Вот это действительно значит совершить большую несправедливость по отношению к крупным испанским и французским деспотам и к маленьким германским «деспотишкам», заподозрив их в том, что они пеклись о каких-то «всемирно-исторических идеях» или «культурных задачах человечества» во время своих свалок с зазнавшимися феодалами в конце средних веков или при кровавом крестовом походе против нидерландских городов. Вот это поистине значит перевернуть историю вверх ногами.

Конечно, образование крупных централизованных бюрократических государств было необходимой предпосылкой капиталистического способа производства, но оно со своей стороны было в такой же степени *следствием* новых хозяйственных потребностей; так что с большим правом можно было бы перевернуть утверждение Бюхера, сказав: политическая централизация «по существу» явилась лишь плодом назревшего «народного хозяйства», т. е. капиталистического производства.

Поскольку, однако, абсолютизм бесспорно принимал со своей стороны участие в этом подготовительном историческом процессе, постольку он с такой же бессмысленной тупостью слепого орудия тенденций исторического развития выполнял эту роль, с какой он при каждом удобном случае готов был сопротивляться этим тенденциям. Так обстояло дело, когда средневековые деспоты божьей милостью рассматривали находившиеся с ними в союзе против феодалов города просто как объекты вымогательства, которые они при первой возможности вновь продавали феодалам. Так обстояло дело, когда они вновь открытую часть света со всем ее населением и культурой сейчас же стали рассматривать исключительно как удобный объект самого коварного, самого грубого грабежа во имя «возвышенной культурной задачи» скорейшего наполнения «княжеской казны» золотыми слитками. Так обстояло дело в особенности в более позднюю эпоху, когда они оказывали ожесточенное сопротивление стремлению поставить

между монархом божьей милостью и «его верным народом» клочок бумаги, именуемый буржуазно-парламентарной конституцией, которая ведь для беспрепятственного развития капиталистического господства так же необходима, как политическое единство и сами централизованные крупные государства.

Фактически тут действовали совсем другие силы; и в конце средневековья произошли крупные изменения в хозяйственной жизни европейских народов, которые и привели к новым формам хозяйства.

После того как открытие Америки и путешествие вокруг Африки, т. е. открытие морского пути в Индию, вызвали не виданный до того подъем и принесли с собой изменения в торговле, началось быстрое отмирание феодализма, а также цехового строя в городах. Огромные завоевания, земельные приобретения, грабительские походы во вновь открытые страны, внезапный и мощный поток благородных металлов из Нового Света, обширная торговля пряностями с Индией, широкая торговля рабами, которая поставляла американским плантациям африканских негров, — все это в короткое время создало в Западной Европе новые богатства и новые потребности. Маленькая мастерская цехового ремесленника, опутанная тысячью уз, оказалась серьезным препятствием для ставшего необходимым расширения производства и его быстрого развития. Крупные торговцы нашли выход, собирая ремесленников в больших мануфактурах за пределами городских стен, заставляя их тут работать под собственным надзором быстрее и лучше, не считаясь со стеснительными цеховыми предписаниями.

В Англии прологом к новому способу производства послужила аграрная революция. Расцвет шерстяной промышленности во Фландрии, вызвавший усиленный спрос на шерсть, дал крупным английским феодалам повод к превращению крупных пахотных участков в пастбища для овец, причем английское крестьянство массами сгонялось с земли и из жилищ. Таким образом, были созданы массы неимущих рабочих, пролетариев, готовых к услугам возникавших капиталистических мануфактур. В том же направлении влияла реформация, приведшая к конфискации церковных владений, которые были частью раздарены придворному дворянству и спе-

кулянтам, частью распроданы за бесценок и крестьянское население которых в свою очередь было большей частью изгнано из своих насиженных мест. Таким образом, владельцы мануфактур и капиталистические земельные арендаторы получили в свое распоряжение массу бедного, освобожденного от феодальных и цеховых уз пролетарского населения, которое после длительных мучений бродяжнической жизни, после пребывания в общественных работных домах и кровавого преследования со стороны закона и полиции увидело якорь спасения в наемном рабстве у нового класса эксплуататоров. Вскоре последовал крупный технический переворот в мануфактуре, который сделал возможным применение все большего количества необученных наемных рабочих вместо обученных ремесленников и наряду с ними.

Весь этот натиск и напор новых отношений наталкивался повсюду на феодальные рамки и нищету разрушающихся сословий. Свойственное феодализму и обусловленное им натуральное хозяйство, равно как и массовое обнищание народа вследствие чрезмерного давления крепостного режима, естественно, суживали внутренний рынок для мануфактурных товаров. Одновременно с этим цехи в городах все еще связывали рабочую силу — важнейшее условие производства. Государственный аппарат со своей громадной политической раздробленностью, недостаточной общественной безопасностью и обилием таможенно- и торгово-политических нелепостей тормозил и затруднял развитие новых форм обращения и производства на каждом шагу.

Было ясно, что подымающаяся в Западной Европе буржуазия, как представительница свободной мировой торговли и мануфактуры, так или иначе должна была смести с пути все эти препятствия, если она не желала отказаться от выполнения своей всемирно-исторической миссии. Но до того, как буржуазия во время Великой французской революции разбила наголову феодализм, она занялась его критикой, и новая наука, политическая экономия, возникает как одно из важнейших идеологических орудий буржуазии в борьбе против средневекового феодального государства, за современное капиталистическое классовое государство. Прорывающийся новый хозяйственный порядок находит себе на

первых порах выражение в виде новых богатств, быстро возникающих в Западной Европе, других более доходных и кажущихся более неисчерпаемыми источников, нежели патриархальные методы сдирания шкуры с крестьян, методы, которые, кстати сказать, уже мало к чему приводили. Важнейшим источником нового обогащения послужил сперва не вновь народившийся способ производства, а стимулировавший его мощный расцвет торговли. И мы видим, что на исходе средних веков именно в важнейших центрах мировой торговли, в богатых итальянских торговых республиках средиземноморского побережья и в Испании ставятся впервые проблемы полигической экономики и делаются первые попытки их разрешения.

Что такое богатство? Благодаря чему государства богатеют или беднеют? Такова была новая проблема, ставшая перед людьми, после того как старые понятия феодального общества потеряли в бурном потоке новых отношений свое традиционное значение. Богатство — это золото, на которое можно все купить. Следовательно торговля создает богатство. Следовательно богатеют те государства, которые в состоянии ввозить много золота, не допуская вывоза его из страны. Следовательно государство должно поощрять мировую торговлю, колониальные приобретения в новой части света, мануфактуры, производящие экспортные товары, и запрещать ввоз чужих изделий, извлекающий золото из страны. Это было первое экономическое учение, возникающее уже в конце XVI в. в Италии и приобретающее в течение XVII в. большое влияние в Англии и Франции. И как ни грубо еще это учение, оно впервые резко порывает с кругом понятий феодального натурального хозяйства, дает первую смелую критику его и делает первую попытку идеализации торговли, товарного производства и соответствующей торговле формы капитала и, наконец, оно дает первую программу государственной политики, которая по душе молодой поднимающейся буржуазии.

Вскоре на место торговца выступает на арену капиталист, производящий товары, но он это делает еще весьма осторожно, выступая под маской почтительного лакея в передней феодальных господ. Богатство — вовсе не золото, которое ведь является лишь посредником в

товарной торговле, возвещают французские просветители XVIII в. Что за детское ослепление видеть в этом блестящем металле залог счастья народов и государств! Разве может металл нас насытить, когда мы испытываем голод, разве может он защитить нас от холода, когда мы, голые, зябнем? Разве персидский царь Дарий, обладая золотыми сокровищами, не терпел адские муки жажды в походе и разве не отдал бы он охотно все эти сокровища за один глоток воды? Нет, богатство — это те дары природы в форме средств питания и сырых материалов, посредством которых мы все, от короля до нищего, удовлетворяем наши потребности. Чем полнее население удовлетворяет свои потребности, тем богаче государство, так как тем больше может при этом достаться ему в форме налогов. Кто извлекает, однако, у природы зерно для хлеба, волокно, из которого мы ткем одежду, лес, из которого мы строим наши жилища, и руды, из которых мы делаем орудия? Это делает сельское хозяйство! Оно, а не торговля, представляет истинный источник богатств. Это значит, что сельское население, крестьянская масса, чьи руки творят богатство всех, должна быть спасена от безмерной нужды, защищена от феодальной эксплуатации; ее благосостояние должно быть поднято (дабы я нашел рынок сбыта для моих товаров, прибавлял про себя при этом мануфактурный капиталист). Следовательно крупные помещики и феодальные бароны, в руки которых стекается все богатство, извлекаемое из сельского хозяйства, одни только должны платить налоги и содержать государство (дабы я, якобы не создающий никакого богатства, не должен был платить налогов — бормотал, ухмыляясь себе в ус, капиталист). Таким образом, стоит только освободить сельское хозяйство — труд на лоне природы — от всех уз феодализма, чтобы все источники богатства, как народа, так и государства, потекли в своем естественном изобилии, и наивысшее счастье всех людей само собой с необходимостью привело бы к естественной гармонии всего целого.

Если уже в этом учении просветителей можно было внятно расслышать приближающиеся раскаты штурма Бастилии, то очень скоро капиталистическая буржуазия почувствовала себя достаточно сильной, чтобы сбросить с себя маску подчиненности, выступить смело вперед и

без обиняков потребовать перестройки всего государства по своему образу и подобию. Сельское хозяйство вовсе не является единственным источником богатства, заявляет Адам Смит в Англии на исходе XVIII в. Богатство создает всякий наемный труд, применяемый для производства товаров, будь то в сельском хозяйстве или в мануфактуре! (Всякий *труд*, говорит Адам Смит; но и он и его последователи уже в такой мере были рупором нарождающейся буржуазии, что трудящийся рисовался им по природе своей капиталистическим наемным рабочим!) Ибо всякий наемный труд, помимо заработной платы, необходимой для содержания рабочего, создает еще ренту для содержания помещика и прибыль — источник богатства владельца капитала, предпринимателя. И это богатство возрастает тем сильнее, чем большее количество рабочих трудится в одной мастерской, под командой одного капиталиста, чем точнее и тщательнее проведено разделение труда между ними. И это, следовательно, и есть подлинная и естественная гармония, в этом и заключается подлинное богатство народов: всякий труд приносит трудящемуся заработную плату, поддерживающую его жизнь и вынуждающую его и далее к наемному труду, помещику — ренту, достаточную для его беззаботного существования, и предпринимателю — прибыль, достаточную для того, чтобы не отбивать у него охоты продолжать свое предприятие. Таким образом, все удовлетворены без помощи старых громоздких методов феодализма. Содействовать, следовательно, «богатству народов» значит содействовать обогащению капиталистического предпринимателя, который благодаря ведению предприятия поддерживает все общество и умеет извлекать золото из золотой жилы современного богатства, т. е. наемного труда. А потому долой все путы и препятствия доброго старого времени, равно как и новоизобретенные приемы отеческого попечения государства о счастье подданных! Свободная конкуренция, свободное развитие частного капитала, подчинение всего налогового и государственного аппарата интересам капиталистического предпринимателя — и все пойдет к лучшему в этом лучшем из миров!

Таково было экономическое евангелие буржуазии, освобожденное от всех покровов, и в этой форме политическая экономия получила, наконец, свое настоящее

крещение. Правда, все советы и предложения практических реформ, адресованные буржуазией феодальному государству, терпели безнадежное фиаско, как и все исторические попытки вливать молодое вино в старые меха. Лишь молот революции справился в 24 часа с тем, чего не могло добиться все реформистское штопание в течение полустолетия. Именно завоевание политической власти дало буржуазии в руки условия для ее господства. Наряду с философскими, естественноправовыми и социальными теориями эпохи просвещения политическая экономия, заняв первое место, стала средством самоопределения и формулировкой классового сознания буржуазии, и в качестве таковой она дала толчок к революционным действиям. Идеи классической политической экономии вплоть до самых бледных эпигонов этого направления стали впоследствии знаменем народившегося и укрепившегося буржуазного строя Европы. В Англии буржуазия в период ее бури и натиска в борьбе за свободу торговли, знаменовавшую начало ее господства на мировом рынке, заимствовала свое оружие из арсенала Смита—Рикардо. А реформы Штейна—Гарденберга—Шарнгорста, при помощи которых пытались после ударов при Иене подновить и оживить феодальную Пруссию, черпали свои идеи из учения английских классиков, так что молодой немецкий политэконом Марвиц в 1810 г. мог написать, что рядом с Наполеоном Адам Смит является самым могущественным властителем в Европе.

Если нам понятно теперь, почему политическая экономия возникла лишь полтора века тому назад, то, применяя тот же метод исследования, мы поймем и дальнейшие судьбы этой науки: если политическая экономия представляет собой науку о специфических законах капиталистического способа производства, то ее существование и функции связаны с последним, и она теряет свою базу, коль скоро прекращается этот способ производства¹. Иными словами: политическая экономия как наука отомрет с того момента, как анархическое хозяй-

¹ Роза Люксембург неправильно ограничивает предмет политической экономии только изучением капиталистического способа производства. В действительности марксистская политическая экономия изучает законы общественного производства и распределение материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества. — *Ред.*

ство капитализма уступит место планомерному, сознательно организованному и руководимому всем трудящимся обществом хозяйственному строю. Победа современного рабочего класса и осуществление социализма означают, таким образом, конец политической экономии как науки. Тут обнаруживается особая связь между политической экономией и классовой борьбой современного пролетариата.

Если в задачи политической экономии входит выяснение законов возникновения, развития и распространения капиталистического способа производства, то из этого неминуемо вытекает, что вслед за этим она должна вскрыть и законы, ведущие к гибели капитализм, который, как и предыдущие хозяйственные формы, не вечен, а представляет собою лишь преходящую историческую фазу, лишь одну ступень в бесконечной лестнице общественного развития. И учение о происхождении капитализма логически приводит к учению о его закате, наука о капиталистическом способе производства — к научному обоснованию социализма, а теоретическое орудие господства буржуазии превращается в орудие революционной классовой борьбы за освобождение пролетариата.

Эту вторую часть общей проблемы политической экономии не разрешили, понятно, ни французские, ни английские и еще менее германские буржуазные ученые. Конечные выводы из теории капиталистического способа производства были сделаны Карлом Марксом, с самого начала ставшим на точку зрения революционного пролетариата. Этим самым социализм и современное рабочее движение были впервые поставлены на твердую почву научного познания.

Как идеал общественного порядка, основанного на началах равенства и братства людей, как идеал коммунистического общества социализм имеет тысячелетнюю историю. У первых апостолов христианства, у различных религиозных сект средневековья, во время крестьянских войн социалистическая идея постоянно вслыхивала как наиболее радикальное выражение возмущения против существующего общественного строя. Но именно как идеал, который можно было рекомендовать в любое время и в любой исторической обстановке, социализм был не чем иным, как прекрасным сном отдельных меч-

тателей, золотой фантазией, столь же далекой и мало достигаемой, как сияние радуги среди облаков.

В конце XVIII и в начале XIX в. социалистическая идея проявляется впервые с громадной настойчивостью и силой, освобожденная от религиозно-сектантской мечтательности. Она скорее явилась отражением тех ужасов и опустошений, которые поднимающийся капитализм произвел в обществе. Но и в эту пору социализм в основе своей представлял не что иное, как мечту, как изобретение отдельных смелых голов. Если мы обратимся к первому предтече революционных выступлений современного пролетариата, к Гракху Бабефу, который во время Великой французской революции сделал смелую попытку установления социального равенства путем насилия, то мы увидим, что единственным фактом, на который он стремится опереться в своих коммунистических устремлениях, является вопиющая несправедливость существующего общественного порядка. Он неутомимо рисует в самых мрачных красках эту несправедливость как в своих сгратных статьях и памфлетах, так и в своем последнем слове подсудимого перед трибуналом, который вынес ему смертный приговор.

Его евангелие социализма представляет собою настойчивое повторение обвинений против несправедливости существующего строя, против страданий и мук, бедствий и унижений трудящихся масс, за счет которых кучка тунеядцев обогащается и господствует. По мнению Бабефа, достаточно было прийти к заключению, что существующий общественный порядок заслуживает уничтожения, чтобы стало возможным уже сто лет назад его фактическое устранение при помощи группы отважных людей, которые овладели бы государственной властью и ввели бы режим равенства, подобно тому, как якобинцы в 1793 г. овладели политической властью и ввели республику.

На совсем иных методах, но по существу на той же основе покоятся те социалистические идеи, которые с большим блеском и талантом отстаивали в 20-х и 30-х годах прошлого века три крупных мыслителя: Сен-Симон и Фурье во Франции и Оуэн в Англии. О революционном захвате власти для осуществления социализма, конечно, никто из этих деятелей и в отдаленной степени не думал; наоборот, как все поколение, следовавшее за

Великой революцией, они разочаровались во всякой политике и социальных переворотах и были решительными сторонниками исключительно мирных средств пропаганды. Но основа социалистической идеи была у них все та же самая: это был по существу лишь проект, изобретение гениальной головы, рекомендовавшей осуществление этого проекта измученному человечеству, чтобы освободить его от ига буржуазного общественного строя.

И все эти социалистические теории, несмотря на всю силу их критики и обаяние их идеалов будущего, не могли оказать сколько-нибудь значительного влияния на действительное движение и борьбу того исторического периода. Бабеф с кучкой своих друзей погиб в волнах контрреволюции, как утлое суденышко, не оставив после себя никакого другого следа, кроме краткой и яркой строки на страницах истории революции.

Сен-Симон и Фурье достигли лишь того, что вокруг них образовались секты талантливых и восторженных последователей, которые через некоторое время рассеялись или пошли по новому направлению, предварительно чрезвычайно оплодотворив социальную мысль и распространив ценные критические идеи. Больше всего повлиял на пролетарские массы Оуэн, но и его влияние, после того как ему удастся в 30-х и 40-х годах воодушевить небольшую группу английских рабочих, тоже теряется бесследно.

В 40-х годах выступает новое поколение социалистических вождей: Вейтлинг в Германии, Прудон, Луи Блан и Бланки во Франции. С своей стороны уже и рабочий класс начал борьбу против капиталистического господства и подал в стихийных восстаниях лионских ткачей и в чартистском движении в Англии сигнал к классовой борьбе. Но между этим стихийным движением эксплуатируемых масс и различными социалистическими теориями не было никакой непосредственной связи. Революционирующие пролетарские массы не имели в виду определенной социалистической цели, и точно так же социалистические теоретики не пытались опереться в осуществлении своих идей на политическую борьбу рабочего класса. Их социализм должен был осуществляться путем хитро придуманных учреждений, вроде народного банка для справедливого обмена товарами Прудона, или производительных ассоциаций Луи Блана.

Единственным социалистом, который усматривал в политической борьбе средство для осуществления социальной революции, был Бланки, являвшийся поэтому в ту пору единственным действительным представителем пролетариата и его революционных классовых интересов. Но и его социализм в основе своей был проектом, который можно во всякое время осуществить как результат решимости революционного меньшинства, совершающего внезапный переворот.

Кульминационным пунктом и в то же время кризисом раннего социализма во всех его видах должен был стать 1848 г. Под влиянием традиций прежних революционных боев, взбудораженный разными социалистическими системами, парижский пролетариат страстно увлекался туманными идеями о справедливом общественном строе. Как только рухнула буржуазная монархия Луи Филиппа, парижские рабочие использовали сильные стороны своего положения, чтобы на этот раз потребовать у напуганной буржуазии осуществления «социальной республики» и новой «организации труда». Для осуществления этой программы пролетариат предоставил Временному правительству знаменитый трехмесячный срок, в течение которого рабочие голодали и ждали, а буржуазия и мелкое мещанство втихомолку вооружались, готовя поражение рабочим. Этот период окончился знаменитой июньской бойней, потопившей в потоках крови парижского пролетариата идеал «социальной республики», оторванной от времени и пространства. Революция 1848 г. не осуществила царства социального равенства, а укрепила политическое господство буржуазии и привела к режиму неслыханной капиталистической эксплуатации при второй империи.

Но в то самое время, когда социализм старых школ был навеки похоронен под разрушенными баррикадами июньского восстания, социалистическая идея Маркса и Энгельса получила совершенно новую основу. Оба искали опорных пунктов для социализма не в моральной испорченности существующего общественного порядка, они не изощрялись в придумывании пленительных и заманчивых планов, как бы контрабандным путем протащить социальное равенство при сохранении современного государства. Они занялись исследованием *экономических* отношений современного общества. И тут, в самих

законах капиталистической анархии, Маркс открыл действительный опорный пункт для социалистических устремлений. Если французские и английские классики политической экономии открыли законы, по которым капиталистическое общество живет и развивается, то Маркс, полстолетия спустя, занялся продолжением их исследования в том самом пункте, на котором они его прервали. Он, с своей стороны, открыл, что те же самые законы, которые лежат в основе современного хозяйственного порядка, ведут его к гибели, так как, благодаря росту анархии, они все более угрожают существованию общества и вызывают ряд политических и экономических катастроф. Следовательно, как это доказано Марксом, сами тенденции развития капиталистического господства на определенной ступени своего развития ведут с необходимостью к переходу к планомерному, сознательно организованному всем трудящимся обществом хозяйству; в противном случае общество и человеческая культура погибнут в конвульсиях необузданной анархии.

И господствующий над обществом капитал сам все энергичнее приближает этот роковой час, все большими массами объединяя своих будущих могильщиков — пролетариев. Распространяясь по всему миру, капитал создает анархическое мировое хозяйство и вместе с этим создает базис для объединения пролетариев всех стран в мировую революционную силу для устранения капиталистического классового господства. Этим самым социализм перестал быть проектом, красивой фантазией или экспериментом отдельных рабочих групп, действующих в каждой стране на свой страх и риск. Как общая политическая программа действий международного пролетариата, социализм является *исторической необходимостью*, представляя собой продукт экономических тенденций развития капитализма.

Теперь ясно, почему Маркс поставил свое собственное экономическое учение вне пределов официальной политической экономии, назвав его «Критикой политической экономии». Законы капиталистической анархии и ее предстоящего исчезновения, развитые Марксом, понятно, являются лишь продолжением политической экономии, созданной буржуазными учеными, но это продолжение в своих конечных выводах стоит в самом резком

противоречии с исходными пунктами его предшественников. Марксистское учение — это дитя буржуазной политической экономии, но дитя, рождение которого стоило матери жизни. В марксистской теории политическая экономия нашла свое завершение и свой конец как наука. За этим должно — если не считать разработки марксистского учения в частностях — последовать лишь претворение этого учения в действие, т. е. борьба международного пролетариата за осуществление социалистического хозяйственного строя. Конец политической экономии как науки означает, таким образом, всемирно-историческое событие: претворение в действительность планомерно организованного мирового хозяйства. Последняя глава политико-экономического учения — это социальная революция мирового пролетариата.

Специфическая связь между политической экономией и современным рабочим классом оказывается таким образом двусторонней. Если, с одной стороны, политическая экономия, как она развита Марксом, более чем какая-либо другая наука составляет необходимую основу пролетарского образования, то, с другой стороны, классово сознательный пролетариат является в настоящее время единственной аудиторией, способной понять и воспринять политическую экономию. Еще имея перед глазами разлагающееся старое феодальное общество, Кенэ и Буагильбер во Франции, Адам Смит и Рикардо в Англии с гордостью и воодушевлением встречали молодое буржуазное общество и, полные твердой веры в грядущее тысячелетнее царство буржуазии и его «естественную» социальную гармонию, бесстрашно проникали своим орлиным взором в глубины капиталистических законов.

С тех пор все более мощно нарастающая пролетарская классовая борьба и в особенности июньское восстание парижского пролетариата давно разрушили веру буржуазного общества в его божественную гармонию. И с тех пор, как оно вкусило от древа познания современных классовых противоречий, его отталкивает классическая оготенность, с которой творцы его собственной политической экономии однажды показали его миру. Теперь ведь ясно, что именно из этого научного арсенала идеологи современного пролетариата позаимствовали свое смертоносное оружие.

Благодаря этому уже в течение десятилетий не только социалистическая, но и буржуазная политическая экономия, поскольку она была когда-то действительной наукой, не находит среди имущих классов никакого отзвука. Неспособные понять учение своих собственных великих предков и еще менее способные принять вытекающее из него учение Маркса, сулящее буржуазному обществу гибель, современные буржуазные ученые под видом политической экономии преподают бесформенный винегрет из обрывков всевозможных научных мыслей и тенденциозных заблуждений, причем они не преследуют больше цели исследования истинных тенденций капитализма, а, наоборот, преследуют обратную цель: из апологетических соображений затушевать эти тенденции, представить капитализм как наилучший, единственно возможный вечный хозяйственный порядок.

Забытая и преданная буржуазным обществом, научная политическая экономия вербует своих последователей лишь из среды проникнутых классовым самосознанием пролетариев с целью встретить у них не только теоретическое понимание, но и действенное завершение. К политической экономии относятся в первую очередь известные слова Лассаля:

«Наука и работники, эти два крайние полюса общества, слившись воедино, раздавят в своих железных объятиях все препятствия, стоявшие на пути культуры...»

2¹. ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (I)

I

Наши сведения о древнейших и примитивнейших хозяйственных формах весьма недавнего происхождения. Еще в 1847 г. Маркс и Энгельс в первом классическом документе научного социализма, в «Коммунистическом манифесте», писали: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Как раз в то время, когда основоположники научного социализма высказали это мнение, оно стало под влиянием новых исследований со всех сторон оспариваться. Почти каждый год приносил исследования, содержавшие неизвестные дотоле сведения о древнейших хозяйственных состояниях человеческого общества, на основании которых можно было прийти к выводу, что в историческом прошлом были чрезвычайно длительные эпохи, не знавшие никакой классовой борьбы, поскольку вообще не было ни деления на разные общественные классы, ни различия между богатством и бедностью, ни частной собственности.

В 1851—1853 гг. появилась в Эрлангене первая, открывшая собой эпоху, работа Георга Людвига фон Маурера: «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти», пролившая новый свет на германское прошлое и на социальную и экономическую структуру средневековья. Уже на протяжении нескольких десятилетий наталкивались в отдельных местностях, то в Германии, то в северных странах, на острове Исландии, на достопримечательные пережитки первобытных деревенских учреждений, указывавшие на существование некогда в этих

¹ В рукописи Р. Люксембург эта глава обозначена цифрой III.

местах общественной собственности на землю, на существование аграрного коммунизма¹. Но на первых порах значение этих пережитков не поддавалось объяснению. Согласно прежнему взгляду, пользовавшемуся со времени Мёзера и Киндлингера общим признанием, обработка земли в Европе началась с отдельных усадеб, и каждый двор был окружен участком земли («Feldmark»), составлявшей частную собственность владельца. Только в позднейшем средневековье, как полагали, распыленные до тех пор жилища были для большей безопасности объединены в деревни, и отдельные дотоле усадебные участки — в общедеревенские. Сколь неправдоподобным ни представляется это воззрение при более точном рассмотрении, — а для его обоснования нужно допустить невозможнейшие вещи, а именно, что жилища, часто далеко друг от друга отстоявшие, были снесены лишь для того, чтобы потом быть построенными на новом месте, что люди добровольно отказывались от преимуществ удобного расположения своих земель, окружающих двор, и самостоятельного хозяйствования на них — для того, чтобы потом разбить свои поля на узкие, рассеянные между других полей полосы, и вести на них хозяйство в полной зависимости от своих деревенских соседей, — как неправдоподобна ни была эта теория, тем не менее она оставалась господствующей вплоть до середины прошлого столетия. Лишь фон Маурер объединил результаты всех этих отдельных исследований в одну смелую, всеобъемлющую теорию и окончательно установил на основании огромного фактического материала и серьезнейшего изучения старинных архивов, документов, правовых институтов, что общественная собственность на землю возникла впервые не в позднейшее

¹ Роза Люксембург характеризует первобытнообщинный строй как «аграрный коммунизм», «первобытный деревенский коммунизм», «первобытный коммунизм», «родовой коммунизм» и т. п. Общественную собственность в первобытном обществе она называет «коммунистическим владением», а государство в Перу — «коммунистическим государством». Вся эта терминология, встречающаяся и в произведениях Р. Люксембург, имела главным образом то значение, чтобы в противовес обществам, основанным на эксплуатации человека человеком, показать их исторически преходящий характер и напомнить, что было общество, не знавшее частной собственности, классов, государства и что исторически неизбежно возникновение коммунистического общества как самой высшей ступени развития человечества — *Ред.*

средневековые, а была вообще типической и всеобщей древнейшей формой германских поселений в Европе. Таким образом, две тысячи лет назад, и еще раньше, в ту седую древнюю пору жизни германских народов, о которой писаная история ничего не знает, среди германцев господствовали порядки, в корне отличные от современных. Не было государства с принудительными писаными законами; никакого деления на богатых и бедных, на господствующий класс и класс трудящихся (эксплуатируемых) не был тогда известен германцам. Они образовывали вольные племена и роды, которые долго кочевали по Европе, пока не оседали сперва временно, а затем окончательно. Первоначальная обработка земли производилась в Германии, как показал фон Маурер, не отдельными людьми, но целыми родами и племенами, в Исландии — значительными по величине обществами, называвшимися «френдалидами» и «скульдалидами», — нечто вроде «товариществ» и «братств». Наиболее ранние сведения о древних германцах, дошедшие до нас от римлян так же, как и изучение пережитков древних учреждений, являются порукой правильности этих соображений. Впервые Германия была заселена кочевавшими в тех местах пастушескими народами. Как это было и у других кочевых народов, основой их существования было скотоводство, а также владение богатейшими пастбищами. Однако и они принуждены были перейти с течением времени к земледелию, как то было с другими кочевыми народами в древнее и более позднее время. И как раз в таком состоянии, в состоянии сочетаемого с земледелием кочевого хозяйства, при котором главным промыслом являлось скотоводство, а обработка земли — подсобным, находились во времена Юлия Цезаря, почти тысячу лет назад, из известных ему народностей германские племена *свэвов* или *швабов*. Аналогичные учреждения, порядки и обычаи существовали также и у франков, аллеманов, вандалов и других германских племен. Группами племен и родов оседали все германские народности, сперва на короткое время, обрабатывали землю и снова снимались с места, если сильнейшие племена оттесняли их вперед или заставляли подаваться назад, если пастбищ больше не хватало. Лишь когда кочующие племена обретали покой и не теснили более друг друга, они оставались на более дли-

тельное время в своих поселениях и обретали все более и более прочное место жительства. Оседание обычно совершалось целыми племенами и родами, — как в древнее, так и в более позднее время, — занимавшими либо вольную землю, либо древние римские или славянские владения. При этом как каждое племя, так и каждый род внутри племени занимали определенную область, которая с этого момента принадлежала всем сообща. «Мое» и «твое» были неизвестны древним германцам в отношении земли. Напротив, каждый род при оседании образовывал так называемый общинный союз (*Markgenossenschaft*), марку, которая хозяйствовала во всем принадлежащем ей районе, распределяла земельные участки и обрабатывала их сообща. Каждый получал по жребию отдельный участок земли, который предоставлялся ему в пользование лишь на определенное время, причем соблюдалось строжайшее равенство при распределении участков. Все хозяйственные, правовые и общие дела такой марки, одновременно представлявшей собой дружину способных носить оружие людей, решались непосредственно собранием членов союза, которое избирало также вождя и лиц на разные другие общественные должности.

Лишь на горах, в лесах или болотистых местностях, где недостаток места или годной для обработки земли делал невозможным создание больших поселений, как то было, например, в Оденвальде, в Вестфалии, в Альпах, германцы селились единичными дворами, но и они образовывали между собой общинные союзы, причем, правда, не поле, но зато луга, лес и пастбища представляли собой общее достояние всей деревни, составляя так называемую альменду, и все общественные дела решались общиной.

Племя, как объединение многих, по большей части сотни таких общинных союзов, выступает преимущественно лишь как высшая судебная и военная единица. Эта общинная организация, как доказал фон Маурер в 12 томах своего большого труда, образует вплоть до новейшего времени основу, и в то же время основную клеточку всей социальной ткани раннего средневековья, так что, в сущности, из таких общинных союзов, обломки которых мы по сегодняшней день находим в отдельных районах средней и северной Европы, создались

путем различных модификаций феодальные поместья, деревни и города.

С тех пор как стали известны первые исследования о первобытной общинной собственности на землю в Германии и северных странах, возникла теория, согласно которой мы имеем здесь дело с особым, специфически германским институтом, который можно понять, лишь исходя из своеобразия германского народного характера. Несмотря на то, что сам Маурер остался свободен от этого национального понимания аграрного коммунизма германцев и указал на аналогичное явление у других народов, главным образом в Германии продолжает считаться твердо установленным то положение, что древняя сельская марка представляет собой особенность германских общественных и правовых отношений, продукт «германского духа»

Но почти одновременно с первыми трудами Маурера о первобытном деревенском коммунизме германцев появились в свет новые исследования о совершенно другой части европейского континента. В 1847—1852 гг. вестфальский барон фон Гакстгаузен, в начале сороковых годов по желанию русского царя Николая I совершивший путешествие по России, опубликовал в Берлине свое «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России»¹. Из этого труда удивленный мир узнал, что на востоке Европы еще в настоящее время наблюдаются совершенно аналогичные явления. Первобытный деревенский коммунизм, обломки которого с трудом извлекаются из-под наслоений последующих столетий и тысячелетий в Германии, неожиданно оживает во всей своей реальности в соседнем гигантском государстве на востоке². В упо-

¹ Под таким заглавием вышел русский перевод I тома (М, 1869) Перевод был неполный вследствие того, что цензура изъяла из него ряд «опасных» мест. — *Ред*

² Немецкий барон А. Гакстгаузен (1792—1866) восхвалял русскую сельскую общину как средство укрепления крепостничества. Наблюдаемая им община не была общиной первобытного общества с наличием в ней общественной собственности, коллективным трудом и уравнительным распределением продуктов. В русской общине уже до отмены крепостного права существовали частнособственнические хозяйства крестьян, которые расслаивались на бедняцкие и зажиточные. Внутри общины все более развивалось частное землевладение. Общинная собственность на землю, переделы земли по

мянутом выше, как и в позднейшем своем, вышедшем в Лейпциге в 1866 г., труде «Сельское устройство России», фон Гакстгаузен показал, что русские крестьяне совершенно не знают частной собственности на землю, луга и леса, что собственником является вся деревня, отдельные же крестьянские семьи получают земельные участки лишь во временное пользование по жребию, так же как древние германцы.

В то время, когда Гакстгаузен объезжал страну и исследовал ее, в России господствовало крепостное право в полной силе; тем более поразительным казалось с первого взгляда то положение, что под железным прессом жестокого крепостничества и деспотической государственной машины русская деревня оставалась узким, замкнутым мирком, построенным на деревенском коммунизме и товарищеском разрешении всех общественных дел посредством деревенского схода, *мира*. Немецкий исследователь этого своеобразного явления объяснял русскую крестьянскую общину как продукт древних славянских семейных товариществ, какие еще встречаются у южных славян в балканских странах и доказательства существования которых мы находим в древних русских судебных книгах еще в XII в. и позже. Открытие Гакстгаузена было встречено с восторгом целым идейно-политическим направлением в России, *славянофильством*. Это направление, стремившееся к возвеличению славянского мира и присущего ему своеобразия, противопоставлявшее «неистощенную силу» славянства «гнилому западу» с его германской культурой, нашло для себя сильнейшую точку опоры в коммунистическом институте русской крестьянской общины в течение 2—3 ближайших десятилетий. В зависимости от того, имеем ли мы дело с реакционным или революционным крылом славянофильства, крестьянская община то становится одним из трех истинно славянских китов русского духа: православия, царского абсолютизма и крестьянски-патриархального деревенского коммунизма, то, напротив, выступает как опорный пункт для того, чтобы в ближайшем будущем провести в России социалистическую рево-

«душам» по решению деревенского схода, «мира» отнюдь не означало оживление первобытной общины. Наоборот, эта форма землевладения в сельской общине России была лишь отмирающим пережитком прошлого. — *Ред.*

люцию и, минуя фазу капиталистического развития, значительно ранее Западной Европы совершить прыжок прямо в обетованную страну социализма. Оба прогивоположных полюса славянофильства были, однако, солидарны в том убеждении, что русская сельская община представляет собой специфически славянское, объясняющееся своеобразным народным характером славянских племен, явление.

Тем временем в истории европейских народов наступил новый момент, приведший их в соприкосновение с новыми частями земного шара и познакомивший их наглядно с своеобразными общественными институтами, древними культурными формами у народов, не принадлежащих ни к германской, ни к славянской группе. В данном случае речь шла не об ученых исследованиях и научных открытиях, но о реальных интересах капиталистических стран Европы и об их опыте в области практической колониальной политики. В XIX столетии, в век капитализма, европейская колониальная политика проложила себе новые пути. Речь не шла уже больше — как то было в XVI столетии, в период первого наступления на Новый Свет — о возможно более быстром расширении сокровищ и естественных богатств вновь открытых тропических стран с их благородными металлами, пряностями, драгоценными украшениями и рабами, чем особенно поживились испанцы и португальцы. Речь также не шла больше о широких торговых авантюрах, при которых из заокеанских стран ввозилось на европейские ярмарки разнообразное сырье, в обмен за которое туземцам этих стран навязывалась не имеющая никакой цены дрянь, — авантюрах, начало которым положили в XVII столетии голландцы, подавая пример англичанам. Сейчас речь шла наряду со старинными методами колонизации, которые при случае и по сегодняшний день расцветают пышным цветом и не вышли еще из употребления, и о новых методах более длительной и систематической эксплуатации населения колоний в целях обогащения «мегрополии». Этой цели должны были служить: во-первых, фактическое овладение землей, представляющей собой основной материальный источник благосостояния каждой страны, и, во-вторых, налоговое обложение широких народных масс. В проведении этой двойной задачи европейские колониальные державы

должны были натолкнуться во всех экзотических странах на примечательное непреодолимое препятствие; это был господствующий у туземцев своеобразный вид собственности, который оказывал упорнейшее сопротивление хищничеству европейцев. Чтобы вырвать землю из рук ее прежних владельцев, необходимо было предварительно установить, кто же является владельцем земли. Чтобы не вводить налоги впустую, а иметь возможность их и собирать, нужно было установить налоговую ответственность облагаемых. Тут европейцы натолкнулись в своих колониях на совершенно чуждые им отношения, которые прямо поставили наголову все их представления о святости частной собственности. Аналогичными были результаты опыта англичан в южной Азии и французов в северной Африке.

В самом начале XVII столетия закончилось завоевание англичанами Индии; после постепенного овладения побережьем и Бенгалией, им удалось, наконец, лишь в XIX столетии подчинить себе важную область Пенджаб на севере. Но только после политического подчинения края началось наиболее трудное дело систематической эксплуатации Индии. Англичанам приходилось наткаться при этом на каждом шагу на сильнейшие неожиданности: они открыли самые разнообразные, большие и маленькие, крестьянские общины, уже в течение тысячелетий сидевшие на земле, разводившие рис, чья тихая жизнь протекала в установившихся формах; но — о, ужас! — нигде в этих тихих деревнях нельзя было встретить ни одного частного владельца земли. Никто не смел называть своим обрабатываемый им участок земли, так же как не мог его продавать, сдавать в аренду, отдавать в залог или закладывать в покрытие недоимок. Все члены таких общин, охватывавших либо целиком значительные роды, либо лишь немногие отщепившиеся от родов семьи, держались дружно, вместе; кровная связь друг с другом являлась для них всем, собственность отдельного человека — ничем. Да, англичане вынуждены были, к своему удивлению, открыть на берегах Инда и Ганга такие образцы деревенского коммунизма, по сравнению с которыми и коммунистические порядки древнегерманских общинных союзов или славянских деревенских общин должны были казаться почти впадением в грех частной собственности.

«Мы не видим там,—гласит отчет английского податного ведомства за 1845 г. из Индии,—постоянных земельных наделов. Каждый владеет земельным участком лишь поскольку он его обрабатывает. Если какой-либо участок остается необработанным, он возвращается в общину и может быть передан другому под условием его обработки».

Около того же времени правительственный отчет по управлению Пенджабом за 1849—1851 гг. сообщает: «Чрезвычайно интересно наблюдать, как сильно в этих обществах чувство кровного родства и сознание общности происхождения. Общественное мнение так упорствует в сохранении этой системы, что мы нередко видим, как люди, предки которых в течение одного или даже двух поколений не принимали никакого участия в общинном владении, допускаются к нему».

«При этой системе землевладения,—пишет отчет английского государственного совета об индийских родовых общинах,—ни один член клана (рода) не может доказать не только, что он владеет тем или другим участком общинной земли по праву собственности, но даже по праву временного пользования. Продукты общественного хозяйства поступают в одну общую кассу, из которой и покрываются все потребности». Итак, здесь мы не имеем вообще никакого общего дележа земли, хотя бы даже на один сельскохозяйственный период; нераздельно и сообща владеют общинные крестьяне землей и обрабатывают поля, вносят урожай в общий деревенский амбар, который капиталистическому взору англичанина, естественно, должен был казаться «кассой», и по-братски удовлетворяют свои скромные нужды из плодов прилежного труда. В северо-западном углу Пенджаба, вблизи границы Афганистана, существовали другие, весьма интересные обычаи, представлявшие из себя издевательство над представлениями о частной собственности. Хотя здесь земельные участки распределялись и периодически переделывались, но — о, чудо! — обменивались своими участками не отдельные крестьянские семьи друг с дружкой, но целые деревни каждые пять лет обменивали свою землю, причем целые группы деревень меняли свое местожительство. «Я не могу,—писал в 1852 г. английский податный комиссар Джемс из Индии высшим государственным учреждениям,—умол-

чать о весьма своеобразном обычае, который сохранился до сих пор в некоторых областях: я имею в виду периодический обмен земельными участками между отдельными деревнями и их ответвлениями. В одних районах обмениваются лишь пахотные земли, в других — даже и дома».

Таким образом, здесь, очевидно, вновь открывается своеобразие определенной группы народностей, в данном случае своеобразие «индийское». Но коммунистические институты деревенской общины индийцев как своим географическим расположением, так и мощью кровных и родственных уз указывают на свое традиционное древнее происхождение.

Исконные формы коммунизма, сохранившиеся особенно в древнейших поселениях индийцев на северо-западе, дают основание заключить, что общественная собственность вместе с прочным родственным союзом коренится в тысячелетних порядках, имевших место в первых поселениях индийцев на их новой родине, в современной Индии. Профессор сравнительного правоведения в Оксфорде, бывший член правительства Индии, сэр Генри Мэн, уже в 1871 г. избрал индийские аграрные общины темой своих лекций и проводил параллель между этими общинами и выводами фон Маурера относительно Германии и исследованиями Нассе относительно английских общинных союзов как первобытных учреждений того же характера, что и германские аграрные общины.

Почтенный исторический возраст этих коммунистических институтов дал себя почувствовать удивленным англичанам еще и другим путем, а именно той стойкостью, с которой они оказывали сопротивление налоговой и административной политике англичан. Лишь в результате долгой, длившейся десятилетия борьбы, им удалось с помощью насилия, обмана и бесцеремонного вмешательства в старинное право и в господствовавшие правовые представления народа создать невообразимый хаос во всех отношениях собственности, всеобщую неуверенность и разорение огромной крестьянской массы. Старые связи были насильственно разорваны, тихая уединенность деревенского коммунизма от всего мира сменилась распрями, раздорами, неравенством и эксплуатацией. В результате образовались огромные латифундии, с одной стороны, и огромная многомиллионная

масса лишенных всяких средств к существованию крестьян-арендаторов — с другой. Частная собственность праздновала свое проникновение в Индию, а вместе с нею и голодный тиф, цинга, появившиеся в качестве постоянных гостей в долине Ганга.

Все же и после открытий, сделанных английскими колонизаторами Индии, древний аграрный коммунизм, который был уже установлен у трех крупных ветвей великой индо-германской семьи народов, — у германцев, славян и индийцев, — мог еще считаться древней особенностью специально индо-германской группы народов, как ни зыбко это этнографическое понятие. Но далеко за пределы этого круга выводят нас одновременные открытия французов в Африке. Мы имеем в виду открытия, установившие у арабов и берберов на севере Африки наличие таких же институтов, какие были установлены в сердце Европы и на азиатском континенте.

У скотоводческих арабских кочевников земля была собственностью родов. Эта родовая собственность, писал французский исследователь Дарест в 1852 г., переходит от поколения к поколению, ни один араб не может указать какой-либо участок земли и сказать: вот это — мой.

У кабил, которые были ассимилированы арабами и у которых родовые союзы уже значительно распались на отдельные ветви, все же власть родов осталась весьма сильной: они несли сообща ответственность за налоги, они сообща закупали скот, подлежащий распределению между отдельными семейными ветвями для их прокормления; по всем спорным вопросам о земле родовой совет являлся верховным судьей; для поселения кого-нибудь в среде кабил требовалось согласие рода; необработанной пустошью также распоряжался родовой совет. Как правило, однако, существовала нераздельная собственность семьи, конечно, не в современном европейском смысле семьи, состоящей из пары супругов, а типичной патриархальной семьи, как она изображена у древних израильтян в библии, — большой родственной группы, состоящей из отца, матери, сыновей, их детей, жен, внуков, дядей, теток, племянников и двоюродных братьев. В этой среде, говорит другой французский исследователь Летурн в 1873 г., обычно распоряжается общей собственностью старейший член семьи, который на этот пост избирается семьей и который должен

запрашивать мнение общего семейного совета во всех важнейших случаях, особенно по вопросу о продаже и покупке земли.

Таков был социальный строй населения Алжира к тому моменту, когда французы превратили страну в свою колонию. Франции пришлось, таким образом, в северной Африке встретиться с аналогичными условиями, как Англии в Индии. Повсюду европейская колониальная политика наталкивалась на стойкое сопротивление древних общественных союзов с их коммунистическими институтами, которые защищали каждого своего члена от эксплуататорского нажима европейского капитала и европейской финансовой политики.

Одновременно с этими новыми исследованиями новый свет на вопрос пролило одно старинное полузабытое воспоминание первых дней европейской колониальной политики и ее походов за добычей в Новый Свет. В пожелтевших хрониках испанских государственных архивов и монастырей сохранился в течение долгих столетий легендарный рассказ о стране чудес в Южной Америке, где уже в век великих открытий испанские конквистадоры наткнулись на весьма своеобразные институты. Смутные сведения об этой южноамериканской стране чудес проникали уже в XVII и XVIII столетиях в европейскую литературу, — вести о найденном испанцами в нынешнем Перу *государстве инков*, где под отеческой теократической властью благодушных деспотов народ жил на основе полной общественной собственности. Фантастические представления об этом сказочном коммунистическом государстве в Перу держались так упорно, что еще в 1875 г. один немецкий писатель мог говорить о государстве инков, как о «почти единственной в истории человечества» социальной монархии, основанной на теократической основе, где «большая часть того, что одушевленные идеалом социал-демократы стремятся осуществить в настоящем и чего они до сих пор никогда еще не достигли», уже практически было проведено в жизнь¹. Между тем был опубликован подробнейший материал об этой замечательной стране и ее порядках.

¹ Подробно об этом см. у Кунова [*«Die sociale Verfassung des Inkareichs»*], стр. 6.

В 1840 г. во французском переводе появился значительный оригинальный труд Алонсо Зурита, бывшего аудитора королевского совета в Мексике, об управлении и аграрных отношениях в бывших испанских колониях Нового Света. А в середине XIX столетия испанское правительство решилось извлечь на свет из архивов старинные документы, относящиеся к завоеванию и управлению испанцами их американскими владениями. Благодаря этому был сделан новый и весьма важный, основанный на документах вклад в дополнение к материалам о социальных отношениях на древней докапиталистической ступени культуры в заокеанских странах.

Уже на основании сообщений Зурита русский ученый Максим Ковалевский пришел в 70-х годах к заключению, что это сказочное государство инков в Перу представляет собой не что иное, как страну, в которой господствовали те самые древние аграрно-коммунистические отношения, какие уже Маурер в свое время все-сторонне осветил в отношении древних германцев и которые являлись господствовавшей формой хозяйства не только в Перу, но также в Мексике и вообще во всей завоеванной испанцами новой части земного шара. Позднейшие данные дали возможность тщательно обследовать древние перуанские аграрные отношения и нарисовали новую картину примитивного деревенского коммунизма — опять в другой части земного шара, у совершенно иной расы, на совершенно другой степени культуры и совсем в другую эпоху, нежели это было в имевших место до сих пор открытиях.

Здесь мы имеем перед собой древнюю аграрно-коммунистическую организацию, которая, господствуя с незапамятных времен среди перуанских племен, еще в XVI в., ко времени испанского нашествия, сохранила свою полную жизнеспособность и силу. Союз, основанный на родстве, род, и здесь являлся единственным собственником на землю в каждой деревне или в двух-трех деревнях вместе; и здесь также обрабатываемая земля распределялась между жителями деревни путем ежегодной жеребьевки; здесь также все общественные дела разрешались деревенским собранием, которое и избирало своего старейшину. Интересно, что именно в далекой Южной Америке, у индейцев, были найдены живые следы такого развитого коммунизма, какой в Европе

казался совершенно невозможным: здесь были найдены огромные строения, вмещавшие целые роды, с общими кладбищами при них. Об одном таком жилье сообщают, что в нем помещалось свыше 4000 мужчин и женщин. Резиденция так называемого короля инков, город Куцко, состоял из нескольких таких огромных жилищ, из которых каждое называлось по имени проживающего в нем рода.

Большой материал, накопившийся около середины XIX столетия, к 70-м годам, внес непоправимую брешь в старое представление о вечности института частной собственности и его существовании от сотворения мира, не оставив от этого представления и следа. После того, как аграрный коммунизм был открыт вначале в виде своеобразного уклада германского народа, затем в качестве славянского, индийского, арабско-кабийского, древнемексиканского, в качестве особенности чудесной страны перуанских инков и многих других «специфических» типов народов, во всех частях света, — после этого сам собой напрашивается вывод, что этот деревенский коммунизм вообще не является «народной особенностью» какой-нибудь расы или части света, но что он представляет собой всеобщую типичную форму человеческого общества на определенной стадии его культурного развития. Вначале официальная буржуазная наука, особенно политическая экономия, оказывала упорное сопротивление этому взгляду. Господствовавшая во всей Европе в первой половине XIX в. английская школа Смита—Рикардо решительно оспаривала самую возможность общественной собственности на землю. Точно так же, как некогда абсолютное невежество и ограниченность первых испанских, португальских, французских и голландских завоевателей новооткрытой Америки, совершенно не понимавших аграрных отношений туземцев и не находивших там частных собственников, привели просто к тому, что они объявили всю страну «королевской собственностью», принадлежностью фиска; так же точно поступали в эпоху буржуазного «просвещения» крупнейшие светила экономической учености. В XVII столетии, например, французский миссионер Дюбуа писал об Индии: «Индусы не знают никакой земельной собственности. Обрабатываемая ими земля является собственностью монгольского

правительства». А один доктор медицины в Монпелье, г. Франсуа Бернье, который объезжал в Азии земли великого Могола и уже в 1699 г. опубликовал в Амстердаме весьма известное описание этих стран, с возмущением взывал: «Эти три государства — Турция, Персия и Передняя Индия — уничтожили даже всякое представление о моем и твоём отношении к земельным владениям, то представление, которое является основой всякого добра и красоты на земле». Такое же грубое невежество и непонимание всего, что не создано по образу и подобию капиталистической культуры, проявил в XIX столетии ученый Джемс Милль, отец знаменитого Джона Стюарта Милля, когда писал в своей истории Британской Индии: «На основании всех рассмотренных нами фактов мы можем прийти к тому единственному выводу, что земля в Индии принадлежит властелину, потому что, если мы откажемся от этого предположения, мы не сможем вообще сказать, кто является собственником земли». То, что собственность на землю просто принадлежит индийским крестьянским общинам, в течение тысячелетий обрабатывающим ее, то, что может существовать страна, большое культурное общество, где земля не является средством эксплуатации чужого труда, но только источником существования самих трудящихся, — все это абсолютно непостижимо для крупного ученого английской буржуазии. Это почти умиленное ограничение духовного горизонта четырьмя стенами капиталистического хозяйства обнаруживает лишь, что официальная наука эпохи буржуазного просвещения обладает бесконечно более узким глазомером и культурно-историческим пониманием, нежели римляне, жившие почти две тысячи лет тому назад, чьи полководцы, как Цезарь, историки, как Тацит, оставили нам чрезвычайно ценные впечатления и описания совершенно чуждых им хозяйственных и социальных отношений германских варваров.

В течение всего своего существования буржуазная политическая экономия, как орудие идеологического оправдания господствующей формы эксплуатации, меньше всего отличалась пониманием иных форм культуры и хозяйства, и на долю других областей науки, стоящих дальше от противоречий интересов и борьбы между капиталом и трудом, выпало признать в коммунистиче-

ских учреждениях прежних времен общую господствующую форму хозяйственного и культурного развития на определенной ступени. Впервые пришли к признанию аграрного коммунизма, как международной, распространенной по всем частям света и расам, примитивной формы хозяйственного развития, юристы, как фон Маурер, Ковалевский и английский профессор права и государственный советник Индии сэр Генри Мэн. Так же точно и на долю американского социолога-юриста Моргана выпало открытие соответствующей социальной структуры первобытного общества в качестве базиса развития этой хозяйственной формы. Значительная роль основанных на родстве союзов в древних коммунистических деревенских общинах бросалась в глаза исследователям как в Индии, так и в Алжире, а также у славян. Германцы, как это твердо установлено исследованиями Маурера, селились по Европе не иначе, как родами, родственными группами. История античных народов, греков и римлян, показывает на каждом шагу, что род играл у них издавна величайшую роль, как социальная группа, как хозяйственная единица, как правовой институт, как замкнутый круг религиозного культа. Наконец, почти все сообщения путешественников по так называемым диким странам с замечательным единодушием обнаруживают то обстоятельство, что чем примитивнее народ, тем больше в жизни этого народа роль родственных союзов, тем более господствуют они в его хозяйственных и социальных, религиозных отношениях и представлениях.

Перед научным исследованием встала, таким образом, новая и чрезвычайно важная проблема: что, собственно, представляют собой те родовые союзы, которые в древние времена имели такое большое значение, как они развивались, в какой связи они находились с хозяйственным коммунизмом и хозяйственным развитием вообще? Все эти вопросы впервые осветил исключительно ярко в 1877 г. Морган в своем «Первобытном обществе». Морган, проживший большую часть своей жизни среди индейского племени ирокезов в штате Нью-Йорк и исследовавший основательнейшим образом отношения в этом примитивнейшем охотничьем племени путем сравнения добытых им результатов с данными, известными о других первобытных народах, пришел

к новой, широкой теории о формах развития человеческого общества в те огромные промежутки времени, которые предшествуют всяким историческим сведениям. Проложившие совершенно новые пути идеи Моргана, которые до сегодняшнего дня сохранили свою силу, несмотря на полноту появившегося с того времени нового материала, внесшего ряд поправок в его построение, можно резюмировать в следующих пунктах:

1. Морган первый внес в изучение доисторической культуры научную систему тем, что он установил в ней определенные ступени развития и выявил основные движущие силы этого развития. До тех пор огромный период общественной жизни, предшествующий писаной истории, так же как и общественные отношения в среде современных первобытных народов со всей пестрой массой форм и стадий в них, изображался как более или менее непроходимый хаос, откуда только кое-где могли быть извлечены разрозненные главы и фрагменты на свет научного исследования. Особенное значение придавалось определениям «дикое состояние» и «варварство», которыми обычно суммарно характеризовали эти отношения с отрицательной стороны, как название для недостатков всего того, что соответствует понятию «цивилизации», т. е. упорядоченной жизни человека в тогдашнем ее понимании. С этой точки зрения настоящая упорядоченная, достойная человека общественная жизнь началась лишь с того состояния, которое запечатлено в писаной истории. Все, что относится к «дикому состоянию» и «варварству», образует лишь малоценную, постыдную ступень на пути к цивилизации, полуживотное существование, на которое современное культурное человечество может взирать лишь со снисходительным пренебрежением. Точно так же, как для официальных представителей христианской церкви все первобытные и дохристианские религии представляют длинный ряд заблуждений человечества в поисках единственной истинной религии, так и для политэкономов все примитивные хозяйственные формы представляли собой лишь беспомощные попытки в поисках единственной правильной формы хозяйства: частной собственности и эксплуатации, с которых и начинаются писаная история и цивилизация. Морган нанес решительный удар этому представлению, рассматривая всю первобытную исто-

рию культуры как равноценную, даже как более важную часть непрерывной цепи развития человечества, безгранично более важную как по своей бесконечной длительности по сравнению с коротким периодом писаной истории, так и по решающим достижениям культуры, которые были сделаны в тот долгий предрассветный период общественного бытия человечества. Тем, что Морган в первый раз заполнил «определения» дикость, варварство, цивилизация положительным содержанием, он сделал их точными научными понятиями и превратил в орудия научного исследования. Дикость, варварство, цивилизация для Моргана — три периода развития культуры, отделенные друг от друга вполне определенными материальными признаками и сами распадающиеся на низшую, среднюю и высшую ступени, различающиеся опять-таки конкретными определенными успехами и достижениями культуры. Пусть теперь усердствуют педантичные всезнайки, доказывая, что средняя ступень дикости начинается не с рыболовства, как то полагает Морган, что высшая ступень начинается не с изобретения лука и стрел и т. п., так как во многих случаях существовал обратный порядок, а в иных целые ступени в силу единственных условий и совсем могли выпасть, — возражения, которые, впрочем, можно делать против всякой исторической классификации, когда ее рабски воспринимают как застывшую абсолютную схему, сковывающую, подобно железной цепи, наше познание, вместо того чтобы служить ему живой, гибкой, руководящей нитью. Непревзойденной заслугой Моргана остается то, что его первые научные классификации создали предпосылки для исследования первобытной истории, как заслугой Линнея является установление первой научной классификации растений. Между ними существует, однако, большое отличие. Линней, как известно, принял в основу своей систематики растений очень удобный, но чисто внешний признак половых органов у растений, и этот первый подсобный прием, как впоследствии понял и сам Линней, должен был уступить место живой, подлинной классификации с точки зрения истории развития растительного мира. Морган же, наоборот, как раз выбором основного принципа, на котором зиждется его систематика, наивысшим образом оплодотворил исследование: в качестве исходного

пункта своей классификации он принял то положение, что в каждый данный момент существующие способы общественного труда, т. е. производство, определяют в первую очередь в каждой исторической эпохе, начиная с первых начатков культуры, общественные отношения человека и решающие успехи производства являются основными вехами общественного развития.

2. Второе крупное достижение Моргана относится к семейным отношениям первобытных обществ. И здесь также на основании обширного материала, собранного им путем исследования вопроса у всех народов, он установил первую, научно обоснованную последовательность в развитии форм семьи, начиная с отдаленнейших форм самого примитивного общества и кончая господствующей в настоящее время моногамией, т. е. прочного, санкционированного государством брака мужчины и женщины с преобладающей ролью в семье мужа. Правда, с тех пор появился также материал, внесший некоторые коррективы в установленную Морганом схему развития семьи. Однако основные линии его схемы, как первой, строго разработанной с точки зрения идеи развития, схемы развития форм человеческой семьи от седой древности до настоящего времени, остаются имеющим до сих пор значение вкладом в сокровищницу науки об обществе. Но эту область Морган, впрочем, обогатил не только систематикой, но и гениальной основной мыслью о соотношении между семейными отношениями всякого общества и действующей в нем системой родства. Морган первый обратил внимание на тот поразительный факт, что у многих первобытных народов действительные отношения родства и происхождения, т. е. действительная семья, совершенно не согласованы с названиями родства, которыми люди обозначают эти отношения, и с взаимными обязанностями, вытекающими для них из этих названий. Он первый нашел чисто материалистически-диалектическое объяснение этого загадочного явления. «Семья, — говорит Морган, — представляет активный элемент. Она никогда не бывает неподвижной, но развивается из низшей формы в высшую, по мере того как прогрессирует из низшей ступени в высшую общество, и переходит, наконец, из одной формы в совершенно другую, высшую форму. Системы родства, напротив, пассивны. Только

через длинные промежутки времени отмечают они прогресс, который сделала с течением времени семья, и испытывают радикальное изменение только тогда, когда радикально изменилась семья»¹. Таким образом получается, что у первобытных народов еще действует система родства, которая соответствует более ранним, уже преодоленным формам семьи, подобно тому, как представления и идеи человека большей частью еще долго цепляются за порядки, через которые уже перешагнуло фактическое материальное развитие общества.

3. На основании истории развития семейных отношений Морган дал первое исчерпывающее исследование тех древних родовых союзов, которые мы встречаем у истоков исторического предания у всех культурных народов — у греков и римлян, у кельтов и германцев, у древних израильтян — и которые можно наблюдать еще у большей части первобытных народов, существующих сейчас. Он показал, что эти покоящиеся на кровном родстве и общности происхождения союзы представляют, с одной стороны, лишь высокую ступень развития семьи, а с другой стороны, являются основой общественной жизни народов в целом в течение того длительного периода, когда еще не существовало государства в современном смысле, т. е. не было никакой политической принудительной организации на прочной территориальной основе. Каждое племя, состоявшее из определенного числа родовых союзов или, как их называли римляне, *gentes*, занимало свой собственный район, целиком ему принадлежавший, и внутри каждого племени родовой союз был единицей, в которой велось общее хозяйство на коммунистических началах, где не было ни богатых, ни бедных, лентяев и работников, господ и рабов и где все общественные дела разрешались на основе свободного выбора и общего решения. В качестве живого примера этих отношений, через которые некогда прошли все народы современной цивилизации, Морган дает подробную картину родовой организации американских индейцев, какую она была во время завоевания европейцами Америки.

¹ См. русский перевод Л. Морган, *Первобытное общество*, СПб., 1900, стр. 418. — *Ред.*

«Все члены (ирокезского рода) были лично свободны и обязаны охранять свободу других; они были равны друг другу в полномочиях и личных правах, так как ни сахем, ни вождь не претендовали ни на какое преимущество; они представляли братство, связанное узами крови. Свобода, равенство и братство были основными, хотя не формулированными принципами рода. Это имеет существенное значение, так как род был единицей всей общественной системы, основанием, на котором было организовано индейское общество. Это достаточно объясняет чувство независимости и личное достоинство в поступках, которые являются общепризнанными чертами индейского характера»¹.

4. Родовая организация приводит общественное развитие до порога цивилизации, которую Морган характеризует как ту непродолжительную новейшую эпоху истории культуры, где на развалинах коммунизма и древней демократии возникает частная собственность, а с нею и эксплуатация, публичная организация принуждения — государство — и безграничная власть мужчины над женщиной, проявляющаяся в государстве, в праве собственности и семье. На этот сравнительно короткий исторический период падают величайшие, чрезвычайно быстрые успехи в области производства, науки, искусства, но в то же время и глубочайший разрыв общества вследствие классовых противоречий, величайшая нищета народных масс и максимальное их порабощение. Вот собственное мнение Моргана о нашей современной цивилизации, которым он заканчивает результаты своего классического исследования.

«С наступлением цивилизации рост богатства стал так огромен, его формы так разнообразны, его применение так обширно, а распоряжение им в интересах собственников так разумно, что это богатство сделалось силой, непреодолимой для народа. Человеческий ум стоит беспомощный и растерянный перед своим собственным созданием. Но настанет время, когда человеческий разум окрепнет для господства над богатством, когда он прочно установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и границы

¹ См. русский перевод *Морган, Первобытное общество*, стр. 84. — *Ред.*

прав собственника. Интересы общества стоят безусловно выше частных интересов, и те и другие должны быть приведены в справедливую гармонию. Одна погоня за богатством не есть конечное назначение человечества, если только прогресс останется законом для будущего, так же как он служил для прошедшего. Время, прошедшее с начала цивилизации, представляет только небольшую частицу как прошедшей жизни человечества, так и предстоящей еще ему жизни. Нам угрожает гибель общества, как конечный результат исторического поприща, единственной целью которого оказывается богатство, ибо такое поприще содержит в себе элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство в обществе, равенство в правах, всеобщее образование будут характеризовать следующую высшую ступень общества, к которой постоянно стремятся опыт, разум и наука. Она будет переживанием снова — но в более высокой форме — свободы, равенства и братства древних родов»¹.

Исследование Моргана имело огромное значение для познания хозяйственной истории. Древнее коммунистическое хозяйство, до тех пор лишь в единичных случаях открытое, но не объясненное, он установил как общее правило на широкой основе последовательного развития культуры, в частности родовой организации. Первобытный коммунизм с соответствующими ему демократией и социальным равенством благодаря этому выступил как колыбель общественного развития. Расширив таким образом горизонт доисторического прошлого, он представил всю современную цивилизацию с ее частной собственностью, классовым господством, властью мужчин, принудительным государством и принудительным браком просто как короткую преходящую фазу, которая, сама, вышедши из недр разложившегося первобытного коммунистического общества, в свою очередь должна будет в будущем уступить место высшим социальным формам. Но этим самым Морган заложил прочный новый камень под здание научного социализма. В то время как Маркс и Энгельс посредством экономического анализа капитализма доказали неизбежность

¹ См. русский перевод *Морган, Первобытное общество*, стр. 543—544. — *Ред.*

исторического перехода общества в близком будущем к коммунистическому мировому хозяйству и этим подвели прочный научный базис под социалистические стремления, — Морган известным образом создал гигантский краеугольный камень для здания, сооруженного Марксом — Энгельсом, показав, что коммунистически-демократическое общество, хотя бы и в других, более первобытных формах, охватывает все долгое прошлое культурной истории человечества, предшествовавшее современной цивилизации. Таким образом, благородная традиция седой древности протягивает свою руку революционным стремлениям будущего, круг познания гармонически замыкается, и в этой перспективе современный мир с его классовым господством и эксплуатацией, выдающий себя за сущность и единственное содержание культуры, за высшую цель мировой истории, оказывается просто ничтожным преходящим этапом в великом культурном шествии человечества.

II

«Первобытное общество» Моргана явилось как бы последующим введением к «Коммунистическому Манифесту» Маркса и Энгельса. Ясно поэтому, что оно должно было вызвать реакцию со стороны буржуазной науки. В течение двух-трех десятилетий, протекших с середины XIX века, представление о первобытном коммунизме с разных сторон проникало в науку. До тех пор, пока речь шла только о достопочтенных «древностях германского права», о «своеобразных особенностях славянского племени» или об исторических раскопках в перуанском государстве инков и т. п., исследования не выходили за пределы безобидных научных курьезов, лишенных актуального значения и непосредственной связи с злободневными интересами и повседневной борьбой буржуазного общества, так что даже исследования прямолинейно-консервативных или умеренно-либеральных государственных деятелей вроде Людвиг фон Маурера или сэра Генри Мэна могли быть поставлены их авторам в значительную заслугу.

Однако эта связь скоро была установлена, и именно в двух направлениях. Уже колониальная политика при-

вела, как мы это видели, к столкновению осязательных материальных интересов буржуазного мира и примитивного коммунистического строя. Чем интенсивнее начинал в Западной Европе с середины XIX столетия, после бурь февральской революции 1848 г., складываться капиталистический строй, тем резче было это столкновение. К тому же все более возрастающую роль со времени февральской революции стал играть другой враг в собственном лагере буржуазного общества — революционное рабочее движение. Начиная с июньских дней 1848 г. в Париже «красный призрак» не исчезает больше с собственной арены, чтобы в 1871 г. снова вспыхнуть в ослепительном зареве Коммуны, угрожая уничтожением французской и международной буржуазии. В свете этой ожесточенной классовой борьбы обнаружило свой опасный лик новейшее открытие науки — первобытный коммунизм. Чувствительно задетая в своих классовых интересах, буржуазия почуяла некое неясное родство между первобытными коммунистическими традициями, оказывавшими ей упорное сопротивление в колониальных странах на пути к приносящей большие прибыли «европеизации» туземцев, и новым евангелием революционного возмущения пролетарских масс в старых капиталистических странах. Когда во французском национальном собрании 1873 г. должна была разрешиться судьба несчастных арабов Алжира на основании закона о насильственном введении частной собственности, — в этом собрании, дышавшем трусостью и кровожадностью победителей Парижской коммуны, все снова и снова раздавалась речь о том, что первобытная общественная собственность у арабов должна быть какой угодно ценой уничтожена, «как форма, поддерживающая в умах коммунистические тенденции». В это же время все прелести новой германской империи, эпоха грюндерства, первый капиталистический крах семидесятых годов и бисмарковский режим крови и железа с законом против социалистов с особенной силой обострили в Германии классовую борьбу и изгнали всякое благодушие из области научного исследования. Беспрецедентный рост немецкой социал-демократии, как воплощения в жизни теории Маркса и Энгельса, в чрезвычайной мере обострил классовый инстинкт буржуазной науки в Германии. И здесь тоже начинается сильней-

шая реакция против теории первобытного коммунизма. Историки культуры вроде Липперта и Шурца, экономисты вроде Бюхера, социологи вроде Штарке, Вестермарка и Гроссе единодушны сейчас в ревностной борьбе с теорией первобытного коммунизма и главным образом с теориями Моргана о развитии семьи и о существовавшем некогда господстве родовой организации с ее равенством полов на основе всеобщей демократии. Так, например, некий г. Штарке в своей «Первобытной семье» (1888 г.) называет гипотезы Моргана о системе родства «дикий мечтой», «чтобы не сказать горячечным бредом»¹. Но даже и более серьезные ученые — как автор лучшей истории культуры, какой мы располагаем, Липперт — ведут поход против Моргана. На основании устарелых поверхностных докладов миссионеров XVIII столетия, весьма невежественных в области экономики и этнологии, и при полном игнорировании великолепных работ Моргана Липперт дает картину хозяйственной жизни индейцев Северной Америки — как раз тех самых, в жизнь которых с их своеобразной социальной организацией так основательно, как никто иной, проник Морган, — как доказательство того, что у охотничьих народов вообще не существовало никакого общественного регулирования производства и никаких «забот» об интересах целого и о будущем, что там скорее имело место полное отсутствие какой бы то ни было планомерности и сознательности. Это вздорное извращение действительно существовавших среди индейцев коммунистических институтов Липперт заимствует без всякой критики у ограниченных европейским кругозором миссионеров, — как то показывает, например, следующая цитата Липперта из истории миссии евангельских бра-

¹ Теории и критика Штарке и Вестермарка были подвергнуты Куновым в его «Родовых организациях австралийских негров» (1894) основательному и уничтожающему разбору, на который оба эти автора до сих пор, насколько нам известно, не ответили ни слова. Это, конечно, не мешает тому, что новейшими социологами, как, например, Гроссе, они без тени какого либо сомнения почитаются в качестве авторитетов первого ранга, ниспровергших Моргана. С ниспровергателями Моргана происходит почти то же, что и с ниспровергателями Маркса: буржуазная наука довольствуется направленными против нечуждых революционеров тенденциозными писаниями, в которых добрые побуждения заменяют собой научное исследование.

твев среди индейцев Северной Америки из Лоскиля за 1789 г.: «Многие из них (индейцев Америки), — говорит наш прекрасно ориентированный миссионер, — настолько ленивы, что они сами ничего не сеют, но целиком полагаются на то, что другие не смогут отказаться разделить с ними свои запасы; так как таким образом более прилежные пользуются плодами своего труда не в большей степени, чем бездельники, то их посевы с течением времени все более и более сокращаются. Когда же зима бывает настолько суровой, что глубокий снег препятствует охоте, то легко воцаряется общий голод, причем часто гибнет много людей. Нужда научает их в качестве пищи пользоваться корнями трав и древесной корой, в особенности корой молодых дубов». «Таким образом, — прибавляет Липперт к словам своего свидетеля, на которого он ссылается, — происходит, естественно, возвращение к прежней беспечности и к прежнему образу жизни». И в этом индейском обществе, в котором никто «не имеет права отказаться» делиться своими запасами жизненных средств с другими и в котором «евангельский брат» констатирует совершенно произвольно, по европейскому образцу, разделение на «лентяев» и «прилежных», Липперт думает обрести лучшее доказательство против первобытного коммунизма.

«Еще в меньшей степени, конечно, наблюдается на этой ступени забота старшего поколения о поддержании жизни младшего. Индеец значительно уже отличается от первобытного человека. Когда у человека имеется орудие, у него уже есть понятие о собственности, но распространяющееся только на это орудие. Таким понятием обладает индеец уже на самой низкой ступени. *Но в этом первобытном владении нет совершенно коммунистических черт. Развитие начинается с противоположного.*

Профессор Бюхер противопоставил первобытному коммунистическому хозяйству свою «теорию индивидуального добывания пищи» первобытными народами и теорию о «безгранично-долгих эпохах», в течение которых «человек существовал не работая». Для историка культуры Шурца проф. Карл Бюхер с его «гениальным взором» является пророком, за которым он слепо следует в вопросах первобытных хозяйственных

отношений¹. Но самым типичным и самым энергичным защитником реакции от опасных учений первобытного коммунизма с родовой организацией общества, от теории «отца церкви германской социал-демократии» — Моргана, является г. Эрнст Гроссе. На первый взгляд Гроссе сам является сторонником материалистического понимания истории, т. е. он объясняет различные правовые, родовые и духовные формы общественной жизни отношениями производства данного периода, как фактора, определяющего эти формы. «По-видимому, лишь немногие историки культуры, — говорит он в своей книге «Происхождение искусства», вышедшей в 1894 г., — поняли все значение производства; его очень легко оценить ниже, чем следует. Хозяйственная деятельность есть жизненный центр всякой формы культуры; она оказывает на все остальные факторы культуры глубокое и неотвратимое влияние, между тем как сама определяется не столько культурными, сколько естественными условиями — географическими и метеорологическими. С некоторым основанием можно назвать форму производства первичным явлением культуры, а все прочие явления культуры — производными, вторичными, — конечно, не в том смысле, что все они возникают из первичного факта производства, но в том смысле, что все они, хотя появляются самостоятельно, складываются и развиваются под постоянным могучим давлением господствующего хозяйственного принципа»². На первый взгляд кажется, что сам Гроссе обязан своими главными соображениями «отцам церкви германской социал-демократии» — Марксу и Энгельсу, хотя он, весьма понятно, ни единым словом старается не выдать, из чьих научных источников он в готовом виде

¹ Проф. Эдуард Мейер в своей работе «Введение в историю древности» (вышла в 1907 г.) пишет: «Обосновываемое и получившее всеобщее признание предположение Г. Ганзена, якобы, как на это указывают Цезарь и Тацит, общественная собственность на землю с периодическими переделами была до возникновения частной собственности, теперь сильно оспаривается; во всяком случае русский «мир», являющийся типичным для этого явления, возник лишь в XVII веке». Впрочем, это последнее утверждение проф. Мейер некритически заимствует из старой теории русского проф. Чижевина.

² *E. GroÙe, Anfänge der Kunst, 1894.* См. русский перевод Э. Гроссе, Происхождение искусства, М., 1899, стр. 33—34. — *Ред.*

черпает свое превосходство над «большинством историков культуры». В отношении материалистического понимания истории он является даже «более католиком, чем сам папа». В то время как Энгельс, наряду с Марксом являющийся одним из творцов исторического материализма, установил, что развитие семейных отношений в первобытную эпоху, вплоть до образования современного государственно-санкционированного принудительного брака, независимо от изменения хозяйственных форм, и считал, что в основе этого развития лежали лишь интересы сохранения человеческого рода и его размножения, Гроссе идет здесь гораздо дальше. Он создает теорию, согласно которой каждая форма семьи является во все времена непосредственным продуктом господствующих в данный период хозяйственных отношений. «Нигде... — говорит он, — культурное значение производства не выступает так ясно, как в развитии семьи. Странные формы семейных отношений, которые побудили социологов к еще более странным гипотезам, становятся поразительно ясны, если рассматривать их в связи с формами производства»¹.

Вышедшая в свет в 1896 г. его книга «Формы семьи и формы хозяйства» целиком посвящена обоснованию этой мысли. Вместе с тем Гроссе является решительным противником учения о первобытном коммунизме. И он также стремится доказать, что общественное развитие человечества началось не с общественной собственности, а с собственности частной; исходя из своей точки зрения, он также, подобно Липперту и Бюхеру, старается установить, что чем глубже мы уходим в первобытную историю, тем исключительнее и сильнее выступает «индивидуум» с его «индивидуальной собственностью». Правда, нельзя просто отмахнуться от коммунистической деревенской общины, открытой во всех частях света, и связанных с нею родовых союзов, или, как их называет Гроссе, Sippen. Но Гроссе утверждает — и в этом состоит его собственная теория, — что родовые организации появились в качестве рамок коммунистического хозяйства лишь на одной определенной ступени развития: в период низшего земледелия;

¹ E. Große, Anfänge der Kunst. См. русский перевод Э. Гроссе, Происхождение искусства, М., 1899, стр. 34.

при переходе же к более высоким формам земледелия родовые организации разложились и уступили место «индивидуальной собственности». Таким методом Гроссе с торжествующим видом ставит прямо на голову установленную Морганом—Марксом историческую перспективу. Согласно их взгляду коммунизм был колыбелью культурного развития человечества, формой хозяйственных отношений, сопровождавшей это развитие на протяжении безгранично долгого периода времени, которая лишь с цивилизацией начинает разлагаться, чтобы уступить место частной собственности, причем эпоха цивилизации со своей стороны идет навстречу быстрому процессу распада и возвращения к коммунизму в высших формах социалистической общественной организации. По Гроссе, выходит, что именно происхождение и прогресс культуры связаны с частной собственностью и лишь на одной определенной ступени, в эпоху низшего земледелия, она временно уступила место коммунизму. По Марксу, Энгельсу и Моргану, начальным и конечным пунктом истории культуры являются общественная собственность и общественная солидарность, по Гроссе и его коллегам по буржуазной науке, — «индивидуум» с частной собственностью. Но этого еще недостаточно. Гроссе является решительным противником не только Моргана и первобытного коммунизма, но и вообще теории развития в применении к социальной жизни и изливает желчь своих насмешек по адресу детских умов, которые стремятся изобразить все явления общественной жизни как ряд форм развития, как некий единый процесс, как движение человечества от низших к высшим формам жизни. Против этих основных положений, являющихся базисом всей современной науки об обществе вообще и исторических взглядов и учений научного социализма в частности, борется, как типичный буржуазный ученый, г. Гроссе со всей энергией, на какую он только способен. *«Человечество, — возвещает и подчеркивает он, — движется отнюдь не по одной лишь линии и в одном только направлении: но как разнообразны условия жизни народов, точно так же различны и их пути и цели»*¹. Так в лице Гроссе буржуазная обще-

¹ E. Große, Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, 1896. См. русский перевод Э. Гроссе, *Формы семьи и формы хозяйства*, М., 1898, стр. 6. — *Ред.*

ственная наука в своей реакции на революционные выводы из ее собственных открытий докатывается до того пункта, до которого докатилась буржуазная вульгарная политическая экономия в своей реакции на классическую политическую экономию, — до отрицания вообще закономерности социального развития¹. Присмотримся же немного поближе к этому специфическому историческому «материализму» самого последнего ниспровергателя Маркса, Энгельса и Моргана.

Гроссе говорит очень много о «производстве» и все время толкует о «характере производства», как о факторе, определяющем всю культуру. Что же понимает он под производством и его характером?

«Форма хозяйства, господствующая или преобладающая в известной социальной группе, способ, каким члены этой группы добывают себе средства для поддержания жизни, это — факт, который доступен прямому наблюдению и в своих главных чертах повсюду может быть определен с достаточной ясностью. Можно еще колебаться во мнениях относительно религиозных или социальных воззрений австралийцев, но относительно характера их производства немыслимы никакие сомнения: австралийцы — охотники и собиратели растений. Может быть, невозможно постичь духовную культуру древних перуанцев, но факт, что граждане государства инков были земледельческим народом, очевиден для всякого исследователя»².

Таким образом, под «производством» и его «характером» Гроссе просто-напросто понимает главный источник пропитания народа в каждый данный момент. Охота, рыболовство, скотоводство, земледелие, это — те «производственные отношения», которые определяющим образом влияют на все остальные формы культуры народа. Здесь надлежит прежде всего отметить, что, поскольку речь идет о столь жиденьких откровениях, чувство превосходства г. Гроссе перед «большинством историков культуры» представляется по меньшей мере весьма необоснованным. Понятие о том, что

¹ В этом месте вставка карандашом: «Только собирать материал и «наблюдаемые факты» — совсем как «Verein für Sozialpolitik» («Союз социальных реформ») и монографии».

² E. Große, *Anfänge der Kunst*, S. 34. См. русский перевод Э. Гроссе, *Происхождение искусства*, стр. 33. — *Ред.*

характер главного источника пропитания данного народа имеет исключительное значение для его культурного развития, вовсе не является свежееиспеченным открытием г. Гроссе, а старинным, почтенным аксессуаром всех исследователей истории культуры. Это как раз и привело к установлению общепринятого деления народов на охотничьи, скотоводческие и земледельческие, которые на все лады повторяются во всех историях культуры и к которому после долгих колебаний в конце концов приходит и сам г. Гроссе. Но это представление не только очень старо, но также — в той плоской трактовке, которая дана ему Гроссе, — неверно. Если мы знаем лишь то, что такой-то народ живет охотой, скотоводством или земледелием, то мы еще ничего не знаем о его производственных отношениях и его культуре. Живущие на юго-западе Африки готтентоты, у которых немцы забрали их стада и тем самым лишили их источника существования, снабдив их зато современными ружьями, вынуждены были снова превратиться в охотников. По характеру производственных отношений это «охотничье племя», однако, имеет очень мало общего с индейскими охотниками Калифорнии, которые до сих пор живут в первобытной оторванности от всего мира, а эти последние опять-таки весьма мало похожи на охотничьи компании в Канаде, которые промышляют доставкой шкур животных для сырьевой торговли американских и европейских капиталистов. Перуанские скотоводы, которые до испанского нашествия при господстве инков пасли своих лам в Кордильерах на коммунистических началах; арабские номады с их патриархальными стадами в Африке и Аравии; современные крестьяне в швейцарских, баварских или тирольских Альпах, в самом центре капиталистического мира ведущие свои издавна заведенные «альпийские книги»; полуодичавшие римские рабы, пасшие в суровой Апулии громадные стада своих господ; фермеры, откармливающие в современной Аргентине бесчисленные стада для боен и консервных фабрик Огайо, — все эти образцы «скотоводства» представляют собою столько же совершенно различных типов производства и культуры. Наконец, «земледелие» охватывает собою такую длинную шкалу разнообразных хозяйственных систем и ступеней культуры от древней индийской марки до современной

латифундии, от баварского карликового хозяйства до ост-эльбской помещичьей усадьбы, от английской арендной системы до румынской иобаджи, от садовой культуры китайского крестьянства до бразильской плантации с применением невольничьего труда, от мотыжной обработки земли женщинами в Таити до североамериканской крупной фермы, работающей посредством пара и электричества, что нужно обладать блестящим непониманием того, что является действительно «производством», чтобы принять широковещательные откровения г. Гроссе о значении производства. Как раз против такого рода грубого и упрощенного «материализма», учитывающего только внешние природные условия производства и культуры и нашедшего своего лучшего и исчерпывающего выразителя в английском социологе Бокле, и выступили Маркс и Энгельс. Не внешние естественные источники пропитания определяют хозяйственные и культурные отношения людей, но те отношения, в которые становятся люди друг к другу в процессе труда. *Общественные* отношения производства отвечают на вопрос: какая форма производства господствует у данного народа. Лишь основательно поняв эту сторону производства, можно уяснить себе определяющее влияние производства народа на его семейные отношения, на его правовые представления, его религиозные воззрения, на развитие его искусства. Проникновение в общественные отношения производства у так называемых диких племен дается, однако, большинству европейских исследователей с большим трудом. В противовес г. Гроссе, который полагает, что он познал мир, хотя он ничего другого не знает, кроме того, что инки в Перу были народом, занимавшимся земледелием, такой серьезный ученый, как сэр Генри Мэн, пишет:

«Характерной ошибкой непосредственных наблюдателей чужих социальных или правовых отношений является то, что они слишком поспешно приравнивают эти отношения к знакомым им отношениям, которые кажутся им однородными с наблюдаемыми».

Связь форм семьи с понятиями таким образом «формами производства» принимает у г. Гроссе следующий вид:

«На низшей ступени человек прокармливается охотой в обширном смысле слова и сбором растений. При

этой первобытной форме производства образуется и первобытнейшая форма разделения труда — физиологически обоснованное разделение труда между полами: мужчина берет на себя заботу о животной пище, а женщина — собирание корней и плодов. При таких отношениях центр тяжести хозяйственной деятельности падает почти всегда на мужчину, вследствие чего первобытная форма семьи везде носит общеизвестные черты патриархального строя. Как бы ни смотреть на кровное родство, первобытный мужчина, даже если он не считается родичем по крови своему потомству, фактически является хозяином и собственником среди своих жен и детей. От этой низшей ступени производство может прогрессировать в одном из двух направлений, смотря по тому, мужское или женское хозяйство получит дальнейшее развитие, а это в свою очередь зависит прежде всего от естественных условий, в которых живет первобытная группа. Если флора и климат страны допускают сбережение, а затем и разведение полезных растений и вознаграждают этот труд, то женская отрасль хозяйства — собирание растений — постепенно развивается в земледелие. И действительно, у первобытных земледельческих народов это занятие постоянно находится в руках женщин. Но вместе с тем центр тяжести хозяйства перемещается на сторону женщины, вследствие чего во всех первобытных обществах, преимущественно живущих земледелием, наблюдаются матриархальные формы семьи или по крайней мере следы их. Здесь в центре семьи стоит женщина как главная кормилица и хозяйка. Однако до развития матриархата в собственном смысле, до действительного господства женщин дело доходит лишь в очень редких случаях, именно там, где социальная группа была гарантирована чем-либо от нападения внешних врагов; во всех остальных случаях мужчина в качестве защитника возвращал себе преимущества, утраченные им как кормильцем. Так возникают те формы семьи, которые встречаются у большинства этих народов, возделывающих землю, и которые представляют компромисс между чистым матриархальным и патриархальным строем. Но значительная часть человечества пережила совершенно иной путь развития. Те охотничьи племена, которые жили в стране, представлявшей трудности для земледелия, но обиль-

ной животными, годными и удобными для приручения, шли вперед не к возделыванию растений, а к скотоводству. А скотоводство как занятие, развившееся постепенно из охоты, находится первоначально всюду в руках мужчины. Таким образом, уже имевшийся налицо хозяйственный перевес мужской стороны еще усиливается, и это отношение, естественно, выражается в том факте, что у всех народов, добывающих себе пищу главным образом скотоводством, господствует форма патриархальной семьи. Кроме того, господствующее положение мужчины в скотоводческих обществах еще усиливается благодаря одному обстоятельству, тоже непосредственно зависящему от формы производства. Народы, занимающиеся скотоводством, всегда склонны к военным предприятиям и потому складываются в централизованную военную организацию. Неизбежным следствием этого является та крайняя степень патриархата, при которой женщина как бесправная рабыня подчинена своему владыке-мужу, облеченному деспотической властью». Но мирные, занимающиеся земледелием народы, где господствует женщина в качестве кормилицы семьи или по меньшей мере где она пользуется свободой, в большинстве случаев подчиняются воинственным скотоводам и перенимают у них вместе с другими обычаями также деспотическое господство мужчины в семье. «И, таким образом, мы теперь у всех культурных народов находим более или менее ясные следы патриархального строя»¹.

Столь замечательно изложенные здесь исторические судьбы человеческой семьи в ее зависимости от форм производства сводятся в сущности к следующей схеме: период охоты — одиночная семья с господством мужчины, период скотоводства — одиночная семья с еще худшим господством мужчины, период низшего земледелия — одиночная семья с господством женщины в отдельных местах; затем подчинение земледельцев скотоводам — и, следовательно, снова одиночная семья с господством мужчины, и — как увенчание всего здания — период высшего земледелия и одиночная семья с господством мужчины. Г. Гроссе, по-видимому, всерьез отрицает современную теорию развития. У него вообще

¹ *E. Große, Anfänge der Kunst*, S 36—38. См русский перевод Э. Гроссе, Происхождение искусства, стр. 35—36 — *Ред.*

нет никакого развития форм семьи. История начинается и заканчивается одиночной семьей с господством в ней мужчины. При этом Гроссе не замечает, что, широко-вещательно пообещав объяснить происхождение форм семьи из форм производства, он изображает форму семьи вообще как уже нечто данное, готовое, именно — как одиночную семью современного типа, и принимает ее без всяких изменений для *всех* форм производства. То, что он в действительности изображает как различные «формы семьи» в потоке времен, есть в сущности вопрос об отношениях полов между собой. Господство мужчины или господство женщины есть, по Гроссе, «форма семьи», которую он в полной гармонии со своими прочими открытиями столь же вульгарно сводит к чисто внешним признакам, как ранее он упростил «форму производства» до вопроса: охота, скотоводство или земледелие? Что «господство мужчины» или «господство женщины» могут охватывать дюжины различных форм семьи, точно так же как в пределах одной и той же культурной ступени «охотничьего периода» могут существовать дюжины различных систем родства, — все это столь же мало существует для г. Гроссе, как и вопрос об общественных отношениях в пределах одного и того же способа производства. Взаимоотношения форм семьи и форм производства строятся здесь на следующем глубокомысленном «материализме»: оба пола рассматриваются с самого начала как два хозяйственных конкурента. Кто прокармливает семью, тот и господствует в семье, думает филистер, а также буржуазный гражданский кодекс. Несчастливая доля женского пола приводит, однако, к тому, что только один раз в истории в виде исключения — при примитивном мотыжном земледелии — женщина становится кормильцем семьи, но и в этом случае она должна была большей частью уступать воинственному мужскому полу. И, таким образом, история форм семьи, в сущности говоря, есть просто история порабощения женщины при всех «формах производства» и вопреки всем формам производства. Единственной связью форм семьи с формами хозяйства, таким образом, является исключительно только это легкое различие между более мягкими или более жесткими формами господства мужчины. В заключение появляется как первый в истории чело-

веческой культуры вестник освобождения поработенной женщины христианская церковь, которая, хотя и не на земле, но по меньшей мере в голубых небесных просторах, не делает никакого различия между обоими полами. «Этим учением христианство возвело женщину на такую высоту, перед которой должен преклониться произвол мужа»¹, — заключает г. Гроссе после долгих блужданий по волнам истории хозяйства, счастливо сядя на якорь в пристани христианской церкви. Не правда ли, как «поразительно ясно» выглядят эти формы семьи, «воодушевлявшие социологов на странные гипотезы», при их рассмотрении «в связи с формами производства».

Самым поразительным в этой истории «форм семьи» является все же понимание родового союза — *Sippe*, как его называет Гроссе. Мы видели, какую огромную роль играли на ранних ступенях культуры родовые союзы в общественной жизни. Мы видели, что они, — в особенности судя по замечательным исследованиям Моргана, — представляли собою основную форму человеческого общества, предшествовавшую образованию территориального государства, и еще долго спустя были носителями хозяйственного единства и религиозной общности. Как же относятся эти факты к удивительной гроссовской истории «форм семьи»? Гроссе не может, очевидно, просто отрицать существования родовой организации у всех первобытных народов. Но так как она противоречит его схеме одиночной семьи и господства частной собственности, то он стремится свести ее значение по возможности на нет, оставляя ее в качестве исключения лишь для периода низшего земледелия. «Сила рода возникла вместе с низшим земледельческим хозяйством и вместе с ним она погибает, при общем высоком уровне земледелия эта сила уже распалась или распадается»². Таким образом у Гроссе «власть рода» с его коммунистическим хозяйством наподобие пистолетного выстрела врывается в историю хозяйства и историю семьи, чтобы скоро снова исчезнуть. Как же объяснить возникновение, существование и функции родового строя в течение тысячелетий культурного разви-

¹ E. Große. Die Formen der Familie..., S. 30. См. русский перевод Э. Гроссе, *Формы семьи*..., стр. 327. — *Ред.*

² Ibid, S. 207, 215. См. русский перевод, стр. 297 — *Ред.*

тия до низшего земледелия, когда, по Гроссе, они в те времена ни хозяйственных функций, ни социального значения по отношению к одиночной семье вообще не имели; что вообще представляли собой эти роды, которые вели свое призрачное существование у охотников, у скотоводов на фоне отдельной семьи с ее частной собственностью, — все это остается личной тайной г. Гроссе. Так же мало беспокоит его то, что его историчка находится в резком противоречии с некоторыми общепризнанными фактами. Роды, по Гроссе, могли приобрести значение лишь при низшем земледелии; но эти роды были большей частью связаны с институтом кровной мести, с религиозным культом и очень часто с наименованием отдельных родов именами животных; все эти явления, однако, гораздо старше земледелия и, таким образом, по собственной теории Гроссе, должны быть выведены из производственных отношений более ранних периодов культуры. Гроссе объясняет родовой строй у высших земледельцев — германцев, кельтов, индийцев — как пережиток периода низшего земледелия, вытекающий из роли женщины в сельском хозяйстве. Но ведь высшее земледелие культурных народов развилось не из этой мотыжной обработки земли женщинами, а из скотоводства, которым были уже заняты мужчины и где, по Гроссе, роды по сравнению с патриархальным хозяйством семьи лишены были всякого значения. По Гроссе, родовой строй у кочевых скотоводов не имеет никакого значения; лишь с развитием оседлости и земледелия он приобретает силу на некоторое время. Однако, по данным виднейших исследований аграрных отношений, действительное развитие шло как раз в обратном направлении: до тех пор, пока скотоводы вели кочевой образ жизни, родовые союзы сохраняли наибольшую власть во всех отношениях; с появлением оседлости и земледелия начинается ослабление родовых связей и отступление их на задний план перед местными союзами земледельцев, у которых общность интересов оказывается сильнее традиции кровной связи; родовая община превращается в так называемую соседскую общину. Такого взгляда придерживались Людвиг фон Маурер, Ковалевский, Генри Мэн, Лавелэ; то же явление отмечает в настоящее время Кауфман у якутов и киргизов Центральной Азии.

В заключение упомянем еще, что Гроссе, по собственному признанию, не в состоянии, исходя из своей точки зрения, дать хотя бы самые приблизительные объяснения для таких важнейших явлений в области первобытных семейных отношений, как матриархат, и ограничивается тем, что, недоуменно пожимая при этом плечами, объявляет матриархат «самым своеобразным курьезом социологии»; что он доходит до невероятного утверждения, будто у австралийцев представления о кровном родстве не имели никакого влияния на их систему семьи, и затем до еще более невероятного утверждения, будто у древних перуанцев нельзя найти никаких признаков родового быта; он судит об аграрном строе германцев по устарелому и незаслуживающему доверия материалу Лавелэ, и, наконец, вслед за Лавелэ он повторяет, например, легендарные утверждения, будто «еще сейчас» русская сельская община представляет из себя у 35 миллионов великороссов родовой союз, основанный на кровном родстве, некое «семейное сообщество», что звучит приблизительно так же, как звучало бы утверждение, будто все население Берлина образует «еще сейчас» одно большое семейное сообщество. Все это вдохновляет особым образом Гроссе на то, чтобы обращаться с «отцом церкви германской социал-демократии» Морганом, как с дохлой собакой. Вышеуказанные попытки гроссовского объяснения форм семьи и рода дают представление о том, как он трактует «формы хозяйства». Все его доказательства, направленные против первобытного коммунизма, покоятся исключительно на «хотя» и «но»; при этом бесспорные факты, правда, признаются, но им противопоставляются другие с той целью, чтобы преуменьшить нежелательное, раздуть желательное и соответственно этому получить определенный результат.

Правда, Гроссе сам сообщает о низших охотниках следующее: «Индивидуальная собственность, которая у всех низших обществ преимущественно или исключительно состоит из движимого скарба, здесь весьма ничтожна; самая же ценная часть собственности, охотничья земля, принадлежит всем вообще мужчинам племени. Вследствие этого иногда охотничья добыча должна разделяться между всеми членами орды. Это, например, имеет место, судя по рассказам, у ботокудов

(Эренрейх, «Zeitschrift für Ethnologie»). Также и в некоторых частях Австралии существуют подобные обычаи. Таким образом, все члены первобытной группы бывают и остаются приблизительно одинаково бедными. Так как не существует никаких коренных различий в имущественном положении, то отсутствует и главный источник происхождения сословных различий. В общем все взрослые мужчины в племени равноправны между собой» (стр. 55—56). Точно так же «принадлежность к тому или другому роду в некоторых (!) отношениях оказывает существенное влияние на жизнь низшего охотника. Она дает ему право пользоваться определенным охотничьим участком; она дает ему также право и обязанность защиты и мести» (стр. 90—91). Гроссе также допускает возможность существования родового коммунизма у низших охотничьих племен Калифорнии.

Но, несмотря на это, род здесь непрочен и слаб, он не ведет общего хозяйства. «Способ производства арктических охотников так индивидуалистичен, что родовая связь едва ли может противостоять его центробежным стремлениям». Точно так же у австралийцев «отнюдь не имеет места, как правило, общая охота и сбор растений, но каждая одиночная семья ведет свое отдельное хозяйство». И в общем «недостаток в средствах существования не допускает продолжительного соединения в более или менее значительные группы, но принуждает их к рассеянию» (стр. 63).

Мы переходим к охотникам высшего типа.

Правда, «земля и у высших охотников, как правило, принадлежит всему племени или роду» (стр. 69), хотя мы встречаем на этой ступени непосредственно массовые строения в виде общих родовых жилищ (стр. 84), хотя, как мы слышим далее, «широкие плотины и запруды, которые Маккензи видел на реках у гайда и которые по его расчетам должны были потребовать работы всего племени, находились под присмотром начальника, без позволения которого никто не смел ловить рыбу. Таким образом, они, вероятно, считались собственностью всей деревенской общины, безраздельно владевшей также и водой и охотничьими землями» (стр. 87).

Но «движимая собственность приобрела здесь такое распространение и значение, что, несмотря на равен-

ство земельных владений, здесь легко может развиваться большое имущественное неравенство» (стр. 69), и «обыкновенно пища, насколько мы можем судить, так же мало считалась общей собственностью, как и остальное движимое добро. Оседлые роды, следовательно, только в очень ограниченном смысле можно обозначать именем хозяйственных общин» (стр. 88).

Обратимся к последующей высшей ступени культуры, к кочевым скотоводам. И о них Гроссе сообщает также:

Правда, «беспокойнейшие номады бродят не по безграничному пространству, а, напротив, бродят вообще только внутри довольно точно отграниченной области, которая считается собственностью их племени и часто, кроме того, делится между отдельными обособленными семьями или родами» и далее — «земля на всем пространстве, где ведется скотоводство, является общим достоянием племени или рода» (91). «Земля, конечно, — общее имущество всех членов рода и делится поэтому родом или его представителем для пользования между различными семьями» (128).

Но «земля не самое ценное имущество номада. Его главное имущество представляет его скот, а скот всегда (!) является частной собственностью отдельных семей. Скотоводческий род никогда (!) не делается хозяйственной и имущественной общиной».

Наконец, следуют низшие земледельцы. Здесь, *правда*, в первый раз род рассматривается как вполне коммунистическая хозяйственная организация.

Но — и здесь преследует нас это «но» — также здесь «промышленность погребает социальное равенство» (Гроссе говорит о промышленности, но имеет в виду товарное производство, не зная, как отличить одно от другого), и созданная ею движимая частная собственность постепенно получает столь сильный перевес, что разрушает общинную недвижимую собственность как таковую (стр. 136—137). И несмотря на общую собственность на землю, «и здесь уже имеется разделение на богатых и бедных». Так коммунизм допускается на короткий момент в историю хозяйства, которая, помимо этого, начинается с частной собственности и частной собственностью же кончается. Что и следовало доказать!

Чтобы определить ценность схемы Гроссе, обратимся непосредственно к фактам. Исследуем хотя бы беглым образом хозяйство народов, стоящих на самой низкой ступени. Кто эти народы?

Гроссе называет их «низшими охотниками» и говорит о них: «Низшие охотники образуют в настоящее время лишь ничтожную часть человечества. Благодаря своим несовершенным и жалким формам производства, обреченные на культурную нищету и численную слабость, они повсюду вынуждены отступать перед более многочисленными и сильными народами, так что теперь влачат свое жалкое существование только в непроходимых лесах и незаселенных пустынях. Большая часть этих убогих племен принадлежит к малорослым расам. Это — слабейшие, вытесняемые более сильными в общей борьбе за существование в страны, менее всего благоприятные для культуры, и, вытесняемые, они тем самым обрекаются на культурный застой. Однако и поныне внутри всех частей света, за исключением Европы, находят представителей древнейших форм хозяйства. Африка скрывает множество малорослых охотничьих народов; к сожалению, даже и теперь мы сколько-нибудь осведомлены лишь об одном из них, именно — *бушменах* степи Калахари (в немецкой юго-западной Африке); жизнь остальных племен, подобных пигмеям, скрыта еще во мраке первобытных лесов Центральной Африки. Если от Африки мы обратимся на восток, то прежде всего находим внутри острова Цейлона (на южной оконечности восточноиндийского полуострова) малорослый охотничий народ *ведда*; далее на группе Андаманских островов — *минкопи*, внутри Суматры — *кубу*, а в горных трущобах Филиппинского архипелага — *эта*, три племени, принадлежащие к малорослым расам. До европейской иммиграции австралийский материк во всем своем объеме был заселен низшими охотничьими племенами; и если во вторую половину настоящего столетия туземцы были вытеснены колонистами из большей части прибрежной полосы, то все-таки они держатся еще в пустынях внутреннего материка. Наконец, в Америке можно проследить целый ряд очень малокультурных групп, рассеянных от крайнего юга до край-

него севера. В дождливых и бурных горных пустынях возле мыса Горн (южной оконечности Южной Америки) живут обитатели *Огненной Земли*, которых многие наблюдатели считают самыми жалкими и грубыми из всех людей. По лесам Бразилии, кроме пользующихся дурной славой *ботокудов*, бродят еще многие охотничьи орды, из которых благодаря исследованиям *ф. д. Штейнена* по крайней мере *борорó* стали нам более известны. Центральная Калифорния (на западном побережье Северной Америки) скрывает в себе различные племена, которые лишь немногим превосходят жалких австралийцев»¹.

Покинем теперь Гроссе, который почему-то причисляет к низшим народам и *эскимосов*, и поищем следов общественной планомерной организации труда у некоторых из перечисленных племен.

Обратимся в первую очередь к *австралийским* людоедам, находящимся, по мнению многих ученых, на самой низкой ступени человеческой культуры на земле. У австралийских негров мы находим уже упомянутое примитивное разделение труда между мужчинами и женщинами; последние заняты главным образом добычей растительной пищи и доставкой дров и воды; на долю мужчины падает охота и снабжение животной пищей.

Далее мы находим здесь картину общественного труда, которая прямо противоположна «индивидуальному добыванию пищи» и дает нам образец того, как в самых примитивных обществах обеспечивается достаточная степень прилежания всех работающих, например: «У племени *хепара* предполагается, что все мужчины, поскольку они не больны, заняты поисками пищи. Если какой-либо мужчина ленится и остается в стане, то он подвергается насмешкам и оскорблениям со стороны других. Мужчины, женщины и дети покидают стан ранним утром и отправляются на поиски пищи. По истечении достаточного времени мужчины и женщины сносят свою добычу к ближайшей яме, где раскладывается костер и зажаривается дичь. Мужчины, женщины и дети приступают дружно к еде, после того

¹ *E. Große. Die Formen der Familie.*, S. 30. См. русский перевод Э. Гроссе, *Формы семьи и формы хозяйства*, стр. 41—43. — *Ред.*

как старики разделят пищу поровну между всеми едоками. После трапезы женщины уносят остатки в стан, а мужчины продолжают охотиться по пути»¹.

Каков же производственный план австралийских негров? Он весьма сложен и разработан до мельчайших подробностей. Каждое австралийское племя распадается на ряд групп; каждая из них носит имя какого-нибудь животного или растения, которое почитается данной группой, владеющей определенной частью территории данного племени. Так, например, один район принадлежит людям Кенгуру, другой — людям Эму (большая птица вроде страуса), третий — людям Змеи (австралийцы едят и змей) и т. д. Этими «тотемами» являются, по последним научным изысканиям, почти исключительно животные и растения, служащие пищей для австралийских негров. Каждая такая группа имеет своего вождя, который руководит охотой. Именование по определенному животному или растению и соответствующий культ являются не только бессодержательной формой: каждая такая группа австралийских негров действительно обязана раздобывать соответствующую животную или растительную пищу и заботиться о сохранении и возобновлении этого источника питания.

При этом каждая группа делает это не для себя, но главным образом для *других* групп племени. Так, например, группа Кенгуру обязана раздобывать мясо кенгуру для других своих соплеменников, люди группы Змеи разыскивают змей, группа Гусеницы занята поисками одного сорта гусениц, представляющей собой большое лакомство, и т. д. Замечательно, что все эти порядки связаны со строгими религиозными обрядами и большими церемониями. Так, почти как общее правило, люди каждой группы не едят или почти не едят животных или растений, являющихся их собственным тотемом, и раздобывают их преимущественно для других. Например, мужчины группы Змеи, когда ему удастся убить змею, должен — кроме тех случаев, когда он очень голоден, — воздержаться от вкушения ее мяса и принести ее в становище для других. Точно так же мужчина группы Эму только очень в редких случаях

¹ *Somlo nach Howitt, S. 45. (Зомло по Ховитту, стр. 45. — Ред.).* Речь, очевидно, идет о работе D-г Felix Somlo, «Der Ursprung des Totemismus». — Ред.

пользуются мясом этой птицы и никогда не прикасается к ее яйцам или жиру, которые считаются целебным средством, и отдает все другим членам племени. Но, с другой стороны, члены других групп не имеют права охотиться за животными или собирать растения и есть их без разрешения соответствующей группы. Ежегодно каждая группа устраивает торжественную церемонию, имеющую целью обеспечить сохранение животного или растения-тотема (посредством песнопений, трубных звуков и других религиозных церемоний), и только после этого другим группам дается право приступить к поеданию их. Время исполнения этих церемоний в каждой группе определяет ее старейшина, который и руководит церемонией. Этот момент непосредственно связан с условиями производства. В Центральной Австралии вслед за длительным сухим периодом года, во время которого сильно страдают как животные, так и растения, наступает короткий период дождей, вызывающий быстрый рост животного мира и пышный расцвет растительности. Почти все церемонии, связанные с тотемом, производятся в момент прихода благоприятного времени года. Еще Ратцель считал «смешным недоразумением» мнение, будто австралийцы именуют себя по главнейшим предметам питания¹.

В описанной в кратких чертах системе тотемных групп мы без труда усматриваем развитую организацию общественного производства. Отдельные тотемные группы являются не чем иным, как членами одной широкой системы разделения труда. Все группы вместе образуют упорядоченное, планомерное целое, и каждая группа действует вполне организованно и планомерно под единым руководством. То обстоятельство, что эта система производства выступает в религиозной форме, в форме различных запретов вкушения пищи, церемоний и т. д., доказывает только, что этот производственный план *весьма древнего происхождения* и что эта организация существовала у австралийских негров уже столетия, а, может быть, даже тысячелетия тому назад, так что у ней было достаточно времени, чтобы окаменеть в жестких формулах; таким образом, элементами таинственного культа стало то, что первоначально было

¹ Fr. Ratzel, Völkercunde, 1887, 2. Bd S 64

вызвано простой целесообразностью с точки зрения производства и добывания пищи.

Эта связь фактов, раскрытая англичанами Спенсером и Гилленом, подтверждается также и другим ученым — Фразером, который, например, определенно заявляет: «Мы должны помнить, что различные тотемные группы в тотемистском обществе не изолированы друг от друга; они перемешаны между собой и применяют силу своей магии на общую пользу. В первобытной системе мужчины группы Кенгуру охотились, если мы не ошибаемся, за кенгуру в одинаковой степени в пользу других групп, как и своей, и то же самое наблюдалось у группы Гусениц, группы Сокола и остальных. При новой системе, принявшей уже религиозные формы, при которых мужчинам было запрещено убивать и есть тотемных животных, мужчины группы Кенгуру продолжают разводить кенгуру, но уже не для собственного пользования. Группа Эму продолжает заниматься разведением эму, хотя уже сама не имеет больше права питаться этим мясом; мужчины группы Гусеницы продолжают кудесничать в целях прироста гусениц, хотя это лакомство предназначается для чужих желудков». Одним словом, то, что в настоящее время является системой культа, было в древнейшее время просто системой организованного общественного производства и самого широкого разделения труда.

Перейдем теперь к распределению продуктов у австралийских негров. Мы здесь наталкиваемся на, пожалуй, еще более детализированную и сложную систему. Каждый убитый на охоте зверь, каждое найденное яйцо, каждая горсть фруктов представляется для потребления по определенным правилам и по установленному плану тем или другим членам общества. Так, вся растительная пища, собранная женщинами, принадлежит им и их детям. Охотничья добыча мужчин распределяется по правилам, различным в каждом племени, но детально разработанным у каждого из них. Так, например, английский ученый Хоуитт, изучавший быт племен, живущих в юго-восточной Австралии, главным образом в провинции Виктория, нашел у них следующий способ распределения:

«Какой-нибудь мужчина убивает кенгуру в некотором расстоянии от становища. Его сопровождают двое

других мужчин, не успевших, однако, помочь ему в убиении этого зверя. Расстояние от становища довольно значительно, поэтому приходится, прежде чем отнести кенгуру к жилью, зажарить его. Первый мужчина разводит огонь, а двое других разрезают животное, все трое жарят внутренности и съедают их. Распределение производится следующим путем: мужчины № 2 и 3 получают одно бедро, хвост и второе бедро с боковым куском, потому что они присутствовали на охоте и помогали при свежевании. Мужчина № 1 оставляет себе все остальное и уносит его в становище. Голову и спину его жена относит к своим родителям, остальное получают родители мужа. Если у него самого нет мяса, он оставляет немного для себя, но если у него есть, например, опосум, то он отдает все. Если его мать наловила рыбы, то она уделяет ему немного из своего улова; или ему дают что-либо родители жены; так же точно они уделяют ему кое-что и на следующее утро. Дети всегда снабжаются в достаточном количестве старшими»¹.

В одном племени действуют следующие правила: охотник, убивший, например, кенгуру, получает кусок бедра, его отец — кусок спины, ребра, плечи и голову, мать — правое бедро, младший брат — левую переднюю ногу, старшая сестра — кусок вдоль спины, младшая сестра — правую переднюю ногу. Отец передает дальше своим родителям хвост и кусок спины, мать передает своим родителям часть бедра и ключицу. Из медведя сам охотник получает ребра левой стороны, отец — заднюю правую ногу, мать — левую, старший брат — правую переднюю ногу, а младший — левую. Старшая сестра получает спину, а младшая — печень. Правые ребра принадлежат брату отца, один бок — дяде со стороны матери, а голова идет в лагерь молодых людей.

У другого же племени собранная пища всегда распределяется между всеми присутствующими. Если, например, убивается валлаби (мелкая разновидность кенгуру) и, если, например, при этом присутствуют 10 или 12 человек, то каждый получает по куску. Никто не осмеливается прикоснуться к животному или к части его, прежде чем

¹ *Somlo* nach Howitt, S. 42 (Зомло по Ховитту, стр. 42. — *Ред.*).

охотник не вручит ему его часть. Если случайно охотник, убивший зверя, отсутствует во время варки, то никто не прикасается к нему, пока он не вернется и не распределит добычи. Женщины получают куски равной величины с мужчинами, о детях же заботятся одинаково мужчины и женщины¹.

Древность происхождения этих разнообразных способов распределения, различных в каждом племени, сказывается в том, что им свойственен ритуальный характер и что они сопровождаются определенными заклинаниями². В этом находит свое выражение традиция, насчитывающая, может быть, тысячелетия, которая воспринимается каждым поколением как завет, как нерушимое правило и исполняется весьма строго. Эта система обнаруживает вполне ясно два обстоятельства. Она показывает прежде всего, что у австралийских негров, у этой, вероятно, самой отсталой части человеческого рода, не только производство, но и потребление организовано планомерно, как общественное дело и, во-вторых, что этот план отчетливо предусматривает снабжение и обеспечение всех членов общества в соответствии с потребностью в пище и работоспособностью: во всех случаях на первом плане стоит забота о стариках, которые вместе с матерями в свою очередь заботятся о малых детях. Таким образом, вся хозяйственная жизнь австралийцев — производство, разделение труда, распределение предметов питания — строжайшим образом планомерно организована и уложена в твердые правила с древнейших времен.

От Австралии перейдем к Северной Америке. Здесь, на западе, на острове Тибурон в Калифорнийском заливе и на узкой прибрежной полосе материка, живут немногочисленные остатки индейцев, представляющие особый интерес благодаря их полной оторванности от остального мира, с которым они находятся во враждебных отношениях. Благодаря этому их древние обычаи сохранились в полной неприкосновенности и по настоящее время.

В 1895 г. ученые Соединенных Штатов предприняли экспедицию для изучения этого племени, и результаты этого исследования опубликованы американцем Мак Ги

¹ *Somlo nach Howitt*, S. 43 (Зомло по Ховитту, стр. 43. — *Ред.*).

² *Ratzel*, *Völkerkunde*, 1894, I, I. Bd., S. 333.

(Мас Gee). Племя индейцев сери (Seri) — так называется этот немногочисленный народец — распадается на 4 группы; каждая из них именуется по какому-нибудь животному. Наиболее значительными являются группы Пеликана и Черепахи. Обычаи, нравы и правила этих групп в отношении к их животным — тотемам — сохраняются ими в строгой тайне, так что выяснить их было очень трудно. Но когда мы затем узнаем, что пища этих индейцев состоит главным образом из мяса пеликанов, черепах, рыбы и других морских животных, и если мы при этом вспомним об изложенной нами системе тотемных групп у австралийских негров, то мы вправе с достаточным основанием принять, что и у индейских соседей Калифорнии таинственный культ тотемного животного и деление племени на соответствующие группы есть ни что иное, как пережиток древней, строго организованной системы производства с разделением труда, застывшего в религиозных символах. В этом убеждении нас подкрепляет, например, то обстоятельство, что высшим духом-хранителем индейцев сери является пеликан; но эта птица в то же время является и основой хозяйственной жизни названного племени. Пеликанье мясо является основной пищей; кожа пеликана применяется для изготовления платья, постели, для выделки щитов и является главнейшим предметом обмена с чужими племенами. Основной вид труда племени сери — охота — регламентирован и по сей день самым строгим образом. Так, например, охота на пеликана является хорошо организованным общественным предприятием, имеющим, «по меньшей мере, полумонашеский характер». Охота на пеликана разрешается лишь в определенные периоды, с тем чтобы шадить эту птицу во время высиживания яиц в целях сохранения молодняка. «За убоем (массовый убой этих неуклюжих животных не представляет никаких затруднений) следует массовое пожирание их, во время которого еде живые от голода семьи в шумном пире поглощают во тьме более мягкие части, пока их не охватывает сон. На следующий день женщины разыскивают трупы тех птиц, оперение которых пострадало менее значительно, и осторожно снимают с них кожу».

Празднество длится много дней, сопровождаемое различными церемониями. Это «массовое пожирание»

и «поглощение пищи во тьме», да еще сопровождаемое шумом, которое профессор Бюхер, наверно, заклеимил бы как «животность», протекает в действительности — и церемониальный характер этих обычаев служит тому подтверждением — вполне организованно. С планомерностью охоты связаны строгие правила распределения и потребления. Совместная еда и питье совершаются в определенной последовательности: впереди шествует вождь (он же и руководитель охоты), затем остальные охотники по возрасту, затем выступает самая старшая женщина, за ней ее дочери по возрасту, наконец все дети следуют по возрасту, причем девушки пользуются, особенно если они приближаются к периоду зрелости, известными преимуществами благодаря снисходительности со стороны женщин. «Каждый член семьи или рода имеет право на нужную ему пищу и платье и каждый другой член этой группы обязан заботиться, чтобы эти нужды были удовлетворяемы. Размеры этих обязанностей зависят часто от соседства, начинаясь у ближайших соседей, главным же образом они определяются рангом и ответственностью, которую несет в группе данное лицо (что обычно соответствует возрасту). Лицо, занимающее в трапезе первое место, обязано позаботиться о том, чтобы стоящие ниже его не были обделены, и эта обязанность передается дальше с таким расчетом, чтобы не остались без внимания беспомощные дети»¹.

В отношении *Южной Америки* мы имеем свидетельство профессора Штейнена о диком индейском племени борорó в Бразилии. И здесь господствует прежде всего типичное разделение труда: женщины добывают растительную пищу, разыскивают при помощи заостренной палки корни, взлезают с большой ловкостью на пальмы, собирают орехи, срезают с верхушек деревьев молодую зелень, ищут фрукты и т. п. Они готовят растительную пищу и выделывают горшки. Вернувшись домой, они отдают мужчинам плоды и получают от них то, что остается от мяса. Распределение и потребление строго урегулированы.

«Если этикет не разрешал борорó устраивать общие

¹ *Somlo nach Mac Gee, S. 128* (Зомло по Мак Ги, стр. 128. — Ред.).

трапезы, то у них, — говорит ф. д. Штейнен, — зато существовали другие своеобразные обычаи, ясно показывающие, что племена, у которых охотничья добыча ограничена, изыскивают пути и способы для устранения споров и раздоров при распределении. Так, мы встречаемся раньше всего с замечательным правилом: *никто не жаривает сам той дичи, которую он убил, а передает ее для жарения другим!* Такие же мудрые правила существуют для дорогих шкур и зубов. Если удастся убить ягуара, то устраивается большое празднество; мясо съедается, но шкура и зубы *достаются не самому охотнику, а ближайшему родственнику того индейца или индианки, которые умерли последними до этого события.* Охотнику оказывают *почести*, каждый подносит ему перья ара́ра (самое ценное украшение этого племени), и ему дарится разукрашенный лук. Важнейшие же обряды, предупреждающие недовольство и ссоры проводятся теми, кто исполняет обязанности *врача* (знахаря)» или, как в таких случаях говорят европейцы, колдуна или жреца. Он должен присутствовать при всяком убиении какого-либо животного; всякое разделение и потребление пищи, животной или растительной, разрешается лишь после выполнения им известных церемоний. Охота производится по указаниям и под руководством вождя. Юноши и неженатые мужчины живут коллективно в «мужском доме», где они совместно работают, мастерят оружие, инструменты и украшения, прядут, устраивают борьбу и едят все вместе, соблюдая очень строгий порядок, как мы уже упомянули выше. «Большим несчастьем является для семьи, — сообщает ф. д. Штейнен, — если кто-либо из ее членов *умирает*, ибо все то, чем пользовался умерший, сжигается, бросается в реку или убирается в корзины для костей, для того чтобы покойник ни в коем случае не захотел вернуться. Хижина, таким образом, совершенно опустошается. Ближайшие родственники получают в подарок обновы, для них изготавливаются лук и стрелы, и, кроме того, обычай требует, что если после этого будет убит ягуар, шкура переходит к брату *последней умершей до этого женщины или к дяде последнего умершего до этого мужчины*»¹. Таким образом в производстве, как и

¹ V. d. Steinen, Unter den Naturvölkern Brasiliens, S. 378—389.

в распределении, существует вполне определенный план и общественная организация.

Если мы спустимся по американскому матерiku к самой южной его окраине, то мы найдем здесь один из наиболее близко стоящих к природе народов, обитателей Огненной Земли, жителей неприветливых островов, лежащих у южной части Южной Америки, первые сведения о которых впервые проникли к нам в XVII столетии. В 1698 г. по инициативе французских пиратов, долгие годы занимавшихся своим ремеслом в южном океане, французским правительством была отправлена туда экспедиция. Один из участников экспедиции, инженер, оставил после себя дневник, в котором мы читаем следующие скудные данные о жизни обитателей Огненной Земли:

Каждая семья, т. е. отец, мать и неженатые дети, имеет свою пирогу (лодку из древесной коры), в которой они сохраняют все им необходимое. Они укладываются спать там, где их застает ночь. Если нет готового шалаша, они тут же его изготавливают. Посреди шалаша они разводят небольшой огонь и укладываются вокруг вперемежку на траве. Почувствовав голод, они жарят раковины, которые старейшина распределяет между всеми поровну. Главное занятие мужчины и его обязанность состоит в изготовлении шалаша, в охоте и в рыбной ловле, женщины же заботятся о лодках и собирают раковины... За китом они охотятся таким образом: идут в море на пяти или шести лодках и, найдя его, преследуют, мечут в него гарпуны, острия которых весьма искусно изготовлены из костей или камней... Если им удастся убить зверя или птицу, наловить рыбы или собрать раковины, что составляет их обычную пищу, они делят добычу между всеми семьями, ибо почти все их пищевые продукты являются общей собственностью¹.

От Америки перейдем к Азии. Английский исследователь Э. Мэн (E. H. Man), проводивший 11 лет на группе Андамских островов (в Бенгальском заливе), сообщает

¹ «Bericht von der 8. Sitzung des Internationalen Kongresses der Amerikanisten in Paris 1890», erstattet von M. G. Marcel, Paris, 1892, S. 491.

о карликовых племенах *минкопи*, на основании собранного им солидного материала, следующее:

Минкопи распадаются на девять племен, а каждое племя — на большое число мелких групп — от 30 до 50, а иногда и до 300 человек. Каждая такая группа имеет своего вождя. Все племя также имеет вождя, которому подчинены вожди отдельных групп. Но его власть весьма ограничена: она сводится главным образом к организации собраний, из всех групп, принадлежащих к его племени; он руководит охотой, рыбной ловлей и передвижением и разбирает споры. Работа в пределах каждой группы ведется коллективно на основе разделения труда между мужчинами и женщинами. Мужчины заняты охотой, рыболовством, добывают мед, изготавливают лодки, луки и стрелы и другие орудия; женщины запасают дрова, воду и растительную пищу, выделывают украшения, готовят пищу. Мужчины и женщины, остающиеся дома, обязаны смотреть за детьми, стариками и больными и поддерживать огонь в хижинах. Каждый трудоспособный человек обязан работать для себя и для группы. Кроме того, все заботятся о том, чтобы всегда имелся некоторый запас пищи для того, чтобы можно было угостить пришедших откуда-нибудь друзей. Малые дети, слабые и старики являются предметом всеобщего внимания, и их повседневные потребности удовлетворяются еще лучше, чем потребности других членов группы.

Для принятия пищи существуют определенные правила. Женатый мужчина вправе кушать только вместе с другими женатыми мужчинами или с холостяками и ни в коем случае с женщинами, не входящими в его хозяйство, разве только если он достиг преклонного возраста. Неженатые имеют свои особые трапезы — юноши отдельно от девушек.

Приготовление пищи является обычно обязанностью женщин, которую они выполняют в отсутствии мужчин. Но если они чрезмерно заняты по раздобыванию дров и воды, как, например, во время праздников или особенно большой охоты, то приготовлением пищи занят кто-либо из мужчин, который распределяет ее среди присутствующих, когда еда готова наполовину, предоставляя им дальнейшее приготовление на отдельных кострах. Если при этом присутствует вождь, то он получает пер-

вую, львиную долю, затем идут мужчины, за ними женщины и дети. То, что остается, принадлежит распределяющему.

При изготовлении оружия, утвари и других предметов минкопи обнаруживают замечательное усердие и большую настойчивость; так, они могут часами тщательно обрабатывать каменным топором кусок железа, чтобы сделать из него острие стрелы или копья, или проводят много времени за исправлением формы лука. Они предаются этим занятиям даже тогда, когда ни в данное время, ни в близком будущем в этом нет никакой надобности, которая заставляла бы их трудиться. Чувства стяжания у них не заметно, так как они часто дарят (конечно, это только европейское, могущее ввести в заблуждение, выражение для «распределения») лучшее из того, чем они обладают, и отнюдь не оставляют для собственного пользования лучшие вещи и меньше всего изготавливают их для себя¹.

Вышеприведенные примеры мы закончим картинкой из жизни дикарей в Африке. Здесь малорослые *бушмены* пустыни Калахари представляют из себя, как принято думать, образец *максимальной отсталости и наиболее низкого состояния* человеческой культуры. О бушменах сообщают нам единогласно немецкие, французские и английские исследователи, что они живут группами (ордами), в которых хозяйственная жизнь ведется сообща. В их небольших союзах господствует полное равенство и по отношению к съестным припасам, оружию и т. п. Средства питания, которые они находят в своих странствованиях, собираются в мешки, опоражниваемые в становищах.

«Здесь, — рассказывает немецкий путешественник Пассарг, — выясняются результаты дневной добычи: корни, клубни, фрукты, гусеницы, птица-носорог, гигантские лягушки, черепахи, кузнечики, даже змеи и игуаны». Добыча делится затем между всеми. «Систематический сбор растительной пищи, как, например, фруктов, корней, клубней и т. д., а также охота за мелкими зверями лежат на обязанности женщин. Они должны снабжать орду пищей этого рода, в чем им помогают

¹ *Somlo nach Man*, S. 96—99 (Зомло по Мэну, стр. 96—99. *Ред.*)

дети. Мужчины также приносят кое-что из того, что им попадается на пути; однако эта работа является для них побочной. Обязанностью мужчин является раньше всего охота». Охотничья добыча съедается ордой сообща. Забредшим бушменам из дружественных орд оказывается гостеприимство, и им предоставляется место у огня. Пассарг — в качестве доброго европейца, вооруженного духовными очками буржуазного общества, — усматривает даже в «чрезмерной добродетельности», с которой бушмены делятся между собой даже последними остатками, причину их невосприимчивости к культуре!¹

Таким образом оказывается, что первобытные народы и как раз наиболее далекие от оседлости и земледелия, находящиеся в самом начале длинной цепи хозяйственного развития, представляют собой, — поскольку они нам известны на основании непосредственных наблюдений, — совершенно иную картину отношений, чем та, которая дана в схеме г. Гроссе. Не «раздробленность» и не «отдельное хозяйство», а строго регулируемые хозяйственные союзы с типичными чертами коммунистической организации — вот что мы находим повсюду. Это относится к «низшим охотникам». Что же касается «высших охотников», то вполне достаточно картины родового хозяйства у ирокезов, подробно описанной Морганом. Но и скотоводы дают достаточно материала для того, чтобы установить ложность смелых утверждений Гроссе².

Земледельческие общинные союзы являются таким образом не единственной, но только самой развитой, не первой, но последней по времени, первобытнокоммунистической организацией, с которой приходится иметь дело истории хозяйства. Они сами являются продуктом не сельского хозяйства, а неизмеримо долго существовавших коммунистических традиций, возникших в обстановке родовых организаций и приспособленных затем к сельскому хозяйству; здесь коммунизм достиг своего апогея, который и ускорил его падение. Мы ви-

¹ *Somlo nach Man*, S. 116 (Зомло по Мэну стр 116). — *Ред.*

² Замечание в рукописи в карандаше. Но перуанцы, по-видимому, не кочевники. Арабы, кабилы, киргизы, якуты Кауфман. Примеры из Лавелэ!

дим, что факты отнюдь не подтверждают схемы Гроссе. На вопрос, как объяснить этот замечательный феномен коммунизма, неожиданно появляющийся в истории хозяйства, чтобы сейчас же снова исчезнуть, г. Гроссе отвечает одним из своих глубокомысленных «материалистических» объяснений: «Мы видели, что род у низших земледельцев потому главным образом получил значительно большую прочность и силу, чем у народов других форм культуры, что здесь он выступает прежде всего как общинная организация жилищ, имуществ и хозяйств. Но то обстоятельство, что он здесь развился именно в такую форму, объясняется опять-таки характером низшего земледельческого хозяйства, которое соединяет людей, в то время как охота и скотоводство их разъединяют» (стр. 158). Итак, пространственное «объединение» или «разъединение» людей в работе определяют, господствует ли коммунизм или частная собственность. Жаль, что г. Гроссе позабыл объяснить, почему леса и луга, в которых легче всего «разъединиться», дольше всего в целом ряде мест остались и по настоящий день коллективной собственностью, в то время как пахотные нивы, на которых происходит «объединение», раньше всего перешли в частную собственность. И далее, почему та форма производства, которая по сравнению со всей историей хозяйства больше всего способствует «объединению» людей, — современная крупная промышленность — вызвала не коллективизм владения, а самую яркую форму частной собственности — капиталистическую.

«Материализм» Гроссе снова доказывает здесь, что разговоров о «производстве» и его значении для жизни всего общества недостаточно, чтобы материалистически понять историю, что без своей второй стороны — идеи революционного развития — исторический материализм становится весьма примитивным, неуклюжим костылем, в то время как у Маркса он явился гениальным взлетом исследовательского ума.

Прежде всего становится ясно, что г. Гроссе, так много говорящий о производстве и его формах, не разбирается в основном понятии — в понятии производственных отношений. Мы уже видели, что под формами производства он понимает такие чисто внешние категории, как охота, скотоводство и земледелие. И вот для

того, чтобы разрешить в пределах каждой такой «формы производства» вопрос о форме собственности, т. е. вопрос, существует ли в ней коллективная, семейная или частная собственность и кому эта собственность принадлежит, он устанавливает различие между такими категориями, как «земельная» собственность, с одной стороны, и «движимое имущество» — с другой. Если он находит, что они принадлежат различным собственникам, то он ставит вопрос, что «значительнее»: «движимое имущество» или недвижимое — земельная собственность. То, что г. Гроссе кажется более «значительным», то он признает решающим для формы собственности данного общества. Так он, например, решает, что у высших охотников «движимое имущество» приобрело уже такое большое значение, что оно стало важнее, чем *земельная* собственность, и так как движимое имущество, как и предметы питания, является частной собственностью, то г. Гроссе здесь не усматривает коммунистического хозяйства, несмотря на ясно выраженное коллективное владение землей.

Это различие, основывающееся на таких чисто внешних признаках, как движимое и недвижимое имущество, не имеет никакого смысла для производства; оно столь же легковесно, как и различие у Гроссе форм семьи по господству мужчины или женщины, или форм производства — по признаку разъединения или объединения. Так, «движимое имущество», например, может состоять из предметов питания или из сырья, украшений и предметов культа или из орудий. Оно может предназначаться для собственного потребления общества или для обмена. В зависимости от всего этого его значение будет совершенно различным для производственных отношений. Вообще же Гроссе судит об отношениях производства и собственности у народов — и в этом отношении он является типичным представителем современной буржуазной науки — по средствам питания и предметам потребления в широком смысле слова. И если он находит, что предметы потребления переходят к отдельным индивидуумам и ими потребляются, то

для него является доказанным господство у данного народа индивидуальной собственности. Это есть типичный способ современного «научного» опровержения

первобытного коммунизма¹. Если положить в основу этот глубокомысленный критерий, то распространенные на Востоке общины нищих, складывающие полученную членами общины милостыню в общий котел для совместного прокормления, или шайка воров, коллективно наслаждающихся награбленным добром, являются «коммунистическим хозяйственным сообществом» чистой воды. Наоборот, марка, община, владеющая коллективно землей и коллективно ее обрабатывающая, но распределяющая урожай по семьям — каждой семье в соответствии с обработанным ею участком — будет считаться «хозяйственным сообществом в весьма условном смысле». Одним словом, решающим моментом при определении характера производства будет, согласно этому пониманию, право собственности на средства потребления, а не на средства производства, т. е. условия потребления, а не производства. Здесь мы подошли к самому основному пункту экономического познания, имеющему решающее значение для понимания всей истории хозяйства. Предоставим г. Гроссе его судьбе и перейдем к рассмотрению этого вопроса в общем виде.

IV

Тот, кто приступает к изучению истории народного хозяйства, кто хочет ознакомиться с различными формами, какие принимают экономические отношения общества в своем историческом развитии, должен прежде всего уяснить себе, каким элементом экономических отношений он должен пользоваться как оселком и как масштабом этого развития. Для того чтобы разобраться во всей массе явлений в какой-либо определенной области и, в особенности, чтобы установить их историческую последовательность, необходимо иметь ясное представление о том моменте, который является как бы внутренней осью, вокруг которой вращаются все другие явления. Так, Морган в качестве масштаба для истории культуры и критерия для определения степени ее развития в каждый данный момент взял вполне определенный признак: развитие техники производства. Он таким

¹ Somló.

образом добрался, можно сказать, до корней культурного бытия человечества. Для наших целей, для изучения истории хозяйства масштаб Моргана недостаточен. Техника общественного труда точно указывает нам достигнутую в данный момент ступень овладения человеком внешней природой. Каждый новый шаг по пути усовершенствования производственной техники есть в то же самое время шаг вперед по пути подчинения человеческому гению физической природы и, следовательно, шаг вперед в развитии общечеловеческой культуры. Но если мы хотим специально исследовать формы производства человеческого общества, то для нас недостаточно знать отношение человека к природе; в этом случае нас интересует в первую очередь другая сторона человеческого труда: отношения, в которые люди вступают в процессе труда между собой, т. е. нас интересует не техника производства, а его общественная организация.

Весьма характерно для уровня культуры какого-нибудь первобытного народа, когда мы узнаем, что этот народ знает гончарное ремесло и занимается им. Морган принимает этот крупный прогресс в технике как веху, знаменующую собой начало нового периода культуры, характеризующую переход от дикого состояния к варварству. Однако на основании указанного факта мы еще мало можем судить о формах производства данного народа. Для этого нам следовало бы еще выяснить целый ряд обстоятельств, как, например, кто именно занимается в данном обществе гончарным ремеслом — все ли члены или только часть, например один пол — женщины; производятся ли горшки только для собственного потребления данной общественной группы, например деревни, или для обмена с другими, поступают ли изготовленные изделия только в обиход самого работника, или же все изделия идут на пользу всех членов группы. Мы видим, что характер форм производства какого-либо общества определяется самыми разнообразными общественными отношениями: разделением труда, распределением продуктов между потребителями, обменом. Но все эти стороны хозяйственной жизни сами определяются другим решающим фактором — производством. Что распределение продуктов производства, как и их обмен, само является следствием чего-то

другого, ясно с первого взгляда. Для того чтобы можно было распределить продукты между потребителями или обменять их, они прежде всего должны быть изготовлены. Следовательно, само производство является первым и важнейшим моментом хозяйственной жизни общества.

В процессе же производства решающим является отношение работающих к средствам производства. Каждая работа нуждается в определенном сырье, определенном месте работы и затем в определенных орудиях. Мы уже знаем, какое большое значение в жизни человеческого общества имеют орудия труда и их изготовление. Для того чтобы с помощью этих орудий и других мертвых средств производства выполнить определенную работу и для того чтобы изготовить необходимые для жизни общества предметы потребления в самом широком смысле, нужна еще человеческая рабочая сила. И именно отношение работающего человека к средствам производства является основным вопросом производства и решающим его фактором. Мы имеем в виду не *техническое* отношение, не большую или меньшую степень совершенства средств производства, которыми работает человек, и не приемы, к которым прибегает человек при работе. Мы имеем в виду *общественное* отношение человеческой рабочей силы к мертвым средствам производства, вопрос о том, *кому принадлежат средства производства*. На протяжении истории это отношение многократно менялось. Но всякий раз при этом менялся и весь характер производства, характер разделения труда и распределение продуктов, направление и размеры обмена, и, наконец, вся материальная и духовная жизнь общества. Все это находится в зависимости от того, владеют ли работающие коллективно или индивидуально своими средствами производства, или они лишены их вообще; являются ли они сами вместе со средствами производства таким же средством производства, собственностью неработающих, прикреплены ли они, как крепостные, к средствам производства, или же они являются свободными людьми, лишенными средств производства, вынужденными продавать свою рабочую силу как средство производства в зависимости от того, живут ли они в условиях коммунистического или мелкокрестьянского и ремесленного

производства, или рабовладельческого хозяйства, или в условиях крепостного хозяйства, или, наконец, в условиях капиталистического хозяйства с системой наемного труда. Каждой из этих форм хозяйства присущи свои особые формы разделения труда, распределения продуктов, обмена, социальной, правовой и духовной жизни. В экономической истории человечества достаточно коренного изменения в отношениях между работниками и средствами производства, чтобы всякий раз радикально менялись и все другие стороны хозяйственной, политической и духовной жизни, чтобы возникало совершенно новое общество. Правда, между всеми этими сторонами экономической жизни общества существует непрерывное взаимодействие. Не только отношение рабочей силы к средствам производства влияет на разделение труда, на распределение продуктов, на обмен, но и эти последние воздействуют с своей стороны на это производственное отношение. Однако характер влияния в обоих случаях различен. Господствующие на каждой ступени хозяйства формы разделения труда, распределения благ и, в частности, обмен могут до известной степени разрушающе действовать на отношение между рабочей силой и средствами производства, из которого они сами выросли. Их форма меняется лишь тогда, когда в изживших себя отношениях между рабочей силой и средствами производства произошел коренной переворот, разыгралась настоящая революция. Таким образом, перевороты в отношениях между рабочей силой и средствами производства и являются основными вехами на пути истории хозяйственной жизни, они образуют естественные эпохи в экономическом развитии человеческого общества.

Насколько важно для понимания истории хозяйства выяснить в ней самое существенное, отделив его от второстепенного, показывает проверка того деления хозяйственной истории на периоды, которое является в настоящее время самой популярной и наиболее признанной схемой буржуазной политической экономии в Германии. Мы имеем в виду схему профессора Бюхера. В своем «Возникновении народного хозяйства» профессор Бюхер объясняет, насколько важно для понимания истории хозяйства правильное деление ее на эпохи. По своей привычке он не просто приступает к вопросу,

с тем чтобы представить нам плоды своего положительного исследования, а предварительно подготавливает к достойной оценке своего труда, самодовольно объясняя, как ошибались все его предшественники.

«Первый вопрос, — говорит он, — на который должен ответить экономист, желающий уяснить себе хозяйство народа в весьма отдаленную эпоху, заключается в следующем: есть ли это хозяйство *народное* хозяйство? Однородны ли его явления с явлениями нашего современного менового хозяйства или же они существенно различны? Вопрос этот может быть решен лишь в том случае, если к экономическим явлениям прошлого будут приложены те же методы исследования — расчленения понятий и психологически изолирующей дедукции, — которые так блестяще оправдали себя в приложении к современному хозяйству в руках представителей старой «абстрактной» политической экономии.

Мы не можем не упрекнуть новую «историческую» школу в том, что она, вместо того чтобы такого рода исследованиями проникнуть в сущность прошлых эпох хозяйственной жизни, не задумавшись, переносила на это прошлое обычные абстрактные категории, взятые из явлений современного *народного* хозяйства, либо делала понятия, относящиеся к меновому хозяйству, столь растяжимыми, что они, худо ли, хорошо ли, в конце концов казались применимыми ко всем прошедшим хозяйственным эпохам... Едва ли не наиболее ярко это выступает наружу в том, что отличает современное хозяйство культурных народов от хозяйства прошедших эпох или хозяйства нецивилизованных народов. Это делается установлением так называемых *ступеней развития*, в обозначении которых выражены основные черты хозяйственной эволюции... Все прежние попытки такого рода страдали тем недостатком, что они не углублялись в сущность вещей, а оставались на поверхности»¹.

Какую же классификацию истории народного хозяйства предлагает сам профессор Бюхер? Послушаем.

«Объединяющей точкой зрения, которая дала бы нам возможность уразуметь все это развитие как единое целое только и может быть такая точка зрения,

¹ *Bücher, Entstehung der Volkswirtschaft*, S. 54. См. русский перевод К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, стр. 68—69. — *Ред.*

которая способна ввести нас в самое существо явлений народного хозяйства и в то же время раскрыть нам характерные особенности прошлых эпох хозяйственной жизни. Таким исходным положением является не что иное, как отношение между производством предметов и их потреблением, определяемое длиной того пути, который должен пройти предмет от производителя к потребителю. С этой точки зрения все экономическое развитие — по крайней мере народов Средней и Западной Европы, поскольку оно доступно историческому исследованию, — может быть разделено на три ступени:

1. *Ступень замкнутого домашнего хозяйства* (производство для собственного потребления в его чистой форме, хозяйство без обмена): предметы потребления в том же хозяйстве, в каком они произведены.

2. *Ступень городского хозяйства* (производство на потребителя или ступень непосредственного обмена): предметы из производящего хозяйства непосредственно поступают в потребляющее хозяйство.

3. *Ступень народного хозяйства* (товарное производство, ступень товарного обмена): предметы, как правило, проходят через целый ряд хозяйств, прежде чем они доходят до потребителя»¹.

Эта схема истории хозяйства интересна раньше всего с точки зрения того, что в ней *не* заключается. У профессора Бюхера история хозяйства начинается с общины европейских культурных народов, т. е. с эпохи высшего земледелия. Весь длившийся тысячелетия период первобытных производственных отношений, предшествовавший высшему земледелию, с господством условий, в которых и по сию пору живут многие племена, Бюхер, как мы знаем, характеризует как период «отсутствия хозяйства», как период его знаменитых «индивидуальных поисков пищи» и «отсутствия труда». Таким образом, профессор Бюхер начинает историю хозяйства с той поздней формы первобытного коммунизма, в которой с переходом к оседлости и высшему земледелию начинаются уже неизбежное разложение и переход к неравенству, эксплуатации и классовому обществу. Гроссе отрицает существование коммунизма на протяжении

¹ *Bucher, Entstehung der Volkswirtschaft, S. 58* См. русский перевод К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, стр. 71. — *Ред.*

всего периода развития, предшествовавшего земледельческой общине, Бюхер вообще вычеркивает этот период из истории хозяйства.

Вторая ступень — замкнутое «городское хозяйство» — является другим замечательным открытием, которым мы обязаны, как сказал бы Шурц, «гениальному взору» лейпцигского профессора. Если «замкнутое домашнее хозяйство», например хозяйство какой-нибудь марки, характеризовалось тем, что оно включало в себя круг лиц, удовлетворявших все свои экономические потребности в пределах этого домашнего хозяйства, то в средневековом городе Центральной и Западной Европы — ибо только их имеет в виду Бюхер, говоря о «городском хозяйстве», — дело обстояло как раз наоборот. В средневековом городе не существует какого-либо общего «хозяйства», но, — придерживаясь жаргона профессора Бюхера, — столько «хозяйств», сколько было мастерских и домашних хозяйств цеховых ремесленников, из которых каждый — хотя и на основе общих цеховых и городских правил — производил, продавал и потреблял самостоятельно. Да и вообще средневековый германский или французский цеховой город не представлял собою «замкнутого» хозяйственного района, так как все его существование основывалось как раз на взаимном обмене с деревней, от которой он получал средства питания и сырье и для которой он производил свои изделия. Бюхер конструирует вокруг каждого города замкнутое сельскохозяйственное кольцо, которое он включает в свое «городское хозяйство», в своих удобствах сводя обмен между городом и деревней к обмену с *крестьянством* только данной округи. Усадьбы богатых феодалов, представлявшие собой лучшую клиентуру городской торговли и находившиеся частично вне города, частично же в нем самом, в особенности в королевских и епископских городах, и образовывавшие в последнем случае самостоятельную хозяйственную область, он оставляет без всякого внимания; точно так же он игнорирует внешнюю торговлю, оказывавшую громадное влияние на средневековые хозяйственные отношения и в особенности на судьбы городов. Что действительно характерно для средневековых городов, то, что они были центрами *товарного производства*, которое здесь впервые стало господствующей

формой производства, хотя и на ограниченной территории, этого профессор Бюхер не замечает. Наоборот, у него товарное производство начинается только в период «народного хозяйства». Как известно, буржуазная политическая экономия применяет эту фикцию для наименования современной капиталистической хозяйственной системы, т. е. той «ступени» хозяйственной жизни, для которой характерно именно не товарное производство, а капиталистическое. Гроссе называет товарное производство просто «индустрией»; зато профессор Бюхер превращает индустрию просто в «товарное производство» для того, чтобы доказать превосходство профессора политической экономии над простым социологом.

Перейдем, однако, от этих второстепенных вещей к основному вопросу. Профессор Бюхер устанавливает в качестве первой «ступени» своей истории хозяйства «замкнутое домашнее хозяйство». Что понимает он под этим? Мы уже упомянули, что эта ступень берет свое начало в земледельческой деревенской общине. Но кроме первобытной марки, профессор Бюхер причисляет к ступени «замкнутого домашнего хозяйства» еще другие исторические формы, в частности античное рабовладельческое хозяйство греков и римлян и средневековое феодальное поместье. Вся история хозяйства культурного человечества от седой старины, включая классическую древность и все средневековье, до самого порога нового времени оказывается объединенной в одну «ступень» производства, за которой следует средневековый европейский цеховой город в качестве второй ступени и современное капиталистическое хозяйство в качестве третьей. В истории хозяйства профессора Бюхера выстроены в одну линию в качестве одной и той же «ступени хозяйства» коммунистическая деревенская община, влачащая свое тихое существование в какой-нибудь горной долине Пенджаба в Индии, домашний быт Перикла в период блестящего расцвета афинской культуры и феодальное поместье епископа бамбергского в эпоху средневековья. Но любой ребенок, усвоивший себе некоторые поверхностные сведения из школьных учебников истории, поймет, что здесь в одну кучу свалены различные отношения, коренным образом друг от друга отличающиеся. Там, в комму-

нистических аграрных общинах господствует всеобщее имущественное и правовое равенство крестьянской массы; сословные различия либо отсутствуют, либо находятся в самом зачаточном виде; здесь, в древней Греции и Риме, как в феодальной средневековой Европе, — резко выраженное разделение общества на сословия, на свободных и рабов, господ и подневольных, привилегированных и бесправных, богатых и бедных или нищих. Там — всеобщая трудовая повинность, здесь — резкий контраст между поработенной массой трудящихся и господствующим меньшинством неработающих. С другой стороны, между древним рабовладельческим хозяйством греков и римлян и средневековым феодальным хозяйством существовало такое громадное различие, что древнее рабство в последнем счете вызвало закат греко-римской культуры, в то время как средневековый феодализм породил из себя городское цеховое ремесло с городской торговлей и таким образом в последнем счете современный капитализм. Таким образом, тот, кто пытается все эти, как небо от земли, отличающиеся друг от друга экономические и социальные формы и исторические эпохи охватить одним понятием, одной схемой, — тот должен применить совсем оригинальный масштаб к хозяйственным эпохам. Какой масштаб применяет профессор Бюхер, конструируя свое «замкнутое домашнее хозяйство», покрытое мраком ночи, когда все кошки серы, это он нам сам разъясняет, приходя самым любезнейшим образом навстречу нашим недоумениям. «Хозяйством без обмена» называется та простирающаяся с начала писаной истории до нового времени первая «ступень», к которой примыкает средневековый город в качестве «ступени непосредственного обмена» и современная хозяйственная система в качестве «ступени товарного обмена». Итак, отсутствие обмена, простой обмен и сложный обмен или проще: отсутствие торговли, простая торговля, развитая мировая торговля — вот тот масштаб, который применяет профессор Бюхер в отношении хозяйственных эпох. Существует ли уже на свете купец или нет, составляет ли он с производителем одно и то же лицо или другое — это главная, основная проблема истории хозяйства. Подарим на один момент профессору его «хозяйство без обмена», которое представляет собою не что иное, как профес-

сорскую химеру, нигде еще на грешной земле не открытую и являющуюся в отношении древней Греции и Рима, так же как в отношении феодального средневековья, начиная с X столетия исторической фантазией поразительной смелости. Но вообще взять в качестве масштаба развития производства не производственные отношения, а отношения обмена, и в купце видеть центр хозяйственной системы и меру всех вещей — даже там, где он еще не существовал, — какие блестящие результаты «расчленения понятий и психологически изолирующей дедукции» и прежде всего какое «проникновение в сущность вещей», которое пренебрегает всяким «барахтаньем на поверхности»! Но не является ли в таком случае старая непритязательная схема «исторической школы» — разделение всей истории хозяйства на три эпохи: «натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство» — значительно лучшей и более близкой к истине, чем претенциозное изделие проф. Бюхера, который морщит нос по поводу «всех прежних попыток такого рода», чтобы затем предпринять им же обруганное «барахтанье на поверхности» обмена и при помощи своего педантичного мудрствования извратить его в абсолютно неверную схему? Но это «барахтанье на поверхности» истории хозяйства отнюдь не является случайностью для буржуазной науки. Одни буржуазные ученые, вроде Фридриха Листа, производят классификацию сообразно с внешним характером главных источников пропитания и устанавливают эпохи охоты, скотоводства, земледелия и ремесла — классификацию, недостаточную даже для истории внешнего быта. Другие, как проф. Гильдебрант, делят историю хозяйства на основании внешних форм обмена на натуральное, денежное и кредитное хозяйство или, как Бюхер, на хозяйство без обмена, на хозяйство с непосредственным обменом и на хозяйство с товарным обменом. Еще другие, как Гроссе, берут в качестве исходного пункта при рассмотрении форм хозяйства распределение благ. Одним словом, буржуазные ученые кладут в основу исторического исследования обмен, распределение, потребление, одним словом, все, но только не общественные формы производства, т. е. именно то, что как раз является решающим в каждую историческую эпоху и что определяет собой каждый раз с логи-

ческой необходимостью обмен и его формы, распределение и потребление в их конкретных проявлениях. Почему же это так происходит? По той же самой причине, которая побуждает их объявлять «народное хозяйство», т. е. капиталистический способ производства, высшей и последней ступенью истории человечества и ставить под сомнение дальнейшее его развитие как мирового хозяйства с таящимися в нем революционными тенденциями. Общественная форма производства, т. е. вопрос об отношении трудящихся к средствам производства, есть коренной пункт всякой хозяйственной эпохи, но он же является и самым уязвимым пунктом всякого классового общества. Отчуждение средств производства из рук трудящихся в той или иной форме является общей основой всякого классового общества, потому что оно является главным условием эксплуатации и классового господства. Стремление отклонить внимание от этого чувствительного места, сконцентрировать его на внешнем и второстепенном всегда обуславливается не столько сознательным желанием буржуазных ученых, сколько инстинктивным отвращением класса, духовно ими представляемого, к опасным плодам с древа познания. И такой весьма прославленный современный профессор, как Бюхер, с его «гениальным взглядом», обнаруживает этот классовый инстинкт, когда он целые грандиозные эпохи, как первобытный коммунизм, рабство, крепостное хозяйство, с совершенно различными типами отношений рабочей силы к средствам производства не обинуясь собирает в маленький ящик своей схемы, в то же время прибегая к обильной казуистике в отношении истории промысла, где он с важным видом педанта разъясняет и рассматривает на свету «домашний труд» (вернее: «домашний пот»), «труд за заработную плату», «ручной труд», «работу на отход» («Storarbeit») и прочий пошлый хлам. И идеологи эксплуатируемых народных масс, первые коммунисты, первые представители социализма, также блуждали впотьмах со своей проповедью равенства людей и висели в воздухе до тех пор, пока они направляли обвинения и свою борьбу главным образом против несправедливого распределения или, как это делали некоторые социалисты в XIX столетии, против современных форм обмена. Лишь после того как лучшие

вожди рабочего класса уяснили себе, что формы распределения и обмена сами зависят от организации производства и что в этой организации решающими являются отношения трудящихся к средствам производства, только тогда социалистические стремления были поставлены на прочное научное основание. И на основе этого целостного понимания истории хозяйства научный подход пролетариата к истории хозяйства отделился от буржуазного подхода, подобно тому как он оторвался от него у порога политической экономии. Если в классовых интересах буржуазии затушевывать коренной пункт истории хозяйства — формы отношений рабочей силы к средствам производства в их историческом развитии, то, наоборот, в интересах пролетариата — выдвигать эти отношения на первый план, делать их масштабом для сравнения экономических структур общества. И для рабочих необходимо не только учитывать исторические вехи, отделяющие первобытное коммунистическое общество от позднейшего классового общества, но также и отличительные признаки различных исторических форм классового общества. Лишь тот, кто отдаст себе ясный отчет в специфических экономических особенностях первобытнокоммунистического общества, а также в особенностях античного рабовладельческого хозяйства и средневекового барщинного хозяйства, тот сможет с полной отчетливостью понять, почему современное капиталистическое классовое общество впервые открывает историческую возможность осуществления социализма и в чем заключается существенное отличие социалистического мирового хозяйства будущего от примитивных коммунистических групп первобытных времен.

3.¹ ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (II)

I

Присмотримся к внутреннему устройству наиболее исследованной общины — германской марки.

Как мы знаем, германцы селились племенами и родами. Внутри данного рода каждый глава семьи получал участок для дома и двора. Часть земли обращалась в пашню, из которой каждая семья получала свою долю. Правда, по свидетельству Цезаря, в начале христианской эры одно германское племя (свэвы или швабы) обрабатывало землю сообща, не распределяя ее между семьями, но во II в., во времена римского историка Тацита, ежегодное перераспределение участков стало обычным явлением. В отдельных районах, как, например, в общине Фрикхофен в Нассау, ежегодный передел был обычным явлением еще в XVII и XVIII вв. И даже в XIX в. можно было встретить в некоторых общинах, как в Пфальце в Баварии и на Рейне, перераспределение полей путем жеребьевки, хотя и через более длительные периоды: каждые 3, 4, 9, 12, 14 и 18 лет. Эти пашни, следовательно, лишь в середине прошлого века окончательно перешли в частную собственность. Также и в некоторых местностях Шотландии передел пашни встречался до недавнего времени. Первоначально все участки были одинаковых размеров и соответствовали средним потребностям одной семьи и тогдашней доходности земли и труда. В зависимости от качества земли размер участков в различных местностях составлял 15, 30, 40 и более моргенов.

В большей части Европы благодаря все более редким и в конце концов прекратившимся переделам

¹ В рукописи эта глава обозначена цифрой IV.

участки уже в V и VI вв. перешли в наследственную собственность отдельных семей. Но это относилось лишь к пашне; остальная площадь — леса, луга, воды и неиспользованная земля — оставалась в общем владении марки. Продукты лесного хозяйства шли, например, на покрытие государственных повинностей и удовлетворение общинных потребностей, а что оставалось, распределялось между всеми.

Пастбища находились в общем пользовании. Эти общинные владения (альменды) сохранялись долго и в настоящее время еще существуют в баварских и швейцарских Альпах, в Тироле, во Франции (в Вандее), в Норвегии и Швеции.

Чтобы достичь наибольшего равенства в распределении пахотной земли, общинное поле делилось на отдельные поля (Gewanne или Oesche), соответственно их качеству и положению, и каждое поле делилось в свою очередь на узкие полосы соответственно числу равноправных членов марки. Если кто-либо из последних сомневался в том, получил ли он одинаковую долю с остальными членами, он был вправе потребовать в любой момент нового обмера всех полей общины, и всякий, кто ему в этом препятствовал, подвергался наказанию.

Но и после того, как периодический передел и распределение земли путем жеребьевки прекратились, труд всех членов общины, также и на полях, носил общественный характер и был подчинен строгим правилам общественного контроля. Прежде всего каждый обладатель общинного участка был обязан трудиться, так как факт владения участком в пределах данной марки был недостаточен для того, чтобы считаться действительным членом общины (Markgenosse). Для этого нужно было жить в пределах марки и лично обрабатывать свой участок. Кто в течение нескольких лет не обрабатывал своего участка, — терял свое право на него, и марка могла отдать его другому для обработки. Но и сама работа происходила под руководством марки. В первое время после расселения германцев в центре хозяйственной жизни стояло скотоводство, которое велось на общих пастбищах и лугах общими деревенскими пастухами. Пастбищами служили также жнивья и поля под паром. Из этого следовало, что во время

посева и жатвы чередование посева и оставление под паром для каждого участка, равно как и севооборот, устанавливались сообща, и каждый должен был подчиняться общему распорядку. Каждое поле было огорожено забором с подъемными воротами; от посева до жатвы ворота запирались, и время их открытия и закрытия устанавливалось для всей деревни. Каждая полевая площадь находилась под наблюдением особого надзирателя (Flurschutz), который в качестве должностного лица марки должен был блюсти установленный порядок. Так называемые обходы полей целыми деревнями превращались в настоящие торжества при участии детей, которым давали пощечины, дабы они запомнили границы для последующих свидетельских показаний.

Скотоводство велось сообща, членам общины запрещалось пасти стада в отдельности. Животные всей деревни делились по роду их на общинные стада; каждое стадо имело своего пастуха и вожака; предписано было также, чтобы стада снабжались колокольчиками. Точно так же сообща велась охота и рыбная ловля на всем протяжении общинных владений. Никто не имел права на своем участке устраивать силки и ямы для поимки зверей, не уведомив об этом товарищей. Руды и т. п., найденные в земле глубже, чем доходит плуг, переходили в собственность общины, а не того, кто их находил. В каждой общине должны были проживать необходимые ремесленники. Правда, каждая крестьянская семья сама изготовляла большую часть необходимых в повседневной жизни продуктов. Дома пекли и жарили, ткали и пряли. Но уже рано некоторые ремесла специализировались, именно те, которые изготовляли земледельческие орудия. Так, например, в лесной общине в Вельпе, в Нижней Саксонии, общинникам предписывалось «иметь в лесу одного человека каждого рода ремесла, могущего изготовить из дерева что-нибудь полезное». Повсюду было точно определено, сколько и какого рода дерево ремесленники могли брать, дабы щадить леса и изготовлять необходимые изделия только лишь для членов общины. Ремесленники получали от марки все необходимое для их существования и в общем экономически находились в том же положении, как остальная масса крестьян, но они не были полноправ-

ными членами марки, отчасти потому, что они являлись кочующим, а не оседлым элементом, а отчасти, что сводится к тому же, потому что они не занимались сельским хозяйством, являющимся тогда центром хозяйственной жизни, вокруг которого вращалась вся общественная жизнь, все права и обязанности общинников¹.

Поэтому проникнуть в общину мог не всякий. Для допущения чужого требовалось единодушное согласие всех общинников. И отчудить свой надел можно было лишь члену общины, а не чужому, и лишь при посредстве общинного суда.

Во главе общины стоял дорфграф («деревенский граф») или сельский староста (Schultheiß), называемый также старейшиной, или сотским (Centener). Он избирался на свою должность общинниками. Но избрание было не только почетом для избранного, но и его обязанностью: под страхом наказания он не должен был уклоняться от павшего на него выбора. Со временем, правда, должность общинного старшины стала наследственной в определенных семьях, и отсюда был один только шаг к тому, чтобы эта должность, ввиду ее доходности и связанного с ней влияния, стала продажной, могла передаваться в лен (Markmeister) и вообще превратилась бы из чисто демократической должности, создаваемой путем общинных выборов, в орудие господства над общиной. Однако в период расцвета марки ее старшина был не чем иным, как исполнителем воли всей совокупности общинников.

Все общественные дела решались на собрании всех членов марки, тут же улаживались споры и налагались наказания. Весь порядок сельскохозяйственных работ, проведения дорог и строительных работ, равно как и несения полевой и деревенской охраны, устанавливался

¹ Точно такое же положение занимал ремесленник в греческой общине времен Гомера: «Все эти люди (рабочий по металлу, столяр, музыкант, врач) суть демиурги (от Demos — народ), т. е. они работают для членов общины, а не для самих себя, они лично свободны, но не считаются полноправными, они стоят ниже полноправных членов общины, мелких крестьян, часто они не имеют оседлости, а переходят с места на место; если их имя пользуется известностью, то нередко их приглашают издалека». *Ed. Meyer, Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums, S. 17.* См. русский перевод Эд. Мейер, «Экономическое развитие древнего мира», М., 1910 стр. 25. — *Ред.*

большинством собрания; ему же представлялись отчеты о состоянии хозяйства марки на основании регулярно ведшихся «книг членов марки» (Märkerbücher). Судопроизводство происходило устно и публично под председательством старшины марки, причем приговоры выносились присутствующими членами общины, выступавшими в качестве «присяжных» (Urteilsfinder); присутствовать на суде могли лишь члены марки, чужим доступ запрещался. Члены марки были обязаны давать друг за друга свидетельские показания и присягу, как и вообще братски помогать друг другу в нужде, при пожарах и вражеском нападении. В армии члены марки группировались в отдельные отряды и сражались рука об руку. Никто не должен был покидать товарища в момент опасности.

За преступления и убытки, имевшие место в пределах марки или совершенные членами ее вне ее, солидарно отвечала вся марка. Члены марки были обязаны давать приют приезжим и оказывать помощь нуждающимся. Первоначально каждая марка представляла единую религиозную общину, а с переходом к христианству, — что у части германцев, как, например, у саксов, произошло очень поздно, лишь в IX в., — церковную общину. Наконец, марка обычно содержала школьного учителя для всей деревенской молодежи.

Нельзя себе представить ничего более простого и гармоничного, чем хозяйственная система старой германской марки. Весь механизм общественной жизни здесь как на ладони. Строгий план и выдержанная организация предопределяют поступки каждого и подчиняют его как часть целому. Непосредственные потребности повседневной жизни и одинаковое удовлетворение их для всех — вот исходная точка и конечный пункт всей организации. Все работают для всех сообща и совместно все решают. Откуда вытекает и на чем основана эта организация и власть целого над каждым в отдельности? Это не что иное, как коммунизм в земельных отношениях, т. е. общественное владение трудящихся важнейшими средствами производства. Типичные черты аграрно-коммунистической хозяйственной организации лучше всего выступают наружу при сравнительном изучении ее у многих народов, при котором она только и может быть понята как всемирная форма

производства в ее историческом разнообразии и гибкости.

Обратимся к древнему государству инков в Южной Америке. В этом государстве, занимавшем территорию современных республик Перу, Боливии и Чили, т. е. пространство в [3,36] млн. кв. км, с населением в настоящее время в [12 млн. жителей], хозяйство велось во времена завоевания его испанцем Пизарро таким же образом, как и столетиями до того. Раньше всего мы находим здесь точно те же учреждения, что и у древних германцев. Каждая родовая община, одновременно охватывающая сотню боеспособных мужчин, занимает определенную область, принадлежащую ей как марке, и удивительным образом во всем, вплоть до названия «Магса», похожа на германскую марку. Из площади марки была выделена пахотная земля и разделена на отдельные участки, которые ежегодно перед посевом путем жребия распределялись между семьями. Величина участков соответствовала количественному составу семьи, т. е. ее потребностям. Деревенские старшины, должность которых ко времени образования государства инков, т. е. около X и XI вв., уже перестала быть выборной и стала наследственной, получали самый большой участок. В северной части Перу обработка участков производилась не каждым отцом семейства в отдельности, а группами в десять человек под управлением руководителя, и некоторые факты указывают на то, что этот обычай встречался и у древних германцев. Эти десятки поочередно обрабатывали участки всех членов, также и отсутствующих, когда они отбывали военную службу или отработывали барщину на инков. Каждая семья получала продукты, произрастающие на ее участке. На пахотный участок мог претендовать лишь тот, кто жил в марке и принадлежал к роду. Но каждый был обязан также лично обрабатывать свой участок. Кто в течение нескольких лет (в Мексике в течение 3 лет) оставлял свой участок необработанным, терял свое право на него. Участки не могли дариться и продаваться. Строго запрещалось оставлять собственную марку и переходить в другие, что стояло, очевидно, в связи с сильными еще кровными связями деревенских родов. Возделывание земли в прибрежных областях, где дожди выпадают лишь периодически, издавна требо-

вало искусственного орошения посредством каналов, которые сооружались общими усилиями всей марки. Употребление воды и ее распределение между отдельными деревнями и внутри их подвергалось строгой регламентации. Каждая деревня имела также «поля для бедных», которые возделывались всеми членами марки, и урожай с этих полей глава деревни распределял между стариками, вдовами и прочими нуждающимися жителями. Вся остальная область, помимо пахотных полей, составляла так называемую Магсараша — альменду. В горах, где земледелие было невозможно, убогое скотоводство, с полным почти преобладанием лам, составляло основу существования жителей, которые время от времени приносили в долину свой главный продукт — шерсть — и выменивали ее у земледельцев на маис, перец и бобы. Здесь, в горных местностях, уже в эпоху завоевания имелись частные стада и значительное имущественное неравенство. Обыкновенный член марки владел 3—10 ламами, а главный вождь мог уже обладать 50—100 ламами. Но земля, лес и выгоны и здесь находились в общественном владении, и, помимо частных стад, имелись деревенские стада, которые не подлежали разделу. В определенные сроки часть общественных стад убивалась, и мясо и шерсть распределялись между отдельными семьями. Специальных ремесленников не было, и каждая семья изготовляла все нужное дома, но существовали деревни, которые особенно отличались в том или ином ремесле, в ткачестве, гончарном деле или обработке металлов. Каждая деревня возглавлялась первоначально выборным, а впоследствии наследственным деревенским старшиной, который наблюдал за обработкой полей и во всех важных случаях созывал звуками трубы, которой служила раковина, всех совершеннолетних, с которыми и держал совет.

В этом смысле старая перуанская марка во всех существенных чертах является точной копией германской марки. Но те особенные черты, которыми она все-таки отличается от знакомой нам типичной картины, еще больше помогают нам уяснить особенности этой социальной системы, чем черты ее сходства с германской маркой. Особенность древнего государства инков заключается в том, что это — завоеванная страна,

в которой утвердилось чужое господство. Пришлые завоеватели, инки, правда, тоже принадлежали к индейским племенам, но они покорили себе мирные оседлые племена векуа (Vechua) именно благодаря оторванности их деревень от внешнего мира, когда каждая марка заботилась лишь о самой себе, не поддерживая связей с округами на далеких расстояниях, не интересуясь ничем за пределами марки. Этот чрезвычайный партикуляризм социальной организации, в такой мере облегчивший инкам их завоевательный набег, в общем остался нетронутым ими. Но они привили ему утонченную систему экономической эксплуатации и политического господства. Каждая завоеванная марка должна была выделить известную часть своей земли в качестве «полей инков», или «солнечных полей», остававшихся, правда, собственностью марки, но доход с которых в натуре поступал в распоряжение господствующего племени инков и его жреческой касты. Точно так же горные марки, занимавшиеся скотоводством, должны были часть своих стад отделять в качестве «господских стад» и сохранять их для нужд своих властителей. Уход за этими стадами, как и барщинная обработка полей для инков и их жрецов лежали на обязанности всех членов марки в целом. К этому прибавлялся барщинный труд в горном деле и общественные работы по сооружению дорог и мостов под руководством инков, основанная на строгой дисциплине военная служба и, наконец, особая дань, в виде молодых девушек, которые частью служили жертвами при религиозном культе, частью же становились наложницами инков. Но эта суровая система эксплуатации оставила, однако, нетронутой внутреннюю жизнь марки и ее коммунистически-демократическое устройство; барщина и оброк коммунистически раскладывались, как общее бремя, на всех. Замечательнее всего то, что деревенская коммунистическая организация не только оказалась, как это часто бывало в истории, солидной и прочной основой многовековой системы эксплуатации и порабощения, но что и сама эта система в свою очередь была организована коммунистически. Инки, удобно устроившиеся на шее порабощенных перуанских племен, сами жили родовыми союзами на началах общинного товарищества. Их столица, город Куцко, был не чем иным, как объ-

единением полутора дюжин массовых жилищ, каждое из которых являлось центром коммунистического домашнего хозяйства целого рода с общим кладбищем в середине, — следовательно, с общим культом. Вокруг этих больших родовых жилищ расположены были общинные владения инкских родов с неразделенными лесами и выгонами и разделенной пашней, которая также возделывалась сообща. Как примитивный народ, эти эксплуататоры и властелины не отреклись еще от труда, а пользовались своим господствующим положением лишь для того, чтобы жить лучше, чем покоренные ими племена, и приносить лучшие жертвы своим богам. Современное искусство — питаться исключительно плодами чужого труда и делать собственную праздность отличительным признаком своего господства — было еще чуждо этой общественной организации, в которой общественная собственность и всеобщая трудовая повинность были глубоко вкоренившимся народным обычаем. Точно так же и политическое господство было организовано в виде общей функции всех родов инков. Правители, назначаемые инками для управления всеми провинциями Перу, напоминающие по своим функциям голландских резидентов на Малайском архипелаге, были делегатами своих родов, сохраняли свое помещение в общих квартирах, в Куцко и продолжали считаться членами своих марок. Ежегодно, к празднику солнца, эти делегаты возвращались в Куцко, чтобы дать отчет о своей служебной деятельности и участвовать вместе с соплеменниками в большом религиозном празднестве.

Тут перед нами как бы два расположенных один над другим социальных слоя, чья внутренняя организация была коммунистической, но которые находились между собой в отношениях эксплуататора и поработенного. Это явление, находящееся в резком противоречии с принципами равенства, братства и демократии, лежащими в основе организации общинного союза, может показаться непонятным на первый взгляд. Но тут перед нами как раз живое доказательство того, как мало общего первобытнокоммунистическое устройство имело в действительности с какими-либо принципами всеобщего равенства и свободы людей. Эти «принципы», относящиеся к абстрактному «человеку», следовательно,

распространяющиеся на всех людей, по крайней мере, поскольку речь идет о «цивилизованных» странах, т. е. о странах капиталистической культуры, появились лишь впоследствии, в качестве продукта современного буржуазного общества, и были провозглашены впервые во время революции в Америке и Франции. Первобытно-коммунистическое общество не знало общих принципов для всех людей; равенство и солидарность вытекали здесь из традиций общих кровных уз и из общего владения средствами производства. И лишь на тех, на кого распространялись эти узы крови и это владение, распространялось также равенство прав и солидарность интересов.

Что лежало вне этих интересов, — а они не выходили за пределы четырех пограничных столбов деревни или в лучшем случае за пределы областной границы племени, — было чуждо и, следовательно, могло стать враждебным. Более того, построенные на началах хозяйственной солидарности общины могли и должны были вследствие недостаточного развития производства, недостаточности или истощения источников питания при возрастающем населении вступать периодически в конфликты с другими аналогичными общинами. В таких случаях вопрос решался борьбой не на жизнь, а на смерть, войной, которая приводила к истреблению одной из борющихся сторон или чаще всего к покорению одной из них другой и следовавшей вслед за ним эксплуатации. В основе первобытного коммунизма лежали не абстрактные принципы равенства и свободы, а железная необходимость, продиктованная низкой ступенью развития человеческой культуры, беспомощность людей перед внешней природой, которая вынуждала их крепко держаться в больших союзах и объединенными усилиями и планомерным трудом вести борьбу за существование. Но эта же слабая степень господства над природой, с другой стороны, приводила к тому, что общий план труда и общее его выполнение были мыслимы лишь в пределах незначительных по размерам природных пастбищ или возделываемых первобытным способом деревенских участков, что делало применение общественного труда в широком масштабе невозможным. Примитивное состояние сельского хозяйства ограничивало культурное развитие рамками деревенской марки и

ставило весьма узкие границы солидарности интересов. И то же недостаточное развитие производительности труда вызывало, наконец, противоречие интересов отдельных общественных союзов и толкало к грубому насилию, как единственному средству разрешения этих конфликтов. Война стала, таким образом, постоянным методом разрешения конфликтов между общественными коллективами, методом, которому суждено господствовать вплоть до момента наивысшего развития производительности труда, т. е. до полного овладения человеческими силами природы, которое устранил, наконец, противоречие материальных интересов.

Но на исход этих, ставших постоянным явлением столкновений различных первобытнокоммунистических общин решающее влияние имело опять-таки данное развитие производительности труда. Так, где дело касалось конфликта двух кочующих племен, занимавшихся скотоводством и вступивших в борьбу из-за пастбищ, грубая сила могла лишь решить вопрос о том, какое племя останется на месте и какое будет вытеснено в более плохие, малоплодородные области или будет совсем истреблено. Где, однако, земледелие настолько уже было развито, что оно могло хорошо и наверняка прокормить данных обитателей, не поглощая всего их времени и всех рабочих сил, там заложена уже была основа для эксплуатации этих земледельцев чужими завоевателями. И мы видим, как возникают подобные отношения в Перу, где одна коммунистическая община становится эксплуататором другой. Эта своеобразная структура государства инков потому важна, что она дает нам ключ к пониманию целого ряда аналогичных образований в классической древности, особенно на пороге греческой истории. Если, например, писаная история сообщает нам краткие сведения о том, что на острове Крите, на котором господствовали дорийцы, покоренные должны были отдавать весь продукт своих полей, за исключением самого необходимого для их собственного содержания и для их семейств, в распоряжение общины, которая употребляла эти продукты для коллективных трапез свободных (т. е. господствующих дорийцев); или что в Спарте, тоже дорийской общине, существовали «государственные рабы», илоты, которые давались «государством» в распоряжение частных лиц для обработки их полей, —

то все эти отношения представляются на первый взгляд загадочными. И буржуазный ученый, как, например, гейдельбергский профессор Макс Вебер, строит самые курьезные с точки зрения современных условий и понятий гипотезы, чтобы объяснить вышеприведенные замечательные исторические явления.

«Подвластное население трактуется здесь (в Спарте) как находящееся в рабстве или в крепостном состоянии у государства. Их взносы натурой идут на содержание воинов, отчасти на началах общественного хозяйства (*gemeinwirtschaftlich*), о чем сейчас будет речь, отчасти так, что отдельное лицо получало доход с определенных отведенных ему и обрабатываемых при помощи рабов участков земли, которые в различной мере становятся его собственностью, впоследствии все более и более делающейся наследственной. Новое распределение участков и дальнейший их раздел считались допустимыми и в историческое время и, по-видимому, практиковались. Это, конечно, не были переделы пахотной земли («конечно», буржуазный профессор не должен, елико возможно, допускать таких переделов), а переделы в известном смысле источника рент. Военные соображения, в особенности милитаристическая политика населения, определяют все дела...

Феодально-городской характер этой политики находит яркое выражение в том, что указанное военное право распространяется и на земли свободные, занятые крестьянами: последние образуют «кларос» — союз для вооруженной помощи патронирующей семье (В переводе с профессорского языка на язык обыкновенных смертных это означает: полевые наделы являются собственностью всей общины, поэтому они не подлежат продаже, а в случае смерти собственника надела — разделу; это обстоятельство профессор Вебер в другом месте объясняет как мудрую меру «для избежания раздробления состояний» и «для поддержания принадлежащих военному сословию участков».)

Вполне законченная организация гражданского войска завершается устройством совместных обедов воинов наподобие наших казино и так называемых «сесситий», или «гетерий», и совместным военным воспитанием детей, как в наших кадетских корпусах, за счет государ-

ства»¹ Тем самым отношения греков героической эпохи, эпохи Гектора и Ахилла, переводятся на язык современных понятий путем отождествления их с прусскими фидейкомиссами, отношениями аренды и офицерскими казино с «соответствующими общественному положению» попойками, а совместное народное воспитание цветущих обнаженных юношей и девушек Спарты отождествляется с современным воспитанием в смахивающем на исправительный дом кадетском корпусе в Гросслихтерфельде, близ Берлина.

Кому знакома внутренняя структура государства инков, для того вышеописанные отношения не представляют никаких трудностей, они, несомненно, представляют исключительно продукт таких паразитических двойственных образований, которые возникли путем покорения земледельческого общинного союза другой коммунистической общиной. В какой мере при этом как в обычаях покорителей, так и в положении покоренных уцелела коммунистическая основа, зависит от степени развития, длительности этих отношений, обстановки, в которой находятся эти образования, могущие представлять из себя целую шкалу ступеней. Государство инков, в котором покорители еще сами трудятся, земельная собственность покоренных в целом еще остается неприкосновенной и каждый общественный слой остается замкнутым, может считаться первоначальной формой подобных отношений эксплуатации, которые могли сохраняться в течение столетий лишь благодаря относительно примитивной ступени культуры и отрезанности этой страны от остального мира. На дальнейшую стадию развития указывают предания о Крите, где покоренная крестьянская община должна была отдавать весь продукт своего труда, за вычетом самого необходимого для себя, и где господствующая община прокармливалась не собственным земледельческим трудом, а данью с эксплуатируемого общинного союза, все же потребляя получаемые таким путем продукты коммунистически. В Спарте мы находим следующий этап развития: земля не составляет больше собственности покоренной общины, а принадлежит покорителям и распределяется между *ними* на началах общин-

¹ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Bd I, M. Weber «Agrarverhältnisse im Altertum» 2 Aufl., S. 69. См. русский перевод «Аграрная история древнего мира», М., 1925, стр. 159 — *Ред*

ного союза. Общественная организация покоренных, благодаря уничтожению ее основы — формы собственности на землю, взорвана; покоренные превращаются в собственность господствующей общины, которая распределяет их коммунистически, «в государственных интересах», наподобие земельных участков между отдельными общинниками, в качестве рабочей силы. Господствующие спартанцы сами живут еще в строго общинных отношениях. И подобные же отношения в той или иной степени, по-видимому, господствовали в Фессалии, где прежние обитатели пенесты или «бедняки» были покорены эолийцами, в Вифинии, где мариандины были поработаны фракийскими племенами. Но паразитическое существование неудержимо вносит и в господствующую общину элементы разложения. Уже факт завоевания и необходимость упрочить эксплуатацию, как постоянное явление, вызывают сильное развитие военщины, которое мы наблюдаем как в государстве инков, так и в спартанских государствах. Этим самым закладывается первая основа для неравенства и выделения из среды первоначально равноправной и свободной крестьянской массы привилегированных сословий. Если к этому присоединяются благоприятные географические и культурно-исторические условия, содействующие путем столкновения с более образованными народами развитию более утонченных потребностей и оживленного обмена, тогда неравенство быстро развивается и среди господствующих племен, коммунистическая связь ослабевает, уступая место частной собственности с ее делением на богатых и бедных. Классическим примером этих процессов служит ранняя история греков после их столкновения со старыми культурными народами Востока. Так поражение одного примитивно-коммунистического общества другим рано или поздно приводит к тем же результатам: к разрыву традиционных коммунистических общественных связей как у победителей, так и у побежденных, и к созданию новой общественной формации, в которой, взаимно друг друга порождая, одновременно появляются на свет частная собственность, неравенство и эксплуатация.

И история старого общинного союза в классической древности приводит к двойному противоречию интересов: с одной стороны, масса задолжавшего мелкого крестьян-

ства противостоит дворянству, присвоившему себе крупную земельную собственность из неразделенных общинных владений и монополизировавшему в своих руках как торговлю, так и государственную и, в частности, военную службу; с другой стороны, этому обществу свободных граждан в целом противостоят эксплуатируемые рабы. От этих многообразных форм натурально-хозяйственной эксплуатации со стороны целых общин поработанных ими племен оставался один лишь шаг к покупке рабов отдельными лицами. И этот шаг быстро был сделан в Греции, в государствах, расположенных на островах и на морском побережье, благодаря морскому сообщению и международной торговле. Чикотти также различает два типа рабства: «Самая древняя, самая распространенная и значительная форма хозяйственной подчиненности, — говорит он, — которую мы встречаем на пороге греческой истории, — это — не рабство, а такая форма подчиненности, которая, по-моему, почти напоминает вассальную». Так, Теопомпус замечает: «Первыми греками, пользовавшимися рабами, были после фессалийцев и лакедемонян хиосцы (жители малоазийского острова Хиоса), но они приобретали этих рабов не так, как те. . . Можно установить, что лакедемоняне и фессалийцы превратили в рабов эллинов, населявших до них эту землю, таким образом, что они принудили ахейцев, фессалийцев, перребов и магнетов работать на них и называли покоренных илотами и пенестами. Хиосцы же приобретали в качестве рабов варваров (негреков), платя за них определенную цену». «И причина этой разницы, — не без основания прибавляет Чикотти, — вытекала из различной степени развития континентальных народов, с одной стороны, и обитателей островов — с другой. Полное отсутствие или незначительность накопленного богатства, равно как и незначительное развитие торговли исключали в данной стране непосредственный рост производства и прямое применение рабов приводило вместо этого к более первобытной форме дани и к такому разделению труда и классовому расслоению, при котором господствующий класс составлял вооруженную армию, а поработанные — земледельческое сословие»¹.

¹ Ciccottì, Untergang der Sklaverei im Altertum, S. 37—38.

Внутренняя организация перуанского государства инков вскрыла нам важную сторону в самой сущности примитивной формы общества и одновременно она обнаружила нам определенный исторический путь ее гибели. Совсем в другом виде предстают перед нами судьбы этой общественной формы, когда мы знакомимся с дальнейшей историей перуанских индейцев, как и с историей прочих испанских колоний в Америке. Тут перед нами совершенно новый метод завоевания, совершенно отличный от того, например, который практиковался инками. Господство испанцев, — первых европейцев в Новом Свете, — с первых же шагов сопровождалось самым немилосердным истреблением покоренного населения. По собственному свидетельству испанцев, число истребленных ими в течение немногих лет после открытия Америки индейцев достигало 12—15 миллионов. «Мы считаем себя вправе утверждать, — говорит Лас-Казас, — что своим чудовищным и бесчеловечным обращением испанцы извели 12 миллионов человек, считая в том числе женщин и детей. По моему личному мнению, — продолжает он далее, — число вымерших за это время туземцев превышает даже 15 миллионов»¹.

«На острове Гаити, — говорит Гандельман, — число найденных испанцами туземцев в 1492 году равнялось одному миллиону; в 1508 году от миллионного населения уцелело всего 60 000, а девять лет спустя — всего 14 000, так что для того, чтобы располагать необходимым числом рабочих рук, испанцам пришлось обратиться к вывозу индейцев с соседних островов. В один 1508 год было перевезено на Гаити и обращено в рабство 40 000 туземцев с Багамских островов»². Испанцы устраивали регулярные охоты на краснокожих, как это описано свидетелем и участником этих охот итальянцем Джираломо Бензони. «Частью по недостатку пищи, частью от скорби, причиненной им разлукою с их отцами, матерями и детьми, — говорит Бензони после одной такой охоты на острове Кумагна, во время которой было поймано

¹ «Brevissima relación de la destina de las Indias», Sevilla, 1552 цитировано у М. Ковалевского [«Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения»; ч. I, М., 1879, стр. 47, прим. 1]

² H. Handelman, Geschichte der Insel Haiti, Kiel, 1856, S. 6.

4000 индейцев, — большая часть взятых в рабство туземцев погибла по дороге к порту Кумани. Каждый раз, когда те или другие из невольников не в состоянии были, по причине усталости, идти так же быстро, как их товарищи, испанцы, боясь, чтобы они не остались позади с целью напасть на них с тылу, пронзали их сзади шпагами и избивали бесчеловечно. Раздирающим душу зрелищем было видеть эти несчастные существа, совершенно голые, измученные, израненные и до такой степени изнуренные голодом, что едва могли держаться на ногах. Железные цепи сковывали им шею, руки и ноги. Не было ни одной девственницы в числе их, которая не была бы изнасилована этими разбойниками (испанцами), предавшимися в данном случае такому омерзительному разврату, что многие из них остались навсегда изъеденными сифилисом... Все захваченные в рабство туземцы клеймятся раскаленным железом. Затем капитаны оставляют часть их за собою, а остальных делят между солдатами. Эти же проигрывают их друг другу или продают их испанским колонистам. Купцы, приобретши этот товар в обмен на вино, муку, сахар и другие предметы первой необходимости, увозят рабов в те части испанских колоний, в которых на них имеется наибольший спрос. Во время переезда часть этих несчастных погибает вследствие недостатка в воде и спертого воздуха кают, оттого, что купцы скучивают всех невольников на самом дне корабля, не оставляя им ни достаточно места для сидения, ни достаточно воздуха для дыхания»¹. Чтобы избавиться, однако, от трудов по олооте за краснокожими и от издержек по их покупке, испанцы ввели в своих вест-индских владениях и на американском континенте так называемую систему Repartimientos, т. е. разделения областей. Вся завоеванная область разделялась губернаторами на определенные участки, деревенские старшины которых — «качки» — были обязаны доставлять испанцам требуемое число рабов из туземцев. Каждый испанский колонист периодически получал от губернатора любое количество рабов «под условием заботиться об обращении их в

¹ «Storia del Mondo Nuovo di Girolamo Benzoni». Venezia, 1565, дитировано по Ковалевский [«Общинное землевладение...», стр. 51—52].

христианство»¹. Плохое обращение колонистов с рабами превосходило все границы. Даже смерть казалась индейцам спасением. «Все захваченные испанцами в рабство туземцы, — рассказывает один современник, — принуждаются ими к утомительным и усиленным работам в рудниках, далеко от их родины и семейств и под угрозой постоянных телесных наказаний. Неудивительно поэтому, что целые тысячи невольников, не видя другого средства избавиться от своей лютой доли, не только сами оканчивают жизнь насильственным образом, — повешением, или утоплением, или другим каким-либо видом самоубийства, — но и убивают предварительно своих жен и детей, чтобы таким путем разом покончить с их общим несчастным и безвыходным положением. С другой стороны, женщины обращаются к вытравливанию плода или избегают сожительства с мужчинами, не желая рождать невольников»².

Наконец, колонистам удалось при посредстве императорского духовника, набожного патера Гарсия де Лойоза, добиться от Карла V Габсбурга декрета, который объявлял все индейское население наследственными рабами испанских колонистов. Бензони, правда, полагает, что этот декрет распространялся лишь на карибских людоедов, но в действительности он толковался расширительно и применялся ко всем индейцам вообще. Чтобы оправдать свои зверства, испанские колонисты систематически распространяли самые ужасные слухи про людоедство и прочие пороки индейцев. Этим объясняется, например, то, что французский историк той эпохи Марли де Шатель в своей «Всеобщей истории Вест-Индии» (Париж, 1569) мог писать об индейцах следующее: «Бог поверг их в рабство за их злодейства и пороки, так как сам Хам не согрешил в такой степени против своего отца Ноя, как индейцы против господ бога». Однако приблизительно в то же время испанец Акоста писал в своей «*Historia natural y moral de las Indias*» (Барселона, 1591) о тех же индейцах, что они являются «добродушным народом, всегда готовым услу-

¹ Charleroix, «Histoire de l'Isle Espagnole ou de St-Dominique», Paris, 1730, I, 228, цитировано по Ковалевский, [«Общинное землевладение...», стр. 50].

² Acosta, «Historia natural y moral de las Indias», цитировано по Ковалевский, [«Общинное землевладение...», стр. 52].

жить европейцам, — народом, обнаруживающим в своем поведении столь трогательную искренность и наивность, что люди, не лишившиеся окончательно человеческого облика, не могли бы иначе относиться к ним, как с мягкостью и любовью».

Конечно, были и попытки противодействовать этим ужасам. В 1531 г. папа Павел III издал буллу, в которой он объявлял, что индейцы принадлежат к человеческому роду и не должны поэтому быть рабами. Испанский королевский совет для Вест-Индии несколько позже в свою очередь объявил, что он против рабства, но его повторные декреты больше свидетельствуют о бесплодности его стремлений, чем об их искренности.

Индейцы были освобождены от рабства не благодаря вмешательству набожного католического духовенства и не благодаря протестам испанских королей, а лишь благодаря тому простому факту, что, в силу своего физического и духовного склада, они оказались абсолютно непригодными для тяжелого рабского труда. Против этого голого факта испанцы ничего не могли поделать, хотя бы они и прибегали к самым изощренным жестокостям. Краснокожие умирали в рабстве, как мухи, бежали, кончали самоубийством, одним словом, дело оказалось в высшей степени неприбыльным. И лишь после того, как горячий и неутомимый защитник индейцев, епископ Лас-Казас, обратил внимание на то, что вместо непригодных индейцев можно ввозить из Африки в качестве рабов более крепких негров, все бесплодные эксперименты с индейцами были приостановлены. Это практическое открытие подействовало быстрее и глубже, чем все памфлеты Лас-Казаса против жестокостей испанцев. Через несколько десятилетий индейцы были освобождены от рабства, и началось рабство негров, длившееся в течение четырехсот лет. В конце XVIII в. один честный немец, «старый brave Неттельбек» из Кольберга, в качестве капитана вез на своем корабле сотни негритянских рабов из Гвинеи в Гвиану в Южной Америке, где другие «brave восточные пруссаки» разводили плантации. Неттельбек купил их в Африке вместе с другими товарами и вез их скученными в нижнем трюме, как это делали в XVI в. испанские капитаны. Прогресс гуманного века просвещения сказался лишь в том, что Неттельбек, дабы охранить рабов от меланхолии и смертности, заставлял их

ежевечерне танцевать на палубе под звуки музыки и треск кнута, что не приходило еще в голову грубым испанским работорговцам. А в конце XIX в. благородный Давид Ливингстон, проведший 30 лет в Африке в поисках источников Нила, писал в 1871 г. в знаменитом письме американцу Гордону Беннету следующее: «Если бы мои разоблачения о положении вещей в Уджиджи положили конец ужасной торговле рабами в Восточной Африке, я расценивал бы это завоевание гораздо выше, чем открытие всех истоков Нила вместе взятых. У вас дома рабство повсюду отменено, протяните нам свою мощную руку помощи, дабы и нам добиться того же. Над этой прекрасной страной тяготеет как бы проклятие всевышнего...»

Впрочем, участь индейцев в испанских колониях мало изменилась к лучшему, благодаря замене их негритянскими рабами. Изменилась лишь система колонизации. Вместо прежних *Repartimientos*, приспособленных для отношений непосредственного рабства были введены так называемые *Encomiendas*. Формально при этом признавалась личная свобода обитателей и их полная собственность на землю. Но эти области отдавались в административное управление испанских колонистов, в первую голову потомков первых конквистадоров (завоевателей), которые в качестве так называемых *Encomenderos* должны были опекать индейцев и в особенности распространять среди них христианство. Для покрытия расходов по постройке церквей для туземцев и за собственные труды по опеке над последними *Encomenderos* получили право взимать с населения «умеренный налог деньгами и натурой».

Этого постановления было достаточно, чтобы вскоре превратить эту систему (*Encomiendas*) в настоящий ад для индейцев. Земля им была, правда, оставлена в виде неразделенной собственности племени. Но испанцам угодно было распространить это лишь на пашни, находившиеся под плугом. Всю остальную часть марки, равно как неиспользованные земли и часто даже поля, находившиеся под паром, испанцы обычно присваивали себе как «заброшенные земли». Они это делали с таким бесстыдством и с такой настойчивостью, что Зурита писал по этому поводу: «Нет ни одного земельного участка, ни одной фермы, которая не была бы признана соб-

ственностью европейцев, несмотря на нарушение интересов и имущественных прав туземцев, принуждаемых этим путем к оставлению заселенных ими издревле пространств. Нередко у них отнимают даже обрабатываемые ими земли, под предлогом, что они засеяли их лишь для того, чтобы иметь повод удержать их за собой и помешать присвоению их европейцами. Благодаря этой системе, испанцы в некоторых провинциях настолько расширили свои владения, что туземцам вовсе не остается земли для обработки»¹.

В то же время «умеренные» налоги так бесстыдно были повышены испанскими *Encomenderos*, что индейцы задыхались под их непосильным бременем. «Всего достояния индейца, — говорит тот же Зурита, — недостаточно для уплаты падающих на него налогов. Много встречается между краснокожими людей, коих имущество не равняется даже одному *пезо* и которые живут лишь поденным трудом. Таким образом у этих несчастных не остается даже достаточно средств на содержание их семейства. Вот почему молодые люди так часто предпочитают небрачное сожитие браку, особенно когда их родители не располагают четырьмя или пятью реалами. Индейцы только с трудом могут позволить себе роскошь одежды; многие, не имея на что купить платье, не в состоянии ходить к богослужению. Неудивительно, если большинство из них впадает в отчаяние, не находя средств доставить своим семействам необходимую им пищу... Во время моих недавних разъездов я узнал, что многие индейцы повесились с отчаяния, предварительно объявивши женам и детям, что делают это ввиду невозможности уплатить требуемые с них налоги»².

В дополнение к земельному грабежу и налоговому давлению, в конце концов, прибавился и принудительный труд. В начале XVII в. испанцы открыто вернулись к системе, от которой они формально отказались в XVI в. Правда, рабство отменено было для индейцев, но его заменила своеобразная система принудительного наемного труда, которая по существу ничем не отличалась от рабства. Уже в середине XVI в. Зурита следующим

¹ Zurita, S. 57—59, цитировано по Ковалевский, [Общинное землевладение. . . , стр. 62—63].

² Zurita, S. 329, цитировано по Ковалевский, [Общинное землевладение. . . , стр. 63].

образом описывает положение индейских наемных рабочих у испанцев: «Индейцы не имеют за все это время других средств к пропитанию, кроме маисовых хлебцев и лепешек... Энкомендер заставляет их работать с утра до ночи, оставляя их полунагих под утренней и вечерней стужей, бурей и грозой и не давая им другой пищи, кроме полусгнивших хлебцев... Индейцы проводят ночь под открытым небом. Так как жалование выплачивается им к концу периода насильственного найма, то они не имеют средств купить нужную им теплую одежду. Неудивительно, что при таких условиях работы у энкомендеров труд чрезвычайно истощает индейцев, и в этом можно усмотреть одну из причин их быстрого вымирания»¹. Эта система принудительного наемного труда была законодательным путем официально введена испанским правительством в начале XVII в. Закон мотивирует это тем, что индейцы не хотят добровольно работать и что без них, даже при наличии негров, работа в горных копиях не может производиться. Индейские деревни обязываются поэтому поставлять необходимое число рабочих (в Перу 7-ю часть, а в Новой Испании 4% всего населения). Эти рабочие отдаются на милость и немилость энкомендеров. Ужасные последствия этой системы вскоре обнаружились. В одной из анонимных записок, представленной Филиппу IV и озаглавленной: «Отчет об опасном состоянии королевства Чили в светском и духовном отношении», сообщается следующее: «Известной причиной быстрого уменьшения числа туземцев является система принуждения их к работам в рудниках и обработке земель энкомендеров. Хотя испанцы и располагают громадным числом негров, хотя они обложили индейцев несравненно большими налогами против тех, которые они платили своим старейшинам до завоевания, тем не менее они не считают возможным освободить их от системы принудительного труда»². Вследствие принудительных работ индейцы часто оказывались не в состоянии обрабатывать свои поля, что опять-таки давало испанцам повод присваивать себе эти земли как «заброшенные». Разрушение индейского сель-

¹ Zurita, XI, S. 295, цитировано по Ковалевский, [Общинное землевладение...], стр. 65].

² Цитировано по Ковалевский, [Общинное землевладение...], стр. 66].

ского хозяйства создало благоприятную почву для ростовщичества. «При своих туземных властелинах, — говорит Зурита, — индейцы не знали ростовщиков». Испанцы заставили их познакомиться с этими последствиями денежного хозяйства и дали им основательно почувствовать налоговое бремя. Обремененные долгами земли индейцев, поскольку они не были расхищены испанцами, массами переходили в руки испанских капиталистов, причем способ оценки этих земель в свою очередь составляет особую главу глубокой подлости европейцев. Земельный грабёж, налоги, принудительный труд и ростовщичество, вместе взятые, подрывали существование индейской общины. Распад хозяйственной основы общинного сельского хозяйства разрушил традиционный общественный порядок и крепкие социальные узы, соединявшие индейцев. С другой стороны, испанцы всячески подрывали их разрушением всех традиционных авторитетов. Старейшины племен и деревень должны были утверждаться в своих должностях энкомендерами, которым это нужно было для того, чтобы замещать эти должности своими ставленниками и самыми низкими лицами из среды индейского общества. Излюбленным средством испанцев было также систематическое возбуждение индейцев против их вождей. Под предлогом христианского попечения о туземцах, с целью освобождения их от эксплуатации вождей, испанцы освободили индейцев от традиционных налогов их вождям. «Испанцы, — говорит Зурита, — утверждают, что старейшины племенобирают последние, но они сами несут ответственность за эти вымогательства, так как они и никто другой лишили прежних старейшин их положения и заменили их новыми из числа своих ставленников»¹. В то же время они провоцировали мятежи, когда старейшины деревень и племен протестовали против незаконной продажи земли отдельных членов марки испанцам. Результатом этого являлись хронические бунты, бесконечная цепь судебных процессов о незаконной продаже земель самими туземцами. К разрухе, голоду и рабству присоединилась еще анархия, окончательно превратившая жизнь индейцев в ад.

Итог этой испанско-христианской опеки можно выразить двумя словами: переход земли в руки испанцев и

¹ *Zurita*, S. 87, цитировано по *Ковалевский*, [Общинное земле-
владение. ., стр. 69].

вымирание индейцев. «Во всех испанских владениях в Индии, — говорит Зурита, — туземные племена в действительности или совершенно исчезают, или становятся малочисленными, хотя некоторые лица решаются утверждать противное. Туземцы оставляют свои жилища и земли, не имеющие для них ценности, ввиду обложения их непомерными натуральными и денежными платежами; они переселяются в другие страны, переходя беспрестанно из одной местности в другую, или скрываются в лесах, под опасением рано или поздно сделаться добычей диких животных. Многие кончают жизнь самоубийством, как я сам имел случай не раз убедиться в том из личных наблюдений и расспросов местных жителей»¹. Пятьдесят лет спустя другой видный испанский чиновник в Перу, Хуан Ортер де Сервантес, писал в своем отчете: «Туземное население в испанских колониях становится все реже и реже; оно покидает свои прежние жилища, оставляет землю без обработки, так что испанцы лишь с трудом могут найти нужное им число земледельцев и пастухов. Так называемые митайос, племя, без которого производство раскопок в золотых и серебряных рудниках становится невозможным, или совершенно покидают населенные испанцами города, или, оставаясь в них, вымирают с изумительной быстротой»².

Нужно поражаться поистине фантастической выдержке индейского народа и устойчивости их общинных учреждений, если принять во внимание, что остатки их уцелели вплоть до XIX в., вопреки режиму испанцев.

В крупнейшей английской колонии, Индии, судьба древнего общинного союза рисуется с новой стороны. Здесь лучше, чем в каком бы то ни было уголке земного шара, можно изучать образцы самых различных форм землевладения; здесь, как на карте звездного неба Гершеля, спроектирована на плоскости история тысячелетий. В Индии можно было еще несколько десятков лет назад встретить вполне сохранившуюся деревенскую общину рядом с родовой, периодические переделы рав-

¹ Zurita, S. 341.

² «Memorial que presenta a su Magestad el licenciado Juan Orter de Cervantes Abogado y Procurador general del Rlyno del Peru y encomenderos, sobre pedir remedio del danno y disminucion des los indios». Anno MDCXIX (1619), цитировано по Ковалевский, [Общинное землевладение..., стр. 61].

ных земельных участков наряду с пожизненным владением различными по величине участками, общественную обработку земли наряду с частным хозяйством, равноправие всех деревенских жителей в области общинного землевладения наряду с привилегиями отдельных групп и, наконец, рядом со всеми этими формами общественного владения, чистую частную собственность на землю в виде крестьянских карликовых хозяйств, краткосрочных аренд и огромных латифундий. О древности существования общины в Индии свидетельствуют индийские юридические источники, как, напр., самое старое обычное право — *М а н у*, кодифицированное в IX в. до нашей эры и содержащее многочисленные постановления о пограничных спорах между отдельными общинами из-за неразделенной земли и о заселении неразделенных земель старых общин новыми деревнями — дочерьями. Этот источник признает лишь собственность на землю, основанную на личном труде, и рассматривает ремесло как побочное занятие при сельском хозяйстве; оно стремится ограничить экономическую мощь браминов, т. е. священников, разрешая им иметь лишь движимое имущество. Позднейшие туземные князья, раджи, здесь фигурируют еще как выборные старейшины племен. Две более поздние книги законов, *Jadschnawalkja* и *Narada*, составленные в V веке, признают родовой союз общественной организацией, а политическая власть и судопроизводство сосредоточены в это время в руках собрания общинников. Последние солидарно отвечают за проступки и преступления каждого товарища по общине в отдельности. Во главе деревни стоит избранный старейшина марки. Обе книги законов рекомендуют избирать на эту должность лучших, наиболее миролюбивых и наиболее справедливых членов общины и оказывать им безусловное повиновение. Книга *Narada* различает уже два типа общинных союзов: общину «родственников», т. е. родовой союз, и общину «совместно живущих», т. е. соседскую общину, как местный союз людей, не связанных кровным родством. Обе книги опять-таки признают собственность лишь на основе личного труда: покинутая земля принадлежит тому, кто желает ее обработать, а неправомерное владение не признается даже после трех поколений, если оно не связано с личной обработкой данного участка. До сих пор мы наблюдаем, следова-

тельно, у индийцев те же примитивные общественные и хозяйственные отношения, в которых они жили в области Инда в течение тысячелетий и впоследствии в эпоху героического завоевания области Ганга. В это время и зародился могучий народный эпос Рамаяна и Махабхарата. Лишь появившиеся впоследствии комментарии к старым книгам законов, всегда являющиеся характерным симптомом глубоких социальных изменений и вытекающие из стремления приспособить старые правовые нормы к новым интересам, свидетельствуют о том, что индийское общество за период до XIV в — эпохи деятельности комментаторов — пережило в своей социальной структуре глубокий сдвиг. Надо заметить, что тем временем возникла влиятельная каста священников, которая в материальном и правовом отношении заметно поднялась над крестьянской массой. Комментаторы стремятся так «истолковать» ясный язык старых правовых книг, — наподобие того, как это делают их христианские коллеги на феодальном Западе, — чтобы оправдать землевладение священников, содействовать разделу общинных земель путем дарения земли браминам и усиления их землевладения за счет крестьянства. Этот процесс был типичен для судьбы всех восточных обществ.

Насущным вопросом для всякого более или менее развитого сельского хозяйства в обширных областях Востока является искусственное орошение¹. И мы уже в раннюю пору находим как в Индии, так и в Египте великолепную оросительную сеть, каналы, колодцы и планомерное приспособление сельского хозяйства к периодическим наводнениям. Все эти обширные предприятия были не по силам отдельным общинам и выходили за пределы их инициативы и хозяйственного плана. Для руководства ими и проведения их необходим был авторитет, распространявшийся за пределы отдельных деревенских общин и их рабочей силы и сосредоточивавший в своих руках единство организации; для этого требовалось также большее знание законов природы, чем это было доступно полю наблюдения и опыту замкнутой в

¹ Замечание в рукописи: 1) проведение каналов (разделение труда) — несмотря на это — община; 2) различные типы общины (Ковалевский); 3) все это сохранилось, несмотря на завоевателей. Магометанский феодализм; 4) англичане!

своих деревнях крестьянской массы. Из этих потребностей вытекала важная функция священников на Востоке, занимавшихся, в соответствии с характером их религии, наблюдением природы и получивших возможность, благодаря тому, что они на определенной ступени развития были освобождены от непосредственного участия в сельскохозяйственных работах, наилучшим образом руководить большими общественными оросительными предприятиями. Из этой чисто хозяйственной функции со временем, естественно, возникла особенная социальная мощь священников, и благодаря специализации одной части общества, вытекавшей из разделения труда, выросла наследственная замкнутая каста, обладавшая привилегиями по отношению к крестьянству и стремившаяся его эксплуатировать.

Как быстро и насколько далеко заходил этот процесс у того или иного народа, — оставался ли он в начальной стадии, как у перуанских индейцев, или переходил в настоящее государственное господство духовенства, в теократию, как в Египте или у древних евреев, — зависело в каждом отдельном случае от особых географических и исторических условий, особенно же от того, часто ли имели место военные столкновения с соседними народами. В последнем случае, наряду с кастой священников возникала мощная военная каста, которая в качестве военного дворянства конкурировала с духовенством. Во всяком случае опять-таки узкая обособленность старой коммунистической марки, ее неприспособленность к проведению крупных хозяйственных и политических задач приводили к тому, что она должна была подчиняться силам, вне ее стоявшим, перенимавшим выполнение этих функций. Именно в этих функциях нужно искать ключ к политическому подчинению и хозяйственной эксплуатации крестьянской массы: мы видим, что все варвары, завоевавшие Восток, будь то монголы, персы или арабы, всегда брали в свои руки в завоеванной стране не только военную власть, но и руководство и создание тех крупных общественных предприятий, которые являлись насущной необходимостью для сельского хозяйства. Точно так же, как инки в Перу взяли на себя верховное наблюдение за всеми сооружениями искусственного орошения, за проведением дорог и постройкой мостов, рассматривая это не только как свою привиле-

гию, но и как свою обязанность, так и деспотические династии, в течение столетий сменявшиеся в Индии, считали нужным взять на себя этот труд. И вопреки образованию каст, вопреки чужеземному деспотическому господству, подчинившему себе всю страну, вопреки, наконец, политическим переворотам, тихая деревня продолжала в недрах индийского общества влачить свое скромное существование. А внутри каждой деревни господствовали древние традиционные нормы общинного союза, проделывавшие под покровом бурных политических событий собственную тихую и незаметную внутреннюю историю, отбрасывая старые формы, принимая новые, попеременно переживая периоды распада и расцвета, разрушений и новых образований. Никакой летописец не отмечал этих процессов, и в то время как мировая история описывает смелый поход Александра из Македонии к истокам Инда, и в то время как она заполнена шумом походов кровавого Тамерлана и его монголов, она совершенно умалчивает о внутренней хозяйственной истории индийского народа. Лишь по остаткам старых наслоений этой истории мы можем восстановить приблизительную схему развития индийской общины, и заслуга Ковалевского в том, что он выполнил эту важную научную задачу. На основании исследований Ковалевского можно расположить типы сельских общин, которые можно было наблюдать еще в середине XIX в. в Индии, в следующей исторической последовательности:

1. Самой старой формой является чисто родовая община, охватывающая совокупность всех кровных родственников одного рода, сообща владеющая землей и сообща ее обрабатывающая. Здесь даже пахня составляет общее владение, и распределяется лишь жатва, сохраняемая в общих деревенских амбарах. Этот примитивный тип деревенской общины уцелел лишь в немногих областях северной Индии. Население ее большею частью ограничивалось лишь несколькими ветвями («putti») старых родов. Ковалевский усматривает в этом, по аналогии с «задругой» в Боснии и Герцеговине, продукт распада первоначального кровного родства. С течением времени, вследствие роста населения, кровные родственники раскалываются на отдельные большие семьи, выделяя при этом свои земельные участки. Еще в середине прошлого столетия можно было встретить де-

ревенские общины этого типа, некоторые из которых состояли из 150, а другие — из 400 членов. Преобладал, однако, тип мелких деревенских общин, которые лишь в исключительных случаях, как, например, при продаже земельного владения, объединялись в более крупные родственные группы в пределах старого рода. Обычно они вели замкнутое, регулируемое строгими правилами существование, которое Маркс в своем «Капитале» рисует, на основании английских источников¹, следующим образом:

«Первобытные мелкие индийские общины, сохранившиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины дает готовый план и схему производства. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до нескольких тысяч акров. Главная масса продукта производится для непосредственного потребления самой общины, а не в качестве товара, и потому само производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое опосредствуется обменом товаров. Только избыток продукта превращается в товар, и притом в значительной своей части лишь в руках государства, к которому с незапамятных времен притекает определенное количество продукта в виде натуральной ренты. В различных частях Индии встречаются различные формы общин. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно, причем продукт разделяется между отдельными членами, тогда, как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно как домашним побочным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского начальника и сборщика податей; бухгалтера, ведущего счет земледельческим операциям, кадастрирующего и регистрирующего все, сюда относящееся; третьего чиновника, преследующего преступников и охраняющего иностранных путешественников и сопровождающего их от деревни до деревни; пограничника,

¹ Замечание в рукописи: James Mill!

охраняющего границы общины от посягательства соседних общин; надзирателя за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, на песке обучающего детей общины читать и писать; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготавливают и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготавливающего посуду для всей деревни; цирюльника; прачечника, моющего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта, который в одних общинах существует вместо серебряных дел мастера, а в других — вместо школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины. Если население возрастает, на невозделанной земле основывается новая община по образцу старой. Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его невысказано, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д. Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непреложной властью закона природы: каждый отдельный ремесленник, напр., кузнец и т. д. выполняет все относящиеся к его профессии операции строго установленным традиционным способом и, однако, совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакого авторитета в пределах мастерской. Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики»¹.

¹ К Маркс, Капитал, т. I, стр. 364—366

2. Ко времени английского завоевания первоначальная родовая община с неразделенной землей уже распалась. На ее развалинах возникла новая форма: община на родственных началах и с разделенной землею, но с семейными участками не равной, а разной величины, размер которых точно зависел от степени родства данного владельца с родоначальником. Эта форма была очень распространена в северо-западной Индии и в Пенджабе. Участки распределялись здесь не пожизненно и не переходили по наследству, а оставались во владении данной семьи до тех пор, пока прирост населения или приток временно отсутствовавших родственников не делал необходимым новое перераспределение. Часто, однако, новые притязания удовлетворялись не путем общего передела, а путем наделения из необработанной земли общины. Таким образом семейные наделы фактически остаются пожизненно в одних руках и даже переходят в наследство, хотя юридически это не допускается. Наряду с этой неравномерно распределенной пашней леса, болота, луга и необработанные земли остаются в общем владении всех семейств, которые сообща ими пользуются. Эта своеобразная коммунистическая организация, основанная на неравенстве, с течением времени приходит в конфликт с новыми интересами. С каждым последующим поколением все больше затрудняется определение степени родства каждого в отдельности, традиции кровных уз ослабевают, и неравномерность земельных наделов вызывает недовольство обойденных. С другой стороны, во многих местностях неизбежно происходит смешение населения вследствие ухода части родственников, а также вследствие войн и истребления другой части оседлого населения и поселения новых пришельцев. Итак, вопреки кажущейся неподвижности и неизменчивости условий, намечаются новшества. Вся земля распределяется на участки по качеству («wund»), и каждая семья получает отдельные полосы как в лучшем орошаемых участках («sholgura» от shola — дергать побеги), так и в худших («culmee»). До английского завоевания переделы не носили периодического характера, а имели место лишь в тех случаях, когда естественный прирост населения вызывал фактическое неравенство в экономическом положении отдельных семейств. Особенно это имело место в тех общинах, которые располагали большим запасом

пригодных земель В маленьких общинах пределы имели место каждые 10, 8, 5 лет, а часто и ежегодно. Последнее встречалось особенно там, где недостаток хороших земель делал невозможным равномерное распределение ее между членами общины и где лишь путем попеременного пользования различными участками восстанавливалась уравнительная справедливость Таким образом, индийская родовая община приходит в результате своего распада к той форме, которая исторически является исходным пунктом первобытной германской марки.

В Британской Индии и Америке¹ мы познакомились с двумя классическими примерами трагического конца старой коммунистической хозяйственной организации и ее отчаянной борьбы с европейским капитализмом. Картина изменчивой судьбы общинного союза была бы неполной, если бы мы в заключение не остановились на замечательном примере другой страны, где история как будто сложилась иначе, а именно, где государство не только не стремилось насильно разрушить общественное землевладение крестьян, а, наоборот, всеми силами старалось спасти и сохранить его. Речь идет о царской России.

Мы не будем здесь касаться того большого теоретического спора о происхождении русской крестьянской общины, который велся в течение десятилетий. Было естественно и вполне соответствует общему направлению теперешней буржуазной науки, враждебной первобытному коммунизму, что «открытие» русского профессора Чичерина в 1858 г., согласно которому земельная община в России вовсе не является естественным историческим продуктом, а явилась лишь искусственным следствием фискальной политики царизма, встретило у германских ученых всеобщее одобрение². Чичерин дает нам новое доказательство того, что либеральные ученые в качестве историков еще менее пригодны, нежели их реакционные коллеги В то время как и в Западной Европе

¹ В рукописи *P. J.* значится «Алжире», очевидно, это описка — (Ред.)

² Новое издание «Handwörterbuch» Плеханов и русская социал-демократия. С другой стороны, Энгельс в статьях на международные темы в газ «Volksstaat» Эдуард Мейер.

со времени Маурера окончательно оставлена теория так называемого индивидуального расселения, в результате которого лишь в XVI и XVII вв. якобы возникли общины, Чичерин принимает для России эту гипотезу. При этом Чичерин выводит общинную обработку и обязательный севооборот из чересполосицы наделов, общинное землевладение — из пограничных споров, общественно-правовые функции общины — из круговой поруки за подушный налог, введенный в XVI в., — одним словом, он весьма либерально ставит вверх ногами всю цепь исторических событий, причины и следствия.

Но какого бы мнения ни придерживаться относительно происхождения крестьянской общины в России и ее давности, во всяком случае надо признать, что она сохранилась в течение всей длинной истории крепостничества и даже после отмены его вплоть до последнего времени. Здесь нас интересуют лишь ее судьбы в XIX в.

Когда царь Александр II проводил свое так называемое «освобождение крестьян», помещики продали крестьянам, совсем по прусскому образцу, их собственную землю. Помещики получили при этом от казны за самую худшую землю, им якобы принадлежавшую, большой выкуп в ценных бумагах, на крестьян же за эту «пожалованную» землю был возложен долг в размере [900 млн. руб.], который должен был быть возвращен казне из 6% выкупными платежами в течение 49 лет. Но эта земля не была предоставлена отдельным крестьянским семьям в частную собственность, как в Пруссии, а дана была целым общинам в общественное владение без права продажи и залога ее. На общину возлагалась круговая порука за выкупные платежи и все налоги, но она была при этом свободна в распределении налогов между отдельными членами. Такие порядки были введены на крестьянских землях необъятной Великороссии. В начале 90-х годов все землевладение в Европейской России (кроме Польши, Финляндии и области Войска Донского) распределялось следующим образом: казенные земли, состоявшие главным образом из огромных лесных пространств севера и пустошей, охватывали 150 млн. десятин, удельные земли — 7 млн. десятин, монастырские и городские земли — не менее 9 млн. десятин; частное землевладение составляло 93 млн. десятин, из которых лишь 5% принадлежало крестьянам, а все

остальное дворянству; 131 млн. десятин находился в общинном владении крестьян. Еще в 1900 г. 122 млн. гектаров в России принадлежали крестьянским общинам и лишь 22 млн. находились в частном владении крестьян.

Если присмотреться к хозяйству русского крестьянства на этой огромной площади, как оно велось до недавнего времени, а отчасти еще и теперь, то в нем легко можно узнать типичные черты общинного союза, какие можно было во все времена наблюдать как в Германии, так и в Африке, как у берегов Ганга, так и в Перу. Пашня была разделена, между тем как лес, луга и воды представляли из себя общее владение (альменду). При всеобщем преобладании примитивной трехпольной системы как яровые, так и озимые поля делились по качеству земли на участки («карты»), а участки — на отдельные полосы. Яровые участки распределялись обычно в апреле, а озимые — в июне. Вследствие тщательного соблюдения равномерного распределения земли чересполосица так развилась, что в Московской губ., например, яровое и озимое поля распадалось в среднем на 11 участков, так что каждый крестьянин должен был обрабатывать, по крайней мере, 22 разбросанных полосы. Община обычно выделяла участки, которые обрабатывались для чрезвычайных нужд общины, или же она устраивала для той же цели запасные амбары, куда отдельные члены вносили зерно. Забота о техническом прогрессе хозяйства сводилась к тому, что каждая крестьянская семья могла пользоваться в течение 10 лет своим наделом с обязательством его удобрять, или же в каждом участке предварительно выделялись полосы, которые удобрялись и распределялись лишь раз в 10 лет. Такому же порядку подлежали, большей частью, льняные поля, сады и огороды.

Община, т. е. сельский сход, распределяла луга и выгоны для общинных стад, нанимала пастухов, строила изгороди, организовывала охрану полей, устанавливала систему обработки, сроки отдельных полевых работ, сроки и способ переделов. Что касается частоты переделов, то тут наблюдалось большое разнообразие. В одной Саратовской губ., например, в 1877 г. из 278 обследованных деревень почти половина производила передел ежегодно, а остальная половина — каждые 2, 3, 5, 6, 8

и 11 лет, в то время как 38 общин, применявших удобрение, вовсе не производили переделов¹.

Самое замечательное в русской сельской общине это — способ распределения земли. Здесь господствовал не принцип равных наделов по жребию, как у древних германцев, и не принцип размеров потребностей данной семьи, как у перуанцев, а единственно лишь принцип податной способности. Налоговые интересы казны определяли со времени «освобождения крестьян» всю жизнь деревенской общины, вокруг податей вращалось все устройство деревни. Основой для податного обложения для царского правительства служили так называемые «ревизские души», т. е. все мужское население общины без различия возраста, как оно устанавливалось каждые 20 лет, со времени первой крестьянской переписи при Петре Великом, путем знаменитых «ревизий», вызывавших ужас в русском народе и служивших причиной того, что разбегались целые деревни².

Правительство облагало деревни по числу «ревизских душ», община же раскладывала этот общий налог по крестьянским дворам соответственно рабочей силе. И по податной способности, исчисленной таким образом, производилось распределение наделов по дворам. Таким образом с 1861 года земельный надел в России рассматривался не как основа пропитания крестьянина, а как база податного обложения: надел не был благом, на которое отдельный крестьянин мог претендовать, а скорее обязанностью, которую община в порядке государственной службы возлагала на крестьянина.

Нет ничего поэтому более оригинального, как распределение земли сельским сходом в России. Со всех сторон можно было слышать протесты против слишком

¹ Трирогов, Община и подать, СПб, 1882, стр. 49.

² Первая «ревизия», проведенная по указу Петра I в 1719 г., была организована как своего рода карательная экспедиция во вражескую страну. Войску было приказано заковывать в железо нерадивых губернаторов и держать их под арестом, в их собственных канцеляриях до тех пор, «пока они не исправятся». Те попы, которым поручено было составление крестьянских списков и которые при этом утаивали «души», лишались своей должности «и подвергались беспощадным телесным наказаниям, после чего они заключались в тюрьму, от чего не были избавлены даже старики». Кто заподозривался в утайке «душ», тот подвергался пытке. Последующие «ревизии» еще долго проводились так же кровопролитно, хотя суровость их постепенно умерялась.

больших наделов; бедные семьи без надлежащей рабочей силы, с преобладанием женских и малолетних членов, ввиду «беспомощности», в порядке милости, вообще освобождались от надела, богатых же крестьян беднейшая масса крестьянства заставляла брать самые крупные наделы. Податное бремя, стоявшее в центре русской деревенской жизни, было исключительно велико. К выкупным платежам присоединялись: подушный налог, общинный налог, церковный налог, соляной налог и т. д. В 80-х годах подушный и соляной налоги были отменены, но, несмотря на это, податное бремя было так велико, что оно поглощало все хозяйственные средства крестьянства. Согласно статистическим данным 90-х годов, 70% крестьянства извлекали из своих наделов меньше прожиточного минимума, 20% были в состоянии прокармливать себя, но не имели возможности содержать скот, и лишь около 9% крестьян извлекало излишек сверх собственных потребностей и продавало его. Вот почему после «освобождения крестьян» податные недоимки стали постоянным явлением в русской деревне. Уже в 70-х годах оказалось, что при среднем годовом поступлении подушного налога в 50 млн. руб. годовая сумма недоимок составляла не менее 11 млн. После отмены подушного налога нищета русской деревни еще возросла благодаря тому, что одновременно с этим, начиная с 80-х годов, были чрезвычайно повышены косвенные налоги. В 1904 г. податные недоимки составляли 127 млн. руб. и ввиду полной невозможности их сбора и революционного брожения были сложены. Налоги не только поглощали почти весь доход крестьянского хозяйства, но вынуждали крестьян искать побочных заработков. С одной стороны, ими являлись сезонные полевые работы, которые и теперь еще во время жатвы вызывают в центральной России настоящее переселение народов, причем самые сильные мужчины из деревни отправляются в помещичьи усадьбы и нанимаются здесь в поденные рабочие, между тем как их собственные крохотные полосы обрабатываются слабыми силами стариков, женщин и подростков. С другой стороны, их манили к себе город и фабричная промышленность. Таким образом, в центральном промышленном районе образовались группы сезонных рабочих, которые к зиме уходили в города, направляясь главным образом на текстильные

фабрики, чтобы весною к полевым работам вернуться с заработком в деревню. И, наконец, во многих местностях возникали кустарные промыслы или случайные сельскохозяйственные дополнительные промыслы, как извоз и пилка дров. И при всем том большая масса русского крестьянства влачила жалкое существование. Не только плоды земледелия, но и весь побочный промышленный доход поглощался налогами. Крестьянский мир, связанный круговой порукой в отношении налогов, был наделен государством самыми строгими полномочиями по отношению к отдельным членам. Так, например, мир мог отправлять недоимщиков на наемные работы и конфисковать их заработки; он мог также отказывать своим членам в выдаче паспорта, без которого крестьянин не мог ступить шагу из деревни. Кроме того, мир мог подвергать телесному наказанию упорных недоимщиков. И русская деревня на огромном пространстве центральной России представляла время от времени любопытную картину. При прибытии налоговых экзекуторов в деревне начиналась процедура, для которой царская Россия изобрела технический термин «выколачивание недоимок». Собирался сельский сход, «недоимщики» должны были снять штаны, лечь на скамью, после чего прочие члены общины по очереди секли их розгами до крови. Стоны и громкий плач высеченных, в том числе бородатых отцов семейств и убеленных сединами старцев, неслись вслед начальству, которое, после содеянных подвигов, мчалось на тройках с колокольчиками в другую деревню, чтобы там проделать то же самое. Нередко крестьяне спасались от публичной экзекуции самоубийством. Не менее оригинальным последствием этих условий было так называемое «налоговое нищенство»: старые обедневшие крестьяне отправлялись с сумой по миру, чтобы собрать и принести деньги для уплаты налогов. Эту общину, превращенную в пресс для выжимания налогов, государство строго охраняло. Закон 1881 г. гласит, например, что целые общины могут продавать крестьянскую землю лишь в тех случаях, когда это постановлено двумя третями крестьянских голосов, причем требовалось еще согласие министров внутренних дел, финансов и уделов. Отдельные крестьяне могли продавать даже свои собственные наследственные участки лишь членам своей общины. Крестьянам было запрещено свои земли

закладывать под ипотеку. При Александре III деревенская община лишилась совершенно своей автономии и была отдана под надзор земских начальников, напоминающих прусских ландратов. Все постановления сельского схода должны были получить утверждение со стороны этих чиновников. Земельные переделы производились под их контролем, равно как и налоговое обложение и сбор податей. Закон 1893 г. делает частичную уступку духу времени и разрешает переделы лишь раз в 12 лет. Но в то же время для выхода из общины требуется ее согласие, и предварительным условием его является выплата той части выкупных платежей, которая падает на долю выбывающего.

Вопреки всем этим искусственным законодательным рамкам, в которые была втиснута деревенская община, вопреки опеке трех министерств и целого сонма чиновников, нельзя было удержать распада общины. Тяжелое бремя налогов, развал крестьянского хозяйства вследствие побочных сельскохозяйственных и отхожих промыслов, недостаток земли, особенно пастбищ и леса, которые дворянство при освобождении крестьян большей частью захватило себе, и, наконец, недостаток земли для обработки ввиду прироста населения, — все это вызвало в жизни деревенской общины важные явления двоякого рода: бегство в город и появление ростовщичества в самой деревне. Поскольку земельный надел вместе с промышленным или другим побочным доходом должны были служить лишь средством для покрытия налогов, причем крестьянин в действительности не был в состоянии достигнуть хотя бы этого, не говоря уже об удовлетворении своих даже самых насущнейших потребностей, — пребывание в общине обратилось для него в железные оковы, голодную цепь, повисшую на его шее. Избавление от этой цепи стало естественным стремлением беднейшей массы членов общины. Сотни беглецов вылавливались полицией как беспаспортные бродяги и возвращались в общину, где они для примера другим подвергались своими сообщниками сечению розгами на лавке. Но розги и паспортная система оказались бессильными против массового бегства крестьян, которые темной ночью удирали из ада своего «деревенского коммунизма» в город, чтобы окончательно раствориться здесь в море промышленного пролетариата. Другие, ко-

торым семейные связи и прочие обстоятельства не позволяли бежать, пытались законным путем добиться выхода из сельской общины. Но для этого необходимо было погасить выкупной долг. И тут выручал ростовщик. Уже само бремя налогов и необходимость для их уплаты продавать зерно на самых невыгодных условиях очень рано толкнули русского крестьянина в объятия ростовщика. Периодическая нужда, неурожай неизменно вынуждали обращаться к ростовщику. И, наконец, самый выход из-под ярма общины в большинстве случаев был возможен лишь в том случае, если крестьянин надевал на себя ярмо ростовщика, обязуясь на неопределенный срок выплачивать ему дань или работать на него. В то время как бедные крестьяне стремились уйти из общины, чтобы избавиться от нищеты, богатые крестьяне уходили из нее, чтобы избавиться от круговой поруки за непоступление налогов от бедных крестьян. Но и в тех случаях, когда богатые крестьяне формально не выходили из общины, из них-то большею частью и рекрутировались деревенские ростовщики. Они образовывали сплоченную влиятельную группу на деревенском сходе и, пользуясь тем, что бедняки им задолжали и от них зависели, заставляли их на сходах голосовать согласно желанию богатых. Так в лоне деревенской общины, формально основанной на равенстве и общественном землевладении, ясно наметилось классовое расслоение; малочисленной, но влиятельной деревенской буржуазии противостояла зависимая и фактически пролетаризованная крестьянская масса. И, наконец, внутренний распад общины, задавленной налогами, разъединенной ростовщицеством, внутренне расколовшейся, обнаружился и во вне. Голод и крестьянские бунты стали в 80-х годах в России периодическим явлением, беспощадно охватывающим внутренние губернии и имевшим неизбежным последствием суровые экзекуции и военные «усмирения» деревни. Русская деревня стала ареной ужасного голодного вымирания и кровавых расправ. Русский мужик испытывал горькую участь индийского крестьянина, с той лишь разницей, что вместо Ориссы местом действия здесь являлись Саратовская, Самарская и прочие приволжские губернии ¹.

¹ *Парвус и Леман. Голодающая Россия.*

Когда в 1904—1905 гг. в России разразилась, наконец, революция городского пролетариата, до того совершенно хаотические крестьянские беспорядки впервые всей своей тяжестью, как политический фактор, легли на весы революции, и аграрный вопрос стал ее центральной проблемой¹. Теперь, когда крестьянское движение с требованием земли огненной лавой залило дворянские поместья, сжигая «дворянские гнезда», когда рабочая партия сформулировала нужды крестьянства, выставив революционные требования экспроприации государственных и частновладельческих земель и безвозмездной передачи их крестьянам, — теперь лишь царизм отказался, наконец, от своей аграрной политики, которую он с железным упорством проводил в течение столетий.

Общину нельзя было спасти от гибели; надо было от нее отказаться. Уже в 1902 г. пришлось отказаться от основы деревенской общины в ее специфической русской форме, а именно пришлось отменить круговую поруку за налоги. Правда, это мероприятие подготовлялось развитием финансового хозяйства самого царизма. Казна могла легко отказаться от круговой поруки за прямые налоги, после того как косвенные налоги достигли небывалых размеров. Так, например, в бюджете 1906 г. при обыкновенном доходе в размере 2030 млн. руб., лишь 148 млн. поступили от прямых, а 1100 млн. руб. — от косвенных налогов, из которых 558 млн. падало на одну лишь винную монополию, которая была введена «либеральным» министром Витте для борьбы с алкоголизмом. За аккуратное поступление этого налога самой надежной круговой порукой являлись нищета, безнадежность положения и невежество крестьянской массы. В 1905—1906 гг. оставшаяся часть выкупных платежей была вдвое понижена, а в 1907 г. совсем сложена. И «аграрная реформа» 1907 г. открыто ставит себе целью создание мелкой крестьянской частной собственности; средством к этому должно было послужить раз-

¹ Характеризуя революцию 1904—1905 гг., Роза Люксембург неточно называет ее «революцией городского пролетариата». В действительности, это была буржуазно-демократическая революция, в которой наряду с городским пролетариатом принимал участие сельский пролетариат и крестьянство, боровшееся против помещиков и самодержавия. — *Ред.*

деление государственных и удельных земель и части крупного землевладения на мелкие участки.¹

Так пролетарская революция XX в. даже в ее первой, незаконченной фазе сразу ликвидировала последние остатки как крепостничества, так и искусственно сохранившейся царизмом сельской общины.

II

Русская община завершает собой изменчивые судьбы первобытного аграрного коммунизма, и ею круг и замыкается. Зародившись как естественный продукт общественного развития, как наилучшая гарантия экономического прогресса, материального и духовного процветания общества, сельская община кончает здесь свое развитие в качестве орудия злоупотребления политической и хозяйственной отсталостью. Тот факт, что русский крестьянин в угоду царскому абсолютизму подвергался своими сообщниками телесным наказаниям розгами, является самой жестокой исторической критикой узких рамок первобытного коммунизма и самым наглядным выражением того, что и эта общественная форма подвержена диалектическому принципу, согласно которому разумное становится бессмыслицей, а благоденствие — мукой.

Два факта прежде всего бросаются в глаза, когда внимательно рассматриваешь судьбу общинного союза в разных странах и в разных частях света. Не являясь ни в какой мере неизменным шаблоном, эта высшая и последняя форма первобытнокоммунистической хозяйственной системы прежде всего поражает своим бесконечным разнообразием, гибкостью и приспособляемостью, выступая в каждой исторической среде в различнейших формах. В каждой среде и при всех условиях она прodelывает внутренний процесс медленного изменения, который именно ввиду своей медленности сперва мало заметен, но который постепенно приводит к тому,

¹ Роза Люксембург неправильно оценивает столыпинскую аграрную реформу, которая якобы «открыто ставит себе целью укрепление мелкой крестьянской частной собственности». В действительности, эта реформа имела целью укрепить кулачество в деревне в качестве опоры самодержавия. — *Ред.*

что внутри общества старые отживающие формы сменяются новыми. При всякой политической надстройке, будь то туземное или чужеземное государственное устройство, общинный союз в своей хозяйственной и социальной жизни непрерывно видоизменяется, возникает и гибнет, развивается и распадается.

В то же время эта общественная форма, именно благодаря своей эластичности и приспособляемости, отличается исключительным упорством и долговечностью. Она сопротивляется всем бурям политической истории или, вернее, пассивно их выносит, дает им пронестись над своей головой и терпеливо, в течение столетий, переносит гнет всякого завоевания, всякого чужеземного господства, любой деспотии и эксплуатации. *Одного* лишь соприкосновения она не переносит и пережить не может, это — соприкосновения с европейской цивилизацией, т. е. с капитализмом. Столкновение с последним повсюду наносит смертельный удар старому обществу, и капитализм достигает того, чего в течение тысячелетий не могли добиться самые дикие восточные завоеватели, а именно — распада всей внутренней социальной структуры, разрыва всех традиционных уз и превращения общества в кратчайший срок в бесформенную грудку обломков.

Но смертоносное дыхание европейского капитализма является лишь последним, но не единственным фактором, который рано или поздно неизменно приводит к гибели первобытного общества. Зародыши этого коренятся во внутреннем устройстве самого этого общества. Если мы окинем взглядом все те пути, которыми оно приходит к гибели, как мы видели на различных примерах, то получается известная историческая последовательность.

Коммунистическое владение средствами производства при строго организованном способе хозяйства на долгое время обеспечивало общине наибольшую производительность труда и давало наилучшую материальную гарантию ее процветания и развития. Но именно этот обеспеченный, хотя и весьма медленный прогресс производительности труда должен был с течением времени притти в конфликт с коммунистической организацией хозяйства. После того как в лоне этой организации совершился решительный шаг по пути сельскохозяйствен-

ного прогресса, а именно переход к обработке плугом, и общинный союз на этой основе прочно оформился, дальнейшее развитие производственной техники и *интенсивной обработки* земли стало необходимостью. Но на тогдашней ступени развития сельскохозяйственной техники этого можно было достичь лишь путем интенсификации мелкого производства и усиления личной связи между работником и землей. Необходимой предпосылкой более заботливой обработки земельного участка являлось более длительное обладание им отдельной крестьянской семьей. В частности удобрение земли как в Германии, так и в России привело к более редким земельным переделам. В общем можно повсюду наблюдать, как общинный союз постепенно удлиняет сроки переделов, что рано или поздно приводит к тому, что надел переходит в наследство. Что переход от общественного к частному земельному владению идет рука об руку с интенсификацией труда, видно из того факта, что леса и пастбища значительно дольше остаются во владении общины (альменда), между тем как более интенсивное земледелие значительно раньше приводит к разделу общинной земли и наследственной передачи земли. С установлением частной собственности на пашню еще не устраняется общая хозяйственная организация, поддерживаемая чересполосицей полей и вынуждаемая совместным владением лесами и выгонами. Точно так же не устранено еще хозяйственное и социальное равенство старого общества. Внутри его сперва создается лишь единообразная масса мелких крестьян, которые в общем живут и работают в течение столетий в одинаковых условиях, согласно прежним традициям. Но наследственная передача земель, связанные с нею майораты, в особенности же право продажи и вообще отчуждения крестьянских владений открывают дорогу будущему неравенству.

Однако этот процесс разрушения традиционной общественной организации протекает весьма медленно. Имеются налицо другие исторические факторы, которые гораздо основательнее и быстрее ведут к этому разрушению; речь идет о тех более широких общественных задачах, с которыми общинный союз ввиду своих тесных рамок не может справиться. Мы видели уже, какое решающее значение для земледелия на востоке имеет искусственное орошение. Достигаемая благодаря послед-

пему интенсификация труда и необычайный рост его производительности привели к значительно более важным последствиям, чем переход к удобрению на западе. Уже проведение искусственного орошения требует организации труда в крупном масштабе. Но общинная организация не располагает соответствующими органами для этого, и создаются специальные органы, стоящие над общиной. Мы знаем уже, что власть касты жрецов и ее исключительное влияние на востоке вытекали из ее руководящей роли в организации орошения. Но и на западе имелись повсюду различные общественные дела, которые, как бы просты они ни были по сравнению с современной государственной организацией, требовали в первобытном обществе специальных органов, а с ростом и развитием его усложнялись еще более. Повсюду: в Германии, как и в Перу, в Индии, как и в Алжире, мы могли установить, как линию развития, — тенденцию к постепенному превращению общественных должностей в первобытном обществе из выборных в наследственные.

Сперва этот переход, совершавшийся медленно и незаметно, не знаменовал еще собой разрыва с основами коммунистического общества. Более того, наследственность общественных должностей как бы естественно вытекала из этого обстоятельства, что здесь, как и во всем устройстве первобытного общества, традиция и лично накопленный опыт лучше всего обеспечивали успешное управление делами. Однако с течением времени наследственность должностей в определенных семьях неминуемо должна была привести к образованию мелкой туземной аристократии, превращавшейся из слуги общества в его господина. Так, например, неразделенные общинные земли у римлян, так называемые *ager publicus*, которые естественно находились в непосредственном ведении общественных властей, весьма содействовали словесному возвышению этого дворянства. К грабежу неразделенных или необрабатываемых общинных земель регулярно прибегали как туземные, так и пришлые властители, поднимаясь над крестьянской массой и политически ее порабощая. Там, где речь шла о замкнутом народе, мало соприкасавшемся с культурным миром, первобытное дворянство мало отличалось в своем образе жизни от широкой массы, непосредственно еще принимало участие в производственном процессе, так что из-

востная демократическая простота нравов еще затухивала имущественные различия. Так, например, якутская родовая аристократия лишь богаче скотом и пользуется большим влиянием в общественной жизни, чем широкая масса. Когда же такой народ вступает в соприкосновение с более цивилизованными народами и начинается более оживленный товарообмен, то вскоре к обычным привилегиям дворянства присоединяются утонченные потребности, а также отвыкание от труда, и происходит действительная сословная дифференциация общества. Типичным примером этого является Греция в послегомеровский период.

Таким образом, разделение труда в первобытном обществе рано или поздно неизбежно приводит к взрыву политического и экономического равенства изнутри. При этом один общественный род деятельности — именно военная деятельность — играет выдающуюся роль и значительно ускоряет этот процесс по сравнению со всеми видами деятельности мирного характера. Являясь сперва делом всего общества, военная деятельность с течением времени, ввиду прогресса производства, становится специальностью определенных кругов первобытного общества. Чем развитее, правильнее и планомернее процесс труда в данном обществе, тем менее он выносит связанное с войной нарушение порядка и расточение времени и сил. Если в период кочевого скотоводства и охотничества военные походы от времени до времени прямо вытекают из хозяйственной системы, то земледелие, связанное с большим миролюбием и пассивностью крестьянской массы, вызывает необходимость создания особого военного сословия, на которое и ложится функция защиты общества. Так или иначе, являясь выражением низкого уровня производительности труда, войны играют у всех древних первобытных народов большую роль и с течением времени повсюду приводят к новому виду разделения труда. Выделение военного дворянства или военных вождей повсюду наносит самый сильный удар социальному равенству первобытного общества. Таким образом, повсюду, где мы наталкиваемся на еще поныне существующие примитивные общества или изучаем их по историческим преданиям, мы совсем не находим той свободы и общего равенства, которые рисует нам Морган на счастливом примере ирокезов. Наоборот, повсюду

неравенство и эксплуатация являются отличительной чертой всех известных нам первобытных обществ, являющихся уже продуктом длительного процесса разложения. И это относится как к господствующим кастам Востока, так и к родовой аристократии якутов, к «начальникам кланов» у шотландских кельтов, к военному дворянству греков, римлян и германцев эпохи переселения народов и, наконец, к маленьким деспотам негритянских государств в Африке. Если мы обратимся, например, к знаменитому государству племени *Muata Kasembe* в центре Южной Африки, в восточной части государства Лунда, в которое португальцы проникли в начале XIX в., то мы даже здесь, в сердце Африки, куда редко проникали европейцы, находим у примитивных негров такого рода общественные отношения, в которых и помину нет о свободе и равенстве членов. Так, например, экспедиция майора Монтейро и капитана Гамитто, проникшая в 1831 г. в эту страну из Замбези с торговыми и исследовательскими целями, рисует нам местные условия следующим образом. Сперва экспедиция прибыла в страну племени марави, занимающегося примитивным мотыжным земледелием, живущего в маленьких конусообразных бревенчатых домиках и носящего в виде одежды лишь кусочек материи вокруг бедер. В то время, когда Монтейро и Гамитто объезжали страну марави, в ней деспотически господствовал вождь, носивший титул «неде». Он разрешал все споры в своей столице Муциенда, и никто не имел права протестовать против его решений. Для формы он собирал совет старейшин, которые, однако, всегда должны были придерживаться его взглядов. Страна распадается на провинции, управляемые так называемыми «мамбос». Провинции распадаются на области, во главе которых стоит «фунос». Все эти должности наследственны. «8 августа экспедиция добралась до резиденции Муканды, самого могущественного начальника племени «чева». Муканда, которому были посланы подарки в виде различных хлопчатобумажных материй, красного сукна, бус, соли и ужовки (каури), прибыл на следующий день в лагерь верхом на негре. Муканда — человек лет 60—70, приятной величественной наружности. Его единственная одежда состояла из грязной тряпки, повязанной вокруг бедер. Он оставался около двух часов и при прощании

в дружеской, но не терпящей отказа форме выпрашивал от каждого подарки... Похороны начальников сопровождаются у «чева» исключительно варварскими церемониями. Все жены покойника запираются с ним в одно помещение, до тех пор, пока все готово для похорон. Затем похоронная процессия направляется к могиле, куда опускается любимая жена покойного и еще семь других жен, которые усаживаются там с вытянутыми ногами. Этот живой постамент покрывается покрывалами, на него опускают труп, а на него кладут еще шесть жен, которым предварительно перерезывают горло. Затем могила закрывается, и потрясающая церемония заканчивается тем, что двух юношей сажают на кол и устанавливают их по бокам могилы, одного с барабаном — в головах, а другого с луком и стрелой — в ногах могилы. Майор Монтейро был во время своего пребывания в стране «чева» очевидцем таких похорон».

Отсюда экспедиция направилась в гору к центру царства. Португальцы прибыли в «возвышенную, пустынную, совершенно лишенную средств продовольствия местность; повсюду видны были следы опустошения предыдущими военными походами, и голод начал в сильной степени угрожать экспедиции. Были отправлены послы с подарками к ближайшему «мамбо» с просьбой о проводниках, но посланные вернулись с печальным известием, что они застали «мамбо» с его семьей умирающим с голоду, покинутым в деревне... Прежде чем успели добраться до центра царства, путешественники имели возможность наблюдать образчик обычного там варварского судопроизводства: нередко попадались по пути молодые люди без ушей, рук, носа и прочих членов, отрезанных им в наказание за ничтожные проступки... 19 ноября последовал, наконец, въезд в столицу, причем осел, на котором ехал капитан Гамитто, немало всех поразил. Вскоре экспедиция въехала на улицу, длинной в три четверти часа пути, огороженную с обеих сторон плетеным забором вышиной в 2-3 метра и устроенным так правильно, что он имел вид стены. По обеим сторонам, на известных расстояниях, виднелись в этих соломенных стенах маленькие открытые двери. В конце улицы находился маленький четырехугольный барак, открытый лишь к западу, в середине которого на деревянном постаменте находилась грубо сделанная из дерева

человеческая фигура в 70 сантиметров вышиной. Перед входом находилась куча из 300 с лишним черепов. В этом месте улица переходила в большую четырехугольную площадь, в конце которой находился большой лес, отделенный от площади лишь забором. На наружной стороне забора, по обеим сторонам ворот и над ними, для украшения приделаны были в одну линию около 30 человеческих черепов... После этого последовал прием у Муаты, который вышел к португальцам со всей варварской пышностью, окруженный всей своей военной силой, состоявшей из 5—6 тысяч человек. Он сидел на покрытом зеленым сукном стуле, который был поставлен на кучу шкур леопардов и львов. Головным убором ему служила ярко-красная конусообразная шапка, сделанная из длинных перьев в полметра длиной. Вокруг лба его вилась диадема из блестящих камней. Шея и плечи его были покрыты чем-то вроде воротника из раковин, четырехугольных зеркальных кусков и фальшивых драгоценных камней. На каждой руке были повязка синего сукна, отделанная мехом, предплечья были, кроме того, украшены браслетами из синих камней. Нижняя часть тела была покрыта желтой материей, окаймленной красным и синим, укрепленной поясом. Ноги были так же, как руки, украшены синими камнями.

Муата гордо восседал под тенью семи пестрых зонтиков, защищавших его от солнца, скипетром служил ему хвост гну; двенадцать негров с метлами в руках были заняты тем, что удаляли каждую пылинку и всякий сор с освященной его присутствием земли. Властелина окружала очень разнообразная свита. Во-первых, его трон охраняли два ряда фигур ростом в 40 сантиметров, в виде изображений негров, украшенных рогами; между этими фигурами была клетка, наполненная более мелкими фигурами. Перед фигурами сидели два негра, сжигавшие ароматные листья на жаровне. На почетном месте сидели две главных его жены, из которых первая была одета точно так же, как сам Муата. Позади выстроился весь гарем, состоявший из 400 жен; дамы эти, если не считать набедренной повязки, были совсем голы. Кроме того, тут же стояли в ожидании приказаний еще 200 черных дам. Внутри четырехугольника, образованного женщинами, на шкурах львов и леопардов сидели высшие сановники государства — килоло, каждый со

своим зонтиком, одетые как Муата; различные оркестры из своеобразных инструментов производили оглушительный шум. Тут же шныряли дворцовые шуты, украшенные рогами и одетые в шкуры, дополняя обстановку. В этом окружении Казембе, столь достойно подготовившись, поджидал прибытия португальцев. Муата является самодержавным властелином этого народа, и титул этот означает просто «господин». Ему подчинены килоло, т. е. дворянство, в свою очередь распадающееся на два класса: к знатнейшим дворянам принадлежат наследник, ближайшие родственники Муаты и главный начальник войска. Но даже жизнью и собственностью этих дворян Муата распоряжается неограниченно.

Когда тиран плохо настроен, он велит отрезать уши тому, кто плохо расслышал его приказ и переспросил, дабы «научить его лучше слышать». Каждая кража из его имущества наказывается отрезанием ушей или рук; кто встречается с кем-либо из его жен или разговаривает с ней, тот подвергается смертной казни или искалечению. Властелин пользуется у этого суеверного народа таким почетом, что по его мнению нельзя прикоснуться к нему без риска умереть от его чар. Но так как не всегда можно избежать такого прикосновения, они придумали средство избавления от этой смерти. Тот, кто прикоснулся к властелину, опускается перед ним на колени, после чего он таинственным образом кладет свою руку на руку коленопреклонного и этим избавляет его от смертоносных своих чар»¹.

Такова картина этого общества, весьма далекого от первоначальных основ всякого первобытного общества, — от равенства и демократии. Это вовсе не означает, однако, что при такой форме политического деспотизма не могли существовать общинные отношения, общественное владение землей и общественно-организованный труд. Португальцы, так тщательно присмотревшиеся к мишурному блеску нарядов и приемов, как все европейцы очень мало смыслили в экономических отношениях, особенно в тех, которые противоречат европейскому понятию частной собственности, и не проявили к ним никакого интереса. Во всяком случае, социальное

¹ *Stanleys und Camerons, Reisen durch Afrika*, [bearbeitet von Richard Oberländer], Leipzig, 1879, S. 68, (74—80).

неравенство и деспотизм первобытных обществ весьма существенно отличаются по крайней мере от тех форм, которые господствуют в цивилизованных обществах и которые были ими привнесены впоследствии в первобытное общество. Возвышение первобытного дворянства и деспотическая власть первобытного вождя в такой же мере представляют естественный продукт развития этого общества, как и все прочие его жизненные условия. Они являются лишь иным выражением той беспомощности по отношению к окружающей природе и собственным общественным отношениям, которую испытывает это общество, — беспомощности, проявляющейся в такой же степени в колдовстве, практикуемом им, как и в периодически наступающих голодовках, от которых деспотические вожди целиком или частично гибнут вместе с подвластной им массой.

Это господство дворянства и вождей находится поэтому в полной гармонии с материальными и духовными условиями жизни общества в тот период. Это видно из того знаменательного факта, что политическая власть первобытных властелинов постоянно самым тесным образом переплетается с первобытной естественной религией и с культом умерших предков. С этой точки зрения властелин лунда-негров Муата-Казембе, которого 14 живых жен сопровождали в могилу и который по собственному капризу решал вопросы жизни и смерти своих подданных, потому что он был убежден в том, что он — могущественный кудесник, в чем его еще более укрепляла непоколебимая уверенность в том народа, или же тот деспотический «князь Кацонго» на реке Ломами, который 40 лет спустя приветствовал англичанина Кamerona в женском платье, украшенном шкурами обезьян, с грязным платком вокруг головы, танцующий вприпрыжку с двумя своими голыми дочерьми, окруженный своей свитой и народом, — эти властелины представляли собой менее абсурдное и смешное явление, чем власть «божьей милостью» одного человека, которого и злейший враг не может заподозрить в колдовстве над 67-миллионным народом, из которого вышли Кант, Гельмгольц и Гете.

Собственное внутреннее развитие первобытного коммунистического общества ведет к неравенству и деспотии. Но оно от этого не разрушается, а способно суще-

ствовать в течение тысячелетий в этих самобытных условиях. Обыкновенно, однако, подобное общество рано или поздно становится предметом чужеземного завоевания и подвергается при этом более или менее далеко идущему социальному преобразованию. Наибольшее исторически важное значение имеет в этом смысле мусульманское владычество, ибо оно в Азии и Африке на больших пространствах предшествовало европейскому. Повсюду, где магометанские кочевые народы, будь то монголы или арабы, проводили и укрепляли свое владычество в завоеванной стране, начинался социальный процесс, который Генри Мэн и Максим Ковалевский характеризуют как *феодализацию* страны. Не завладевая самой землей, эти завоеватели обращали свое внимание на две цели: сбор податей и военное укрепление своего господства в стране. Достижению этих целей служила особенная административно-военная организация, при которой страна делилась на несколько наместничеств, отдававшихся в своего рода лен мусульманским чиновникам, являвшимся одновременно сборщиками налогов и военными начальниками. При этом крупные участки необработанных общинных земель отводились под военные колонии. Это устройство, вместе с распространением ислама, несомненно, вызвало глубокие изменения в общих условиях существования первобытных обществ. Однако их экономические условия при этом мало изменились. Основа и организация производства остались те же самые и не изменялись в течение столетий вопреки эксплуатации и военному гнету. Однако мусульманское владычество далеко не всюду считалось с жизненными условиями туземцев. Так, например, арабы на восточном побережье Африки в широких размерах практиковали вывоз из султаната Занзибар для торговли негритянских рабов. Эта торговля вела к настоящей охоте за рабами во внутренней Африке, вызывала обезлюдение и разрушение целых негритянских поселений, усиливала деспотическую власть туземных вождей, которые видели в продаже арабам своих собственных подданных или подчиненных соседних племен прибыльное для себя дело. Но этот столь глубокий переворот в судьбах африканского общества явился лишь следствием европейского влияния, так как торговля черными рабами начала процветать лишь после открытий и завоеваний европейцев

в XVI в., когда им понадобились рабы для эксплуатации плантаций и рудников в Америке и Азии.

Проникновение европейской цивилизации является во всех отношениях роковым для первобытного общественного устройства. Европейцы являются первыми завоевателями, которые не ограничиваются экономической эксплуатацией и покорением туземцев, а стремятся завладеть самими средствами производства, захватив в свои руки землю. Этим самым европейский капитализм лишает первобытный общественный порядок его базиса.

Появляется то, что хуже всякого порабощения и эксплуатации, а именно, полная анархия и специфически европейская необеспеченность социального существования. Покоренное население, оторванное от своих средств производства, рассматривается европейским капитализмом лишь как рабочая сила, и поскольку оно годится для целей капитала, оно обращается в рабство, — в противном случае оно истребляется. Мы познакомились с этим методом на примере испанских, английских и французских колоний. Перед натиском капитализма первобытный общественный порядок, переживший все прежние исторические фазы, капитулировал. Последние остатки этого строя исчезают с лица земли, а его элементы, рабочая сила и средства производства, высасываются капитализмом. Таким образом, первобытное коммунистическое общество повсюду пало в конечном счете потому, что оно отстало от экономического прогресса и должно было уступить место новым более развитым формам. Этому развитию и этому прогрессу суждено в течение долгого времени осуществляться подлыми методами классового общества, пока и оно не будет дальнейшим развитием преодолено и его дальнейшему развитию не будет положен предел. Насилие и здесь является лишь слугой экономического развития.

4¹. [ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО]

Задача, которую мы себе поставили, заключается в том, чтобы доказать, что общество не может существовать без общественного труда, т. е. без планомерно организованного труда. Мы во все времена встречали различнейшие формы такого общественного труда. В нынешнем обществе мы этого не находим; план не осуществляется ни властью, ни законом, ни демократией; мы не находим никакого следа организации и плана, мы видим лишь анархию. Как же возможно при таких условиях существование капиталистического общества?

Чтобы изучить структуру капиталистической вавилонской башни, представим себе опять на миг общество с планомерной организацией труда². Пусть это будет общество с развитым разделением труда, где не только сельское хозяйство отделено от промышленности, но где внутри и того и другого каждая ветвь стала специальностью особых групп трудящихся. В этом обществе имеются, стало быть, сельские хозяева и лесники, рыбаки и садовники, сапожники и портные, слесари и кузнецы, прядильщики и ткачи и т. д. и т. п. Общество в целом обеспечено всеми видами труда и всеми видами продуктов. Эти продукты в большем или меньшем количестве достаются всем членам общества, так как труд

¹ В рукописи этот раздел обозначен числом III.

² Замечание Р. Л. карандашом: «Мы еще вернемся впоследствии к вопросу, допустима ли и в какой степени допустима эта гипотеза».

является общим, заранее плановомерно распределенным и организованным каким-нибудь авторитетом, будь то деспотический закон правительства, крепостное право или какая-либо иная форма организации. Для простоты вообразим себе, что это — коммунистическая община с общественной собственностью, какую мы видели уже на примере Индии. Представим себе еще на один момент, что разделение труда в этой общине ушло значительно дальше вперед, чем это исторически соответствует истинному положению, и что часть общинников занимается исключительно сельским хозяйством, между тем как все прочие работы выполняются специалистами-ремесленниками. Картина хозяйства этой общины нам совершенно ясна: сами члены общества сообща владеют землей и всеми средствами производства. Их общая воля определяет — что, когда и сколько должно производиться каждого продукта. Вся масса произведенных продуктов, принадлежа в одинаковой степени всем, распределяется между всеми соответственно потребностям. Теперь представим себе, что в один прекрасный день в построенной таким образом коммунистической общине уничтожается общественная собственность, а вместе с этим уничтожается и общий труд и общая воля, регулировавшая производство. Достигнутое к этому моменту высокое разделение труда, само собой разумеется, остается. Сапожник остается при своих колодках, пекарь знает лишь свою печку, кузнец имеет лишь кузницу и умеет обращаться лишь с молотом и т. д., но цепь, связывавшая раньше все эти специальные работы в общественное хозяйство, оборвалась. Каждый предоставлен теперь самому себе: сельский хозяин, сапожник, пекарь, слесарь, ткач и т. д. Каждый теперь совершенно свободный и независимый человек. Община не может теперь вмешиваться в его дела, никто не может ему приказывать трудиться для всех, но никто не заботится о его потребностях. Община, представлявшая из себя нечто целое, распалась на отдельные атомы, на отдельные частицы, как зеркало, расколовшееся на тысячу осколков. Каждый человек как бы превращается в обособленную, носящуюся в воздухе пылинку и должен сам пробиваться. Что станет с этой общиной, на которую внезапно обрушилась подобная катастрофа? Что станут делать на следующий день все эти сами себе предоставлен-

ные люди? С уверенностью можно сказать лишь одно, что они на следующий день прежде всего будут работать точно так же, как они это делали раньше. Ибо поскольку человеческие потребности не могут удовлетворяться без труда, каждое человеческое общество должно трудиться. Какие бы перевороты и изменения ни произошли в обществе, труд не может прекратиться ни на одну минуту. Прежние члены коммунистического общества будут поэтому — и после того как оборвались связывающие их узы, и каждый оказался предоставленным самому себе — прежде всего продолжать свою работу. И так как мы предположили, что труд уже достиг специализации, то каждый сумеет трудиться лишь в той области, которая стала его профессией, и при помощи тех средств производства, которыми он владеет; сапожник будет делать сапоги, пекарь — печь хлеб, ткач — изготавливать ткани, крестьянин — сеять рожь и т. д. Но тут же сразу возникают трудности: каждый из этих производителей изготавливает, правда, чрезвычайно важные и весьма необходимые предметы потребления, каждый из этих специалистов — сапожник, пекарь, кузнец, ткач — вчера еще считался полезным членом общества, без которого последнее не может существовать. Каждый из них занимал важное место в этом общественном целом. Теперь же само целое перестало существовать, и каждый как будто существует сам для себя. Но никто не может существовать лишь продуктами своего труда. Сапожник не может потребить всех своих сапог, пекарь не может удовлетворить хлебом все свои потребности, крестьянин мог бы при наполненных рожью амбарах погибнуть с голоду и холоду, если бы он располагал одним лишь зерном. Каждый имеет разнообразные потребности, но может своим собственным трудом удовлетворить лишь одну единственную из них. Каждый поэтому нуждается безусловно в известной мере в продуктах всех остальных. Они все зависят друг от друга. Но как осуществить эту зависимость, когда мы знаем, что между отдельными производствами не существует больше никаких отношений и никакой связи? Сапожник сильно нуждается в хлебе пекаря, но он не имеет никаких средств приобрести этот хлеб, он не может заставить пекаря поставлять ему хлеб, так как оба они — равные, свободные, независимые люди. Если он хочет воспользоваться продуктом

труда пекаря, то это, очевидно, возможно лишь на началах взаимности, т. е. если он с своей стороны доставит пекарю нужный ему продукт. Но пекарь, с своей стороны, нуждается в продуктах труда сапожника и находится в точно таком же положении, как последний. Почва для взаимности этим самым дана. Сапожник дает пекарю сапоги, чтобы получить от него хлеб. Сапожник и пекарь взаимно обменивают свои продукты и могут теперь оба удовлетворять свои потребности. Таким образом выходит, что при высоко развитом разделении труда, при полной независимости производителей друг от друга и при отсутствии всякой организации у них — единственным путем распределения продуктов различного рода труда между всеми является *обмен*. Сапожник, пекарь, сельский хозяин, прядильщик, ткач, слесарь — все они взаимно обменивают свои продукты и таким образом удовлетворяют свои различные потребности. Таким образом, обмен создал новую связь между разрозненными, оторванными друг от друга частными производителями. Производство и потребление, — вся жизнь разрушенной общины может начаться снова, так как обмен дал им возможность опять работать друг для друга, т. е. он сделал опять возможным общественное сотрудничество, общественное производство, хотя и под оболочкой раздробленного частного производства.

Но это — совершенно новая своеобразная форма общественного сотрудничества, с которой мы должны познакомиться поближе. Каждый отдельный человек трудится на свой страх и риск, каждый производит за свой счет по собственному усмотрению. Он должен теперь, чтобы жить, производить продукты, в которых он сам не нуждается, но которые нужны другим. Каждый работает, таким образом, для других. Это само по себе не представляет ничего особенного и нового. И в коммунистической общине все работали друг для друга. Особенностью является лишь то, что теперь каждый отдает свой продукт другим лишь путем обмена и лишь в том же порядке может получить продукты других. Каждый должен, таким образом, теперь, дабы получить нужные ему продукты, производить своим трудом продукты, предназначенные для обмена. Сапожник должен непрерывно шить сапоги, которые ему самому не нужны, представляя для него бесполезный выброшенный труд. Их полез-

ность заключается для него лишь в том, что он может обменять их на другие продукты, в которых он нуждается. Он, таким образом, заранее шьет свои сапоги для обмена, т. е. он производит их как товар. Каждый может теперь удовлетворить свои потребности, т. е. получить продукты, произведенные другими, лишь в том случае, если он располагает продуктами, в которых нуждаются другие и которые он создал для этой цели своим трудом. Иными словами, каждый получает часть продуктов всех других, т. е. долю общественного продукта, лишь в том случае, если он сам является с товаром. Продукт, изготовленный человеком для обмена, дает ему право требовать известную долю совокупного общественного продукта. Совокупный общественный продукт не существует теперь, правда, в той форме, какой он обладал в коммунистической общине, где он непосредственно всей своей массой представлял все богатство общины и потом лишь распределялся, где все работали сообща за счет общины и под ее руководством, и продукт производства появлялся на свет уже как общественный продукт, и затем лишь общественный продукт распределялся между индивидуумами и поступал в частное потребление отдельных членов общины. Теперь дело происходит как раз наоборот. Каждый производит как частное лицо за свой страх и риск, и готовые продукты лишь в процессе обмена образуют известную сумму, которую можно рассматривать как общественное богатство. Доля каждого как в общественном труде, так и в общественном богатстве представлена тем специальным товаром, который он изготовил собственным трудом и принес для обмена с другими. Участие каждого в совокупном общественном труде¹ не представлено теперь известным количеством заранее указанного ему труда, а готовым продуктом, товаром, который не поставляет по собственному вольному усмотрению. Если он не желает, он может совсем не работать, он может пойти гулять, никто его не будет за это бранить или наказывать, как это, наверно, имело место с нерадивыми членами коммунистической общины, где лентяи по всей вероятности получали от «главного жителя», главы общины, суровый выговор или же подвер-

¹ Запись Р. Л. на полях карандашом. Но теперь это уже не община как целое, с которой он имеет дело и которая постоянно ощущает потребность в его продукте, но отдельные члены общины.

гались на собрании всех членов общины общественному порицанию. Теперь каждый человек — свой собственный, ничем не ограниченный господин. Авторитет общины не существует более. Но если он не работает, он и не получит ничего в обмен из продуктов труда других. С другой стороны, каждый в отдельности теперь, как бы прилежно он ни трудился, вовсе не может быть уверенным в том, что он получит необходимые ему жизненные средства; так как никто ведь не обязан давать ему их, хотя бы в обмен. Обмен происходит лишь тогда, когда имеется налицо взаимная потребность. Если в данный момент в общине нет спроса на сапоги, то, как бы прилежно сапожник ни работал и какой бы хороший товар он ни изготовлял, никто у него его не возьмет и не даст ему в обмен хлеба, мяса и т. п. и он, таким образом, останется без самого необходимого для жизни. И тут опять-таки бросается в глаза поразительное различие по сравнению с прежними отношениями в коммунистической общине. Последняя содержала сапожника потому, что община вообще нуждается в сапогах. Сколько сапог сапожник должен изготовить, указывалось ему заранее соответственным общинным учреждением. Он ведь работал до некоторой степени в качестве слуги общины, ее должностного лица, и каждый находился в точно таком же положении. Но если община держала сапожника, она, само собой разумеется, должна была его прокормить. Он, как и все прочие, получал свою долю из общественного богатства, и эта доля не стояла ни в какой прямой связи с долей его в труде. Правда, он должен был трудиться и его прокармливали потому, что он трудился, что он был полезным членом общины, но производил ли он в тот или иной месяц больше или меньше сапог, или временно совершенно не изготовлял их, потому что в них не было надобности, — он все же в одинаковой мере получал жизненные средства, свою долю в средствах общины, теперь он получает лишь в той мере, в какой нужен его труд, т. е. точь-в-точь в той мере, в какой его продукт принимается в обмен другими. Каждый, следовательно, трудится как он хочет, сколько он хочет и над чем он хочет. Единственным подтверждением того, что он производил то, что обществу нужно, что он фактически выполнил общественно необходимую работу, является тот факт, что его продукт берется дру-

гими. Следовательно, не всякий труд, как бы приложен и успешен он ни был, заранее обладает стоимостью и целесообразностью с общественной точки зрения; стоимость имеет лишь тот продукт, который идет в обмен, продукт же, который никем не принимается в обмен, как бы хорош он ни был, не представляет стоимости и является выброшенным трудом.

Теперь каждый должен для того, чтобы пользоваться продуктами общественного производства и, следовательно, участвовать в общественном труде¹, производить товары. Но никто ему не говорит заранее, действительно ли его труд признается общественно необходимым трудом, и он узнает это лишь по тому, берется ли его товар в обмен. Его участие в общественном труде и продукте обеспечено, следовательно, лишь в том случае, если его продукты получают печать общественно необходимого труда, т. е. печать меновой стоимости. Если его продукт не берется в обмен, это означает, что он произвел продукт, не имеющий никакой стоимости, и, следовательно, его труд был с общественной точки зрения лишним. Тогда он, следовательно, был лишь частным сапожником, который для собственного времяпрепровождения истреблял кожу и делал сапоги; он оказывается, таким образом, в известной степени вне общества, так как общество не желает иметь его продуктов, и поэтому ему недоступны и продукты общества. Если наш сапожник сегодня хорошо обменял свои сапоги и получил за них жизненные средства, он может вернуться домой не только сытым и одетым, но и с гордым сознанием, что он является полезным членом общества и что его труд был признан необходимым трудом. Но если он возвращается домой со своими сапогами, потому что никто не хотел их взять у него², — он имеет все основания быть меланхо-

¹ Запись Р. Л. на полях рукописи: «Общественная работа: I. Как сумма работ, производимых членами общества друг для друга. В том смысле, что продукт всякого индивидуума выступает сам как результат совокупной работы (сырье, орудия производства), — более того — как результат работы всего общества (наука). В обоих случаях общественный характер работы выражается через обмен. Знание в коммунистической общине, в барщинном хозяйстве и теперь.

² Запись Р. Л. на полях: «Перепроизводство товаров, невозможность их обмена и немогуший быть потребленным запас в организованном обществе: в коммунистической общине (рис в Индии),

личным, так как он не только остается без обеда, но ему как бы молчаливо заявили: общество, дружище, в тебе не нуждается, твой труд вовсе не был необходим, ты, следовательно, лишний человек и можешь спокойно повеситься. Нашего сапожника связывают, таким образом, с обществом в каждом отдельном случае лишь пара обмененных им сапог, вообще говоря, товар, обладающий меновой стоимостью. Но в том же положении, как наш сапожник, находится и пекарь, и ткач, и сельский хозяин — все общество, то признающее сапожника, то сурово его отталкивающее, является ведь лишь суммой всех этих отдельных товаропроизводителей, взаимно работающих для обмена. Сумма общественного труда и общественных продуктов, получающихся при этом, вовсе не соответствует поэтому сумме всех работ и продуктов отдельных членов, как это имело раньше место в общественном коммунистическом хозяйстве. Теперь тот или иной может прилежно трудиться, а его продукт, если никто его не берет в обмен, является излишним и не идет в счет. Лишь обмен решает вопрос о том, какой труд и какие продукты были необходимы и представляют значение для общества. Получается как будто так, что все трудятся дома вслепую, затем тащат свои готовые частные изделия на площадь, здесь эти продукты просеиваются и на них налагается штемпель: то и то является общественно необходимым трудом, и идет в обмен, а то и то не было необходимым трудом и ни для чего не годится. Этот штемпель говорит: это и это имеет стоимость, а то не имеет стоимости и остается частным удовольствием или несчастьем данного лица.

Если мы объединим все эти отдельные моменты, то окажется, что уже один факт товарного обмена, без всякого вмешательства или регулирования, определяет тройкого рода важные отношения:

1. *Участие* каждого члена общества в общественном труде. Это участие качественно и количественно не определяется для него заранее общиной, а подтверждается

в хозяйстве, основанном на рабском труде, в барщинном хозяйстве (монастыри в средние века). Различие: первое — не дает типа общественной работы, последнее — представляет таковой тип. Соотношение с «потребностями» (неплатежеспособный спрос, с одной стороны, и перепроизводство не могущих быть проданными товаров, с другой). Перепроизводство в социалистическом обществе».

отвергается задним числом при представлении им готового продукта. Раньше каждая отдельная пара сапог, которую изготовлял наш сапожник, уже заранее на колодке представляла собой непосредственно общественный труд. Теперь его сапоги представляют, в первую голову, частный труд, который никого не касается. Затем лишь эти сапоги на товарном рынке просеиваются, и лишь поскольку их берут в обмен, затраченный на них труд сапожника признается общественным трудом. В противном случае они остаются продуктом его частного труда и не имеют стоимости.

2. *Доля* каждого члена общества в общественном богатстве. Прежде сапожник получал свою долю из произведенных общиной продуктов путем распределения. Она определялась, во-первых, степенью общего благосостояния, данным состоянием имущества общины, а во-вторых, потребностями членов. Более многочисленная семья должна была получить больше, чем менее многочисленная. При распределении завоеванных германскими племенами земель, во время их переселения в Европу и их устройства на развалинах Римской империи, играла также роль величина семьи. Русская община, еще в 80-х годах предпринимавшая периодические переделы, принимая при этом во внимание число «едоков» в каждой семье¹. При всеобщем господстве обмена отпадает всякое соотношение между потребностью данного члена общества и его долей в богатстве, равно как между этой последней и размером общественного богатства. Теперь вопрос об участии каждого в общественном богатстве решается лишь на основе тех продуктов, которые он выносит на товарный рынок, и лишь постольку, поскольку они берутся в обмен и признаются общественно необходимыми.

3. И, наконец, механизм обмена регулируется и само общественное разделение труда. Раньше община постановляла, что ей нужно столько-то сельскохозяйственных батраков, столько-то сапожников, пекарей, слесарей, кузнецов и т. д. Забота о правильном соотношении между отдельными промыслами, равно как и о том, чтобы все эти нужные отрасли труда функциони-

¹ У этого предложения Р. Л. на полях отметка: N. B. Die Red. (Речь).

ровали, лежала на обязанности общины и избранных ею должностных лиц. Всем, вероятно, известен тот знаменитый случай, когда представители одной деревенской общины ходатайствовали о том, чтобы освободили слесаря, приговоренного к смерти, и повесили вместо него кузнеца, которых в деревне имелось два. Это — блестящий пример общественной заботы о правильном разделении труда в данном обществе. (Впрочем, мы видим, как в средние века император Карл самым определенным образом предписывал как род, так и число ремесленников, которые должны были находиться в его поместьях. Мы видели также, как в средневековых городах цеховой регламент заботился о том, чтобы отдельные ремесла были представлены в должном количестве, и как в город приглашались недостающие ремесленники извне.)

При свободном и неограниченном обмене это соотношение регулируется самим обменом. Теперь никто не заставляет нашего сапожника делать сапоги. Если он хочет, он может делать мыльные пузыри или бумажных змеев. Но он может также, если ему придет в голову, вместо сапожного ремесла заниматься ткачеством, прядением или стать золотых дел мастером. Никто ему не говорит, нуждается ли в нем общество вообще, и, в частности, нуждается ли оно в нем как в сапожнике. Правда, вообще говоря, общество нуждается в производстве обуви, но никто теперь не определяет, сколько сапожников нужно для того, чтобы удовлетворить эту потребность. Нужен ли данный сапожник, не имеется ли скорее надобность в ткаче или в кузнеце — этого никто нашему сапожнику не скажет. Но чего ему никто не говорит, то он узнает исключительно на товарном рынке. Если его сапоги берутся в обмен, он знает, что общество нуждается в нем как в сапожнике, и, наоборот, он может изготовить самый лучший товар, но если другие сапожники достаточно удовлетворили спрос, то его товар излишен. Если это повторяется, он должен оставить свое ремесло. Лишний сапожник так же механически извергается обществом, как излишние вещества выделяются животным организмом: в тот момент, когда его труд не признается общественным трудом, он становится обреченным на голодную смерть. Та же необходимость производить продукты на обмен для других, как пред-

посылку своего собственного существования, в конце концов, толкнет нашего вышедшего в тираж сапожника к другому ремеслу, где имеется сильный, недостаточно удовлетворенный спрос, скажем, к ткачеству или извозному промыслу, и, таким образом, тут будет покрыт недостаток в рабочей силе. Таким образом, не только соблюдается правильная пропорция между промыслами, но и самые промыслы то исчезают, то вновь возникают. Если какая-нибудь потребность у общества исчезает или удовлетворяется другими продуктами, чем до сих пор, то это не устанавливается, как в прежней коммунистической общине, самими членами, и трудящиеся, соответственно, не переводятся из одного промысла в другой. Это проявляется просто в том, что устаревшие продукты не находят сбыта. Еще в XVII в. производство париков являлось ремеслом, без которого не мог существовать ни один город. После того как мода изменилась и перестали носить парики, это ремесло, вследствие того, что парики не находили сбыта, умерло естественной смертью. С распространением в современных городах канализации и водопровода, механически снабжающего каждую квартиру водой, мало-помалу исчезла профессия водовозов, или как их называли в Вене — *Wassereger*.

Теперь представим себе обратный случай. Вообразим, что наш сапожник, которому общество, путем систематического отвергания его товаров, недвусмысленно дало понять, что он не является общественно необходимым, несмотря на это, обладает таким самомнением, что продолжает считать себя необходимым членом человечества и непременно хочет жить. Чтобы жить, он должен, как мы знаем, и как он сам знает, производить товары. И вот он изобретает совершенно новый продукт — бинт для усов или чудесную ваксу для сапог. Создает он этим новую общественно необходимую ветвь труда или, как столь многие гении-изобретатели, останется непризнанным? Этого опять-таки ему никто не говорит, и он узнает это лишь на товарном рынке. Если его новый продукт в течение длительного промежутка времени идет в обмен, тогда, следовательно, новая отрасль производства признается общественно необходимой, и общественное разделение труда этим самым расширилось¹.

¹ Так, например, хлопчатобумажные ткани в XIX в. вытеснили льняные.

Вы видите, что в нашей общине, пережившей крушение коммунистического порядка, общественной собственности, лишившейся всякого авторитета в области хозяйственной жизни, всякой организации и плановости труда, всех связей между отдельными членами и очутившейся на первый взгляд на следующий день после этой катастрофы в совершенно безнадежном положении, постепенно снова сложились известные связи и установился известный порядок. И этот порядок сложился совершенно механическим путем. Без вмешательства какой-либо высшей силы, без предварительного сговора между отдельными членами отдельные осколки — худо ли, хорошо ли — снова связались в одно целое. Сам обмен регулирует теперь механически, наподобие водяного насоса, все хозяйство. Он создает связь между отдельными производителями, вынуждает их трудиться, регулирует их разделение труда, определяет их богатство и его распределение. Обмен управляет обществом. Правда, порядок, возникший на наших глазах, несколько своеобразен. Общество выглядит сейчас совершенно иначе, чем раньше, при режиме коммунистической общины. Раньше оно было компактным целым, своего рода большой семьей, члены которой срослись между собой и были крепко спаяны. Это был прочный и даже, если хотите, окостеневший неподвижный организм. Теперь же общество представляет собою лишь слабо связанное образование, отдельные звенья которого ежеминутно распадаются и вновь соединяются. Действительно, мы видели, что никто не говорит нашему сапожнику, что он должен *трудиться*, что именно и сколько он должен производить. Никто его не спрашивает, с другой стороны, нуждается ли он в жизненных средствах, в каких именно и в каком количестве. Никому нет дела до него, он не существует для общества. Он заявляет обществу о своем существовании лишь в тот момент, когда он появляется на товарном рынке с продуктами своего труда. Его существование приемлется, если принимается его товар. Его труд признается общественно необходимым и он сам трудящимся членом общества, лишь поскольку его сапоги принимаются в обмен. Он получает жизненные средства из общественного богатства опять-таки лишь постольку, поскольку его сапоги принимаются в качестве товара. В качестве частного лица он, следовательно, не

является членом общества, и его труд, как частный труд, еще не является общественным. Он становится членом общества лишь тогда, когда он производит продукты, пригодные для обмена, товары, и лишь до тех пор, пока он их имеет может их сбыть. Каждая вымененная пара сапог делает его членом общества и каждая непроданная пара сапог снова исключает его из рядов общества. Сапожник — как таковой, как человек — не состоит в связи с обществом, лишь его сапоги дают ему связь с обществом и лишь в тех случаях, когда они имеют меновую стоимость и могут быть проданы как товар. Это, следовательно, не постоянная связь, а непрерывно возобновляемая и вновь распадающаяся. В таком же положении находятся, кроме нашего сапожника, и все прочие товаропроизводители. Все в этом обществе являются товаропроизводителями, так как лишь путем обмена можно получить жизненные средства и каждый, следовательно, должен выступать со своим товаром. Производство товаров стало условием существования людей; перед нами такой общественный порядок, при котором все люди живут обособленно, как изолированные индивиды, не существующие друг для друга, которые лишь через свои товары попеременно связываются с общественным целым или вытесняются из него. Перед нами в высшей степени подвижное и непрочное общество, члены которого находятся в каком-то непрерывном водовороте.

Мы видим, что уничтожение планомерного хозяйства и введение обмена вызвало целый переворот в общественных отношениях людей, изменив самое общество с ног до головы.

II

Однако обмен в качестве единственного экономического связующего звена между членами общества связан с большими трудностями и происходит далеко не так гладко, как мы это предположили в нашей гипотезе. Присмотримся к делу ближе.

Пока мы рассматривали обмен лишь между двумя отдельными производителями, обмен между сапожником и пекарем, дело было весьма просто. Сапожник не может жить одними сапогами, ему нужен хлеб. А пекарь,

как говорит уже священное писание, не может быть жив единым хлебом и нуждается, правда, не в слове божьем, а в данном случае в сапогах. Так как тут имеется полная взаимность, то обмен протекает гладко; хлеб из рук пекаря, которому он не нужен, переходит в руки сапожника, а сапоги направляются из мастерской сапожника в булочную. Оба удовлетворяют свои потребности, и частный труд обоих оказывается общественно необходимым. Но то же самое происходит не только между сапожником и пекарем, а между всеми членами общества, т. е. одновременно между всеми товаропроизводителями. Мы имеем основание предположить это, мы даже обязаны это сделать. Ведь все члены общества должны жить, должны удовлетворять свои различные потребности. Общественное производство, как мы указали раньше, не может прекратиться ни на один миг, потому что и потребление не может прекратиться. Теперь мы должны прибавить еще следующее: так как производство теперь разбито на ряд отдельных самостоятельных частных работ, из которых каждая в отдельности не может удовлетворить всех потребностей человека, то и обмен не может ни на миг прекратиться без вреда для потребления общества. Все таким образом непрерывно выменивают свои продукты между собою. Как это происходит? Вернемся назад к нашему примеру. Сапожник не только нуждается в продукте пекаря, но он хотел бы приобрести известное количество и других товаров. Кроме хлеба, он нуждается в мясе от мясника, в одежде от портного, в белье в материале от ткача, в шапке от шапочника и т. д. Все эти товары он может получить лишь путем обмена. Он же, с своей стороны, может поставлять лишь сапоги. Для сапожника поэтому все нужные ему для жизни продукты представляются, в первую очередь, в форме сапог. Если он нуждается в хлебе, он изготавливает пару сапог; если ему нужна рубашка, он опять-таки изготавливает сапоги; если он хочет приобрести шапку, папиросы — он всегда и прежде всего изготавливает сапоги. Для него лично, занятого в специальной отрасли труда, доступное для него общественное богатство выступает лишь в форме сапог. Лишь посредством обмена на товарном рынке его труд, выступающий в форме сапог, превращается в разнообразные формы нужных ему жизненных средств. Но для того, чтобы это

превращение действительно произошло, для того, чтобы прилежный труд сапожника, от которого он ждет всяких радостей жизни, не застрял бы в форме сапог, для этого необходимо одно важное условие, которое нам уже известно, а именно необходимо, чтобы все прочие производители, в продуктах труда которых сапожник нуждается, в свою очередь согласились бы взять его сапоги в обмен. Сапожник лишь тогда получал бы все другие товары, если бы его продукт, сапоги, являлись всегда желанным товаром для всех прочих производителей. Он получал бы постоянно столько других товаров, сколько он мог бы выменять на свой труд, если бы его сапоги представляли во всякое время и для всякого желанный товар, т. е. безгранично требуемый товар. Было бы, однако, большим сомнением и необоснованным оптимизмом со стороны сапожника предположить, что его специальный товар является столь абсолютной и неограниченной необходимостью для всего человеческого рода. Но дело осложняется тем, что в точно таком же положении, как сапожник, находится и всякий другой индивидуальный производитель: пекарь, слесарь, ткач, мясник, шапочник, сельский хозяин и т. д. Каждый из них стремится и нуждается в самых разнообразных продуктах и может, с своей стороны, поставлять лишь один продукт. Каждый мог бы удовлетворять свои потребности полностью, если бы его специальный товар во всякое время находил бы сбыт в обществе. Но стоит лишь немного подумать, чтобы понять, что это абсолютно невозможно. Никто не может во всякое время и в одинаковой мере желать всех продуктов. Никто, следовательно, не может во всякое время в неограниченной мере брать в обмен сапоги и хлеб, платья и замки, пряжу и рубахи, шляпы и бинты для усов и т. д. и т. д. Но если этого нет, то не все продукты могут во всякое время обмениваться друг на друга. А если обмен невозможен как постоянное всестороннее явление, тогда невозможно и удовлетворение всех потребностей в обществе, невозможен в нем и всесторонний труд, тогда невозможно и самое существование общества. Но тогда мы опять оказались бы в тупике и не могли бы разрешить задачу, которую мы себе поставили, — уяснить, каким образом возможно хозяйство и общественное сотрудничество, когда между отдельными разрозненными частными про-

изводителями не существует никакой организации, никакого общественного трудового плана, когда они ничем между собою не связаны. Правда, мы видели, что обмен является средством, регулирующим все это, хотя и своеобразным путем. Но для этого обмен должен вообще сперва возникнуть и получить возможность функционировать как правильный механизм. Теперь же мы натываемся уже на первых шагах на такие трудности в самом обмене, что становится неясным, возможен ли вообще обмен как всестороннее постоянное явление.

Оказывается, однако, что давно уже было найдено средство для того, чтобы преодолеть эти трудности и сделать возможным общественный обмен. Правда, это открытие было сделано не каким-нибудь Колумбом, а общественный опыт и привычка сами незаметно изобрели средства обмена, «сама жизнь», как говорится, разрешила эту задачу. Вообще, общественная жизнь вместе с затруднениями создает и средства их преодоления. Конечно, в каждый данный момент не все товары могут для всех и всегда, т. е. в неограниченной степени, обладать притягательной силой. Но во всякое время и во всяком обществе был налицо *один* товар, который представлялся важным как основа существования, который был необходим и полезен и который поэтому был желанным для всякого. Правда, меньше всего таким свойством могли обладать сапоги — человечество не столь уж суетно. Но таким продуктом мог являться, например, скот. Одними сапогами не просуществуешь, как и не сделаешь этого одними платьями, шапками или одним зерном. Но скот, как основа хозяйства, во всяком случае обеспечивает существование общества: он дает мясо, молоко, шкуры, рабочую силу и т. д. Ведь все богатство многочисленных кочевых народов заключается преимущественно в стадах. И до сих пор еще, или, во всяком случае, до недавнего времени, негритянские племена в Африке почти исключительно жили скотоводством. Предположим теперь, что и в нашей общине скот является весьма желанным видом богатства, если и не единственным, то все-таки предпочтительным по сравнению с другими продуктами, которые производятся обществом. Скотовод прилагает тут свой частный труд для разведения скота, как сапожник для шитья сапог, ткач для производства полотна и т. д. Разница лишь та, что

продукт скотоводства, согласно нашему предположению, является излюбленным всеми продуктом, потому что он кажется всем наиболее необходимым и важным. Каждый видит в скоте желанную форму богатства. Так как мы остаемся при предположении, что никто в нашем обществе не может ничего приобрести *иначе*, как в порядке обмена, то очевидно, что и всем желанный скот нельзя иначе получить от скотовода, как путем обмена на другой продукт труда. Тот факт, что, как мы предположили, каждый охотно берет в обмен скот, означает, что каждый во всякое время готов отдать свои продукты в обмен на скот. Иными словами, за скот можно в любое время получить любой продукт. Следовательно, тому, кто владеет скотом, остается лишь выбирать, так как все к его услугам. И именно поэтому каждый стремится к тому, чтобы обменять свой продукт труда на скот и только на него, так как, обладая скотом, он во всякое время может получить все, что ему угодно. Когда это с течением времени всеми осознается и превращается в привычку, то скот постепенно становится всеобщим товаром, т. е. единственным товаром, который обладает неограниченной притягательной силой для всех. В качестве такого всеобщего товара скот способствует обмену между всеми прочими специальными товарами. Сапожник берет теперь от пекаря в обмен на свои сапоги не непосредственно хлеб, а скот, так как при посредстве его он может в любое время купить хлеб и все, что ему нужно. В свою очередь пекарь может оплатить сапоги скотом, потому что и он за свой собственный продукт, за хлеб, также получил скот от других, например, от слесаря, скотовода, мясника и т. д. Каждый берет за свой собственный продукт скот и расплачивается им, когда он приобретает продукты других. Таким образом, скот переходит из рук в руки и служит средством обмена, являясь как бы духовной связью между отдельными товаропроизводителями. (И чем больше, чем чаще скот в качестве посредника обмена переходит из рук в руки, тем излюбленнее он становится, в качестве товара, как единственный, легко вымениваемый, всеобщий товар.)

Мы видели раньше, что в обществе, состоящем из разрозненных, не связанных общим планом труда частных производителей, каждый продукт труда представляет собой сперва лишь продукт частного труда. Был ли

Этот труд общественно необходимым и представляет ли, следовательно, этот продукт ценность, обеспечивающую трудящемуся известную долю в продуктах всего общества, не был ли он просто выброшенным, лишним трудом, это обнаруживается лишь тогда, когда продукт принимается в обмен. Теперь же все продукты обмениваются лишь на скот. Теперь продукт лишь постольку является общественно необходимым, поскольку его можно обменять на скот. Способность того или иного продукта быть обмененным на скот, равноценность этого продукта со скотом налагает теперь на этот частный продукт печать общественно необходимого труда. Мы видели далее, что лишь путем товарного обмена и лишь через него отдельные изолированные производители становятся членами общества, теперь мы должны выразиться точнее, сказав, — лишь путем обмена на скот. Скот является теперь воплощением общественного труда, и таким образом скот является теперь единственной общественной связью между людьми.

Теперь-то у вас, наверное, появилось уже такое чувство, будто мы запутались. До сих пор все было более или менее ясно и приемлемо. Но скот в виде всеобщего товара, скот как олицетворение общественного труда и даже как единственная связь человеческого общества — это заключение является уже слишком сумасбродной фантазией, к тому же весьма оскорбительной для человеческого рода! Но вы совершенно напрасно будете считать себя оскорбленными. Как бы презрительно мы ни взирали на бедный скот, во всяком случае ясно, что он ближе человеку и в известной степени на него похож, во всяком случае бесконечно более, скажем, чем комок глины, поднятый с земли, чем кремь или кусочек железа. Вы должны согласиться, что скот во всяком случае более достоин того, чтобы представлять собой живую общественную связь между людьми, чем мертвый кусок металла. И все же человечество в этом случае отдало предпочтение именно металлу. В вышеописанном значении и роли скота в обмене скот был ни чем иным, как *деньгами*. Если вы себе никак не можете представить денег в ином виде, чем в виде золотых или серебряных монет, или хотя бы бумажных банкнот, и если вы при этом находите, что эти металлические или бумажные деньги в качестве всеобщего средства обращения

между людьми, в качестве общественной силы являются чем-то само собою разумеющимся, между тем как мое изложение, в котором эту роль играет скот, кажется вам сумасбродством, то вы этим только покажете, насколько вы с головой ушли в круг представлений современного капиталистического мира¹. И, таким образом, картина общественных отношений, не лишенных еще в известной степени разумности, кажется вам бредом, а само собою разумеющимся кажется вам то, что по существу является полной нелепостью. В действительности деньги в образе скота выполняют точно те же функции, как и металлические деньги, к употреблению которых нас толкнули лишь соображения удобства. Само собою разумеется, что скот не поддается так легко размену и измерению его стоимости, как одинаковые металлические кружочки; точно так же для сохранения денег в виде скота требуется слишком большое портмоне, напоминающее скотный двор. Но пока человечество додумалось до того, чтобы изготавливать деньги из металла, деньги как необходимый посредник оборота давно уже были в ходу. Ведь деньги, этот всеобщий товар, и являются тем необходимым средством, без которого не может развиваться всеобщий обмен, без которого не может существовать общественное хозяйство, лишенное плана и состоящее из отдельных производителей.

Присмотримся теперь на деле к той многосторонней роли, которую скот играл в обмене. Что превратило скот в деньги в рассматриваемом нами обществе? Тот факт, что он был всегда и повсюду желанным продуктом труда. Но почему скот был таковым? Мы сказали, — потому что он представлял весьма полезный продукт, обеспечивавший существование путем получавшихся от него различных жизненных средств. Да, так это и было вначале. С течением же времени чем больше скот функционировал в качестве посредника всеобщего обмена, тем больше отступало на задний план непосредственное потребление скота, как средства существования. Кто получает теперь в обмен на свой продукт скот, будет воздерживаться от того, чтобы его зарезать, съесть или впрячь в плуг, так как скот представляет для него теперь большую ценность в качестве средства, с помощью

¹ Пометка на полях: Аристотель о рабстве.

которого он в любой момент может купить любой товар. Владелец скота не будет его теперь применять в качестве жизненного средства, а сохранит его в качестве средства обмена для дальнейших меновых операций. Вы поймете также, что непосредственное потребление скота при высоко развитом разделении труда, которое мы предположили в обществе, было бы неуместным. Что станет, например, делать со скотом как таковым сапожник или слесарь, ткач, шапочник — все, не занимающиеся сельским хозяйством? Таким образом, непосредственная польза скота как предмета потребления все более отступает на задний план, и все желают иметь скот не потому, что он нужен для получения мяса, молока или потому, что он тянет плуг, а лишь потому, что наличность скота дает возможность получить в обмен любой другой товар. Специфическим назначением скота все более становится посредничество при обмене, т. е. он содействует во всякое время превращению частных продуктов в общественные, частного труда в общественный труд. Так как скот все больше лишается своих непосредственных функций — доставлять человеку жизненные средства и все больше принимает на себя исключительно функции посредничества между отдельными членами общества, то постепенно он перестает быть частным продуктом, как все прочие, и становится с самого начала, так сказать, еще в хлеве, общественным продуктом, а труд скотовода, в отличие от всякого другого труда в обществе, становится единственным непосредственно общественным трудом. И тогда скот начинает разводиться уже не только для удовлетворения человеческих потребностей, а наряду с этим в качестве общественного продукта, всеобщего товара, функционирующего как деньги. Правда, скот, конечно, хотя и в меньшей мере, употребляется еще на мясо и для полевых работ. Но этот как бы частный характер скота все более уступает место его официальному характеру — денежному, и в качестве денег скот играет теперь выдающуюся и многостороннюю роль в жизни общества.

1. Он окончательно становится общим и официально признанным *средством обмена*. Теперь никто не меняет сапоги на хлеб или рубахи на подковы. Тому, кто захотел бы это сделать, ответили бы лишь пожиманием плечами: лишь на скот можно что-нибудь получить. Этим

самым прежний двусторонний обмен распадается на две отдельные сделки: на продажу и куплю. Раньше, когда слесарь и пекарь обменивали взаимно свои продукты, каждый из них путем простого перемещения товаров из одних рук в другие одновременно продавал свой товар и покупал товар другого. Купля и продажа объединялись в одной сделке. Теперь же, когда сапожник продает свои сапоги, он получает и берет за них лишь скот. Он сперва продал лишь свой собственный продукт. Когда он купит что-нибудь, что он купит и купит ли он вообще, это — особый вопрос. Важно только, что сапожник избавился от своего продукта и что его труд из формы сапог превратился в форму скота. Но форма скота, это, как мы знаем, — официальная общественная форма труда, и в этом виде сапожник может сохранять ее сколько ему угодно, так как он знает, что в его руках имеется возможность превратить в любой момент свой продукт труда вновь из формы скота в любую другую форму, т. е. совершить покупку.

2. Этим самым скот становится теперь средством накопления и сбережения богатства, *средством накопления сокровищ*. Пока сапожник непосредственно выменивал свои продукты на жизненные средства, он работал лишь столько, сколько ему нужно было, чтобы удовлетворить свои ежедневные потребности. Какая была бы ему польза от того, если бы он делал сапоги в запас, или накапливал большие запасы хлеба, мяса, рубаш, шляп и т. д.? Предметы повседневного обихода большей частью портятся или же становятся совсем непригодными, если их сохранять длительное время. Теперь же сапожник может сохранять скот, который он получил в обмен на продукт своего труда как сбережение для будущего. Теперь в нашем сапожнике просыпается бережливость, он стремится возможно больше продать, но избегает тратить полученный скот, — наоборот, он стремится его накапливать, и так как теперь скот всегда пригодится, то он сберегает и накапливает его для будущего и оставляет плоды своего труда в наследство своим детям.

3. Одновременно скот становится мерилем всех стоимостей и всех работ. Когда сапожник желает знать, что он получит в обмен за пару сапог, какова стоимость его продукта, он говорит себе к примеру: я получу половину всла за пару, моя пара сапог стоит полвола.

4. Наконец, скот таким образом становится синонимом богатства. Теперь не говорят больше, — тот или иной богат, потому что он имеет много зерна, стад, платьев, украшений, слуг, а говорят просто: он имеет много скота. Теперь говорят еще: шапку долой перед этим человеком, он владеет 10 000 волов, или же: бедный человек, он совсем не имеет скота!

Как вы видите, с распространением скота в качестве всеобщего средства обмена общество может мыслить лишь образами скота. Говорят и мечтают все время о скоте. Создается форменное обожание скота и преклонение перед ним: девушка легче всего находит мужа, если к ее привлекательности в виде приданого прибавляются крупные стада скота, и это даже в тех случаях, когда женихом является не свиновод, а профессор, священник или поэт. Скот является синонимом человеческого счастья. Скот и его сказочное могущество воспеваются в стихах. Из-за скота совершаются преступления и убийства. И люди, покачивая головой, повторяют: «скот правит миром». Если вам эта поговорка покажется незнакомой, то переведите ее на латинский язык: древнеримское слово *rescūia* — деньги происходит от слова *скот*¹.

III

Сделанные нами до сих пор попытки исследовать, как сложились отношения в коммунистической общине после внезапного крушения общественной собственности и общественного плана труда, показались вам, вероятно, чисто теоретическим мудрствованием и переливанием из пустого в порожнее. В действительности же это было не чем иным, как сжатым и упрощенным изложением того, как исторически возникло товарное хозяйство, и это изложение в основных чертах строго соответствует исторической истине.

Необходимо лишь внести некоторые поправки в наше изложение:

1. Процесс, который мы рисовали в виде внезапной катастрофы, разрушившей за одну ночь коммунистиче-

¹ Заметка Р. Л. на полях: В металлических деньгах завершается совлечение (*die Abstrelfung*) потребительной стоимости.

свое общество и превратившей его в общество свободных частных производителей, этот процесс в действительности растянулся на тысячелетие. Правда, представление о том, что подобное превращение может произойти внезапно, в виде насильственной катастрофы, далеко не является чистой фантазией. Это представление вполне соответствует действительности всюду, где примитивные первобытнокоммунистические племена сталкиваются с другими народами, уже стоящими на высокой ступени капиталистического развития. Подобные случаи имели место большею частью при открытии и завоевании так называемых диких и полудивилизованных стран европейцами: при открытии Америки испанцами, завоевании Индии голландцами, Ост-Индии англичанами, и когда англичане, голландцы и немцы загладевали Африкой. В большинстве этих случаев внезапное вторжение европейцев в эти страны сопровождалось катастрофическим переворотом в жизни местных примитивных народов. То, что мы здесь изобразили как процесс, совершившийся в течение 24 часов, в действительности требовало иной раз лишь несколько десятилетий. Завоевание страны европейским государством или даже только основание нескольких европейских торговых колоний в этих странах обычно очень скоро приводило к насильственному уничтожению общественной собственности на землю, к разделению и раздроблению земельной собственности между частными владельцами, к отнятию стад и к перетасовке всех установившихся в обществе отношений. Разница лишь в том, что результатом этого превращения обычно бывало не превращение коммунистической общины в общество свободных товаропроизводителей с товарным обменом, как мы предположили в нашем примере. Обычно при этом разлагавшаяся общественная собственность превращалась не в частную собственность туземцев, а расхищалась европейскими пришельцами, а сами туземцы, лишенные старых форм и средств существования, превращались в дальнейшем в наемных рабов или же просто в рабов европейских купцов, или же — поскольку то и другое не удавалось — прямо истреблялись¹. Для всех первобыт-

¹ Здесь в рукописи следовало придаточное предложение, подчеркнутое карандашом: как это, например, делают сейчас немцы с неграми в юго-западной Африке

ных народов колониальных стран переход от первобытных коммунистических условий к современным капиталистическим фактически носил характер внезапной катастрофы и приносил им безграничные несчастья и страшные бедствия. Что же касается европейского населения, то здесь этот процесс не носил характера катастрофы, а протекал медленно, постепенно и незаметно, в течение столетий. Греки и римляне вступают в историю еще с общественной собственностью. Древние германцы, прорвавшиеся вскоре после Рождества Христова с севера на юг, разрушившие Римскую империю и осевшие в Европе, принесли с собой коммунистическую первобытную общину и сохранили ее в течение некоторого времени. Что же касается развитого товарного хозяйства европейских народов, как мы изобразили его выше, то оно выступает на арену истории лишь на исходе средних веков, в XV и XVI вв.

2. Вторая поправка, которая должна быть сделана в нашем изложении, вытекает из первой. Мы предположили, что различные отрасли труда специализировались и обособились уже в лоне коммунистической общины, т. е. что разделение труда внутри общества уже достигло высокой степени развития, так что в момент наступления той катастрофы, которая уничтожила общественную собственность и установила частное производство и обмен, — что в этот момент разделение труда уже существовало как основа для обмена. Это предположение не соответствует историческому ходу развития. Внутри первобытного общества разделение труда, пока существует общественная собственность, развито лишь слабо и находится в зачаточном состоянии. Мы видели это на примере индийской деревенской общины. Лишь около 12 человек были выделены из среды жителей общины и имели специальные профессии, и только шесть из них были собственно ремесленниками: кузнец, столяр, гончар, цирюльник, прачечник и серебряных дел мастер. Большинство ремесленных работ, как прядение, ткачество, портняжество, печение хлеба, убой скота, изготовление колбас и т. д. производилось в каждой семье в качестве побочного занятия при основном сельскохозяйственном труде, как это теперь еще имеет место во многих деревнях в России, поскольку население еще не втянуто в обмен, в торговлю.

Разделение труда, т. е. выделение отдельных отраслей труда как исключительных специальных профессий, может развиваться надлежащим образом лишь тогда, когда частная собственность и обмен уже имеются налицо. Лишь частная собственность и обмен делают возможным образование отдельных специальных профессий. Лишь тогда, когда производитель может рассчитывать на регулярный сбыт своих продуктов, для него имеет смысл вообще посвятить себя специальному производству. И лишь деньги дают каждому производителю возможность сохранять и накапливать плоды своего труда, и этим самым они дают толчок для расширенного и регулярного производства на рынок. С другой стороны, это производство на рынок и накопление денег лишь тогда имеет смысл для производителя, когда его продукт и выручка за него составляют его частную собственность. В коммунистической же первобытной общине частная собственность как раз отсутствует, и история учит нас, что частная собственность возникает лишь в результате обмена и специализации труда. Таким образом, оказывается, что образование специальных профессий, т. е. высоко развитое разделение труда, возможно лишь при частной собственности и развитом обмене. С другой стороны, ясно, что самый обмен возможен лишь тогда, когда уже имеется налицо разделение труда, ибо какой смысл имел бы обмен между производителями, изготавливающими один и тот же продукт? Лишь когда X, например, только производит сапоги, в то время когда У только печет хлеб, им обоим имеет смысл обменивать свои продукты.

Таким образом, мы наткнулись на странное противоречие: обмен возможен лишь при частной собственности и развитом разделении труда, разделение же труда может возникнуть лишь при наличии обмена на основе частной собственности, частная же собственность, с своей стороны, возникает лишь благодаря обмену. Если присмотреться ближе, то вы обнаружите даже двойное противоречие: разделение труда должно предшествовать обмену, а обмен должен существовать уже при разделении труда, и далее: частная собственность является предпосылкой разделения труда и обмена, но она не может развиваться иначе, как лишь в результате разделения труда и обмена. Как возможно подобное

переплетение? Мы, очевидно, вертимся в заколдованном кругу, и уже первый шаг за пределы первобытной коммунистической общины представляется невозможным. Человеческое общество попало тут, очевидно, в противоречие, от разрешения которого зависел дальнейший ход развития. Но эта безвыходность положения лишь кажущаяся. В повседневной жизни отдельных людей противоречия представляются, правда, чем-то непреодолимым, в жизни же общества в целом вы, присматриваясь ближе, найдете на каждом шагу такие противоречия: что сегодня является причиной другого явления, то завтра будет его следствием и наоборот, причем эти непрерывные перемены в отношениях не задерживают течения жизни общества. Наоборот, отдельный человек, наткнувшись в своей частной жизни на противоречия, не может ступить шагу дальше. В обычной жизни так распространено представление о невозможности противоречий, что обвиняемый, путающийся в противоречиях перед судом, этим самым изобличается во лжи, и при известных условиях эти противоречия могут привести его в тюрьму или даже на виселицу.

Человеческое же общество в целом непрерывно запутывается в противоречиях, но оно не гибнет при этом, а наоборот, лишь тогда движется, когда оно попадает в противоречия. Дело в том, что противоречия в общественной жизни постоянно разрешаются в процессе развития, ведя к новому прогрессу культуры. Великий философ Гегель говорит: «противоречие ведет вперед». И это движение в сплошных противоречиях является подлинным способом развития истории человеческого общества. И в данном интересующем нас случае, т. е. при переходе коммунистического общества к частной собственности с разделением труда и обменом, противоречие, которое мы констатировали, разрешилось особым развитием в длинном историческом процессе. И в общем и целом этот процесс, принимая во внимание сделанные нами поправки, по существу соответствовал нарисованной нами картине.

Прежде всего обмен действительно начинается уже в первобытных условиях, при наличии общественной собственности, и именно, как мы и принимали, в форме, натурального обмена, т. е. прямого обмена продукта на продукт. Натуральный обмен мы встречаем уже на ранних

ступенях развития человеческой культуры. Так как, однако как мы указывали, обмен предполагает частную собственность у обменивающихся, а таковая отсутствует внутри первобытной общины, то натуральный обмен впервые появляется не внутри общины или племени, а вне их, не между членами одного и того же племени, одной и той же общины, а между различными племенами и общинами, там, где они между собой соприкасаются. При этом не отдельные члены того или иного племени вступают в обмен с членами другого племени, а племена, общины, как целое, ведут меновую торговлю между собою в лице своих главных вождей. Распространенное среди ученых политэкономов представление о первобытном охотнике и первобытном рыболове, которые на заре человеческой культуры, в первобытных лесах Америки, взаимно выменивают свою дичь и рыбу, следовательно, вдвойне исторически неверно. В первобытные времена, как мы видели, не только не существуют обособленно живущие и трудящиеся индивидуумы, но и обмен между отдельными лицами развивается лишь тысячелетия спустя. Вначале история знает лишь торговлю между племенами и народами. «Дикие народы, — говорит Лафитто в своем труде об американских дикарях, — постоянно ведут взаимные меновые сношения. Торговля их имеет тот общий признак с торговлей древних, что представляет непосредственный обмен одних продуктов на другие. У каждого из этих народов имеется нечто такое, чего нет у других, и торговля переносит все эти вещи от одного из них к другому. Таковы: зерновой хлеб, гончарные изделия, меха, табак, одеяла, лодки, дикий рогатый скот, домашняя утварь, амулеты, хлопчатая бумага — словом, все, что только находится в употреблении для поддержания человеческой жизни... Торговля их ведется главою племени, который представляет весь народ»¹.

Если мы, далее, изображая выше обмен, как единичное явление, — обмен между сапожником и пекарем, — рассматривали его как нечто случайное, то и это строго соответствует исторической истине. Вначале обмен между отдельными дикими племенами и народами представляет

¹ *Laffitteau. Moeurs des sauvages américains comparées aux mœurs des premiers temps. 1724, Bd. II, S. 322—323. Цитировано у Зибера (Давид Рикардо и Карл Маркс., 1885), стр. 245—246*

нечто чисто случайное, нерегулярное; он зависит только от случайного соприкосновения и случайных встреч между племенами. Вот почему мы видим, что регулярная меновая торговля раньше всего возникает у кочевых народов¹, которые благодаря постоянной перемене места чаще всего приходят в соприкосновение с другими народами. Пока обмен носит случайный характер, лишь излишек продуктов, остающийся сверх собственных нужд того или иного племени и той или иной общины, поступает в обмен. С течением времени, однако, чем чаще повторяется случайный обмен, тем больше он переходит в привычку, становится затем правилом, и мало-помалу люди начинают производить продукты непосредственно для обмена. Те или иные племена и народы в целях обмена специализируются в той или иной отрасли производства. Развивается разделение труда между племенами и общинами. При этом торговля еще долгое время остается чисто меновой торговлей, т. е. производится прямой обмен продукта на продукт. Во многих местностях Соединенных Штатов, еще в конце XVII в., была распространена меновая торговля. В Мериленде законодательное собрание установило относительные пропорции для обмена табака, масла, свинины и хлеба. В Корриентесе еще в 1815 г. мальчики бегали по улицам с криками: «соли за свечи, табак за хлеб!» В русских деревнях вплоть до 90-х годов, а в некоторых местах и теперь, странствующие торговцы, так называемые прасолы, вели простую меновую торговлю с крестьянами. Всякого рода мелочи — иголки, наперстки, ленты, пуговицы, трубки, мыло и т. д. — они обменивали на щетину, пух, заячьи шкурки и т. п. Подобную же торговлю ведут в России и странствующие гончары, жестянщики и т. д., обменивающие собственные продукты на зерно, лен, пеньку, холст и т. п.² По мере того как обмен учащается, становясь регулярным явлением, уже очень рано в каждой местности и у каждого племени выделяется тот товар, который легче всего может быть им произведен, который, следовательно, чаще всего может быть дан в обмен, или же, наоборот, тот товар, в котором больше всего ощущается недостаток, который, следовательно, является предметом

¹ Заметка Р Л на полях: NB «Археологические находки, относящиеся к эпохе, предшествующей кочевому состоянию»

² *Siber*, S. 246.

всеобщего спроса. Таковую роль играют, например, соль и финики в пустыне Сахаре, сахар в английской Вест-Индии, табак в Виргинии и Мериленде, так называемый кирпичный чай (твердая смесь листьев чая с жиром, в виде кирпичей) в Сибири, слоновая кость у африканских негров, бобы какао в древней Мексике. Уже климатические и почвенные особенности ведут в различных местностях к выделению «всеобщего товара», могущего стать основой всей торговли и посредником всех меновых сделок. В дальнейшем развитии то же самое вытекает из особого рода занятий каждого племени. У охотничьих народов дичь, само собой разумеется, является тем «всеобщим товаром», который они предлагают в обмен на всевозможные продукты. В торговле «Торговой компании Гудзон-Бай» подобную роль играли бобровые шкуры; у племен, занимающихся рыболовством, рыба, естественно, служит средством обмена при всех меновых сделках. По рассказу одного французского путешественника, на Шетландских островах, даже при покупке билета в театр, сдача выплачивается рыбой¹. Необходимость в таком всеми излюбленном товаре, как всеобщем средстве обмена, иной раз ощущается очень остро. Так, например, известный африканский путешественник Самуил Беккер следующим образом описывает свою меновую торговлю с негритянскими племенами в Центральной Африке: «Добывать съестные припасы становится все труднее. Туземцы не иначе продают муку, как в обмен на мясо, поэтому мы приобретаем ее так: в обмен на платье и обувь покупаем у турецких торговцев железные «молоты» (мотыги); на молоты покупаем быка, его ведут в дальнюю деревню, убивают и мясо разделяют приблизительно кусков на сто. С этим мясом и тремя большими корзинами мои люди садятся на землю; туземцы приходят и за каждый кусок мяса высыплют в корзину по маленькой корзинке муки. Вот образчик томительного среднеафриканского торгового мукою»².

С переходом к скотоводству скот становится всеобщим товаром в меновой торговле и всеобщим мерилom стоимости. Это имело место, судя по описанию Гомера, у древних греков. Рисуя, например, снаряжение каждо-

¹ Пометка Р. Л. на полях: *Зибер*, Давид Рикардо и Карл Маркс., стр. 247.

² *Samuel Baker, Reise zu den Nilquellen, S. 221—222.*

го героя и оценивая его, он говорит, что оружие Главка стоило 100 быков, оружие Диомеда — 9 быков. Наряду со скотом в то время у греков и некоторые другие продукты служили деньгами. Тот же Гомер рассказывает, что при осаде Трои за вино из Лемноса платили то шкурами, то волами, то медью, то железом. У древних римлян понятие «денег» было, как мы указали выше, тождественно с понятием скота; точно так же у древних германцев скот служил всеобщим товаром.

С переходом к земледелию металлы, железо и медь получают выдающееся значение в хозяйстве, отчасти как материалы для выделки оружия, а в еще большей степени как материал для сельскохозяйственных орудий. Добыча металла возрастает, он все более входит во всеобщее употребление, становится всеобщим товаром и занимает в этой роли место скота. Первоначально металл становится всеобщим товаром лишь благодаря его непосредственной полезности как материала для всевозможных орудий. В этой стадии он употребляется как сырой материал и в торговле имеет хождение в слитках и лишь по весу. У греков во всеобщем употреблении было железо, у римлян — медь, у китайцев — сплав меди и свинца. Значительно позднее появляются в торговом обороте и входят в употребление так называемые благородные металлы — серебро и золото. Но и эти металлы еще в течение долгого времени обращаются как сырой материал, не в виде монет, и принимаются в торговле по весу. Здесь еще ясно можно проследить, что всеобщим денежным товаром становится какой-нибудь полезный продукт, удовлетворяющий известные потребности¹. Простой кусок серебра, которым сегодня оплачивалась покупка муки, мог на следующий день пойти на изготовление какого-нибудь блестящего рыцарского щита.

Исключительное употребление благородных металлов в качестве денег, т. е. в виде чеканеных монет не было известно не только древним индийцам, но и египтянам и китайцам. И древние иудеи знали металлические деньги лишь во весу. Так, например, Авраам, как рассказано в ветхом завете, заплатил Еффрону при покупке места для гробницы Сарры четыреста полновесных сиклей

¹ Заметка Р. Л на полях: «Почему благородные металлы остались в этой роли?»

торгового серебра. Предполагают, что чеканка монеты впервые появилась лишь в X или даже VIII в. до нашей эры и что это раньше всего имело место у греков. Римляне переняли это у греков и впервые пустили в обращение свои серебряные и золотые монеты в III в. до нашей эры. С введением чеканки серебряных и золотых монет долгая тысячелетняя история развития обмена достигла своей наиболее полной, зрелой и законченной формы¹.

Мы, указывали выше, что деньги, т. е. всеобщий товар, развились значительно раньше, чем стали применяться для их изготовления металлы. Фактически уже, например, в форме скота деньги выполняли в обмене точно те же функции, какие теперь выполняет золотая монета, являясь посредником в меновых сделках, мерилom стоимости, средством накопления и воплощением богатства. Но лишь в форме металлических денег определение последних достигает и в своем внешнем проявлении полного выражения. Мы видели, что обмен начинается в форме непосредственного обмена друг на друга двух продуктов труда. Он возникает потому, что один производитель — община или племя — не может обойтись без продуктов труда другого. Взаимно обмениваясь, они приходят друг другу на помощь продуктами своего труда. По мере частого и регулярного повторения подобных меновых операций *один* продукт становится всеми предпочитаемым и этим самым превращается в посредника всех меновых сделок, во всеобщий товар. По существу любой продукт труда может стать таким товаром, т. е. деньгами: обувь точно так же, как и шляпы, полотно, как и шерсть, скот, как и зерно, и мы в действительности видим, что попеременно самые различные товары выполняют эту роль. *Какой* именно товар в данных условиях станет избранным — зависит исключительно от специфических потребностей и особого рода занятий данного народа. Сначала скот становится этим излюбленным товаром как полезный продукт, как жизненное средство. Чем дальше, однако, тем больше скот берется в обмен именно как деньги, так как в качестве таковых он дает возможность каждому сохранять плоды его труда в такой форме, в которой их в любой момент легко обменять на любые продукты труда общества. В этом смысле мы указывали, что

¹ Заметка Р. Л. на полях: Н. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс., стр. 248.

скот, в отличие от прочих частных продуктов, являлся единственным непосредственно общественным продуктом, легко обмениваемым в любое время.

Но в форме скота двойственный характер денежного товара еще слишком выступает наружу, так как достаточно одного взгляда на скот, чтобы понять, что он не только всеобщий товар, не только общественный продукт, но одновременно и простой продовольственный продукт, который можно зарезать и употреблять в пищу, что он есть лишь обыкновенный продукт человеческого труда, труда пастушеского народа. Что же касается золотой монеты, то в ней окончательно скрыты следы происхождения денег из простого продукта. Чеканеный золотой кружок сам по себе ни на что другое не пригоден, его нельзя употребить иначе, как лишь в качестве средства обмена, в качестве всеобщего товара. Золотая монета является вообще еще товаром лишь постольку, поскольку она, как всякий другой товар, является продуктом человеческого труда, труда рабочего на золотых приисках, и золотых дел мастера, но она потеряла уже всякое значение как жизненное средство; она является не чем иным, как продуктом человеческого труда, лишенным полезной формы для какого бы то ни было частного потребления, она не может служить пищей, одеждой или украшением, а имеет лишь чисто общественную функцию: служить посредником в обмене другими товарами. И именно поэтому в бессмысленном и бесцельном предмете, как золотая монета, чисто общественный характер денег как всеобщего товара впервые находит свое наиболее чистое и полное выражение¹.

Последствием окончательного принятия деньгами металлической формы является широкое распространение торговли и распад всех общественных отношений, которые до сих пор покоились не на торговле, а на удовлетворении своих потребностей. Торговля расшатывает старую коммунистическую общину, так как она усиливает имущественное неравенство между ее членами, уничтожает общественную собственность и в конце концов ведет к распаду самой общины². Небольшое свободное крестьянское хозяйство, производившее раньше все для

¹ Заметка Р. Л. на полях: NB «Замена обычных металлов благородными металлами (например, золотом)».

² Заметка Р. Л. на полях: «Подробнее».

себя необходимое и продававшее лишь излишки, чтобы прятать деньги в чулок, постепенно, благодаря введению денежных налогов, вынуждается продавать все свои продукты, чтобы затем покупать не только продовольствие, одежду и домашнюю утварь, но даже зерно для посева. Пример такого превращения крестьянского хозяйства из производства для собственного потребления в производство на рынок, превращения, совершенно разрушившего его, мы в течение последних десятилетий могли наблюдать в России. И в древнем хозяйстве, основанном на рабстве, развитие торговли влечет за собой глубокие преобразования. Пока раба заставляли работать лишь для потребностей домашнего хозяйства в качестве сельскохозяйственного рабочего или ремесленника для нужд господина и его семьи, рабство носило еще патриархальный, мягкий характер. Лишь с тех пор, как греки и римляне пристрастились к деньгам и начали производить для рынка, началась бесчеловечная эксплуатация рабов¹, приводившая к массовым мятежам рабов. Как ни безнадежен был исход этих восстаний, они явились достаточным показателем и провозвестником того, что рабство пережило себя и стало невыносимым. То же самое повторяется в средние века с барщинными отношениями. Сперва они носят характер охраны крестьянина помещиком, и за это крестьянство уплачивает своему дворянскому покровителю определенный умеренный оброк натурой или отрабатывает барщину для удовлетворения потребностей самих господ. Впоследствии, когда дворянство познало прелесть денег, натуральный оброк и барщинный труд все более повышаются для торговых целей, барщинные отношения сменяются настоящим крепостничеством, и из крестьянина выжимаются последние соки². В заключение тот же рост торговли и усиление господства денег приводит к замене натуральных повинностей денежными. Этим самым пробил час всей пережившей себя системе барщинных отношений. И, наконец, в средние века торговля чрезвычайно усиливает богатство и могущество свободных городов и этим самым приводит к разложению и распаду старого цехового ремесла. Благодаря появлению металлических денег мировая торговля получает уже очень рано толчок к развитию.

¹ См. *К. Маркс*, *Капитал*, т. I, стр. 240—241.

² См. там же, стр. 242—244.

Уже в древности отдельные народы, как финикийцы, посвящают себя торговому посредничеству между народами, стремясь при этом к возможно большему накоплению богатств в денежной форме. В средние века эта роль выпадает на долю свободных городов, преимущественно итальянских. После открытия Америки и морского пути в Ост-Индию в конце XV в. мировая торговля внезапно сильно расширяется: новые страны доставляли не только новые продукты для торговли, но и располагали золотыми приисками и денежным материалом. Огромный ввоз золота из Америки в XVI в. вызвал расцвет северогерманских городов, главным образом Ганзейских, чрезвычайно обогатившихся, как и Голландия и Англия, благодаря развитию мировой торговли. Этим самым в европейских городах, а в значительной степени и в деревнях товарное хозяйство, т. е. производство для обмена, становится господствующей формой хозяйственной жизни. Из скромных зачатков еще в далекой древности на границах диких коммунистических племен обмен развивается¹ и непрерывно растет при всех последовательно сменяющих друг друга формах организованного хозяйства, какими были простое свободное крестьянское хозяйство, восточная деспотия, античное рабство, средневековое крепостничество, городская цеховая система. Все более расширяясь, обмен разъедает и ведет к крушению все эти хозяйственные формы, приводя, наконец, к совершенно анархическому бесплановому хозяйству изолированных частных производителей, ставшему единственной и повсеместно господствующей формой хозяйства².

IV³

После того как товарное хозяйство стало господствующей формой производства в Европе, по крайней мере в городах, в XVIII в. ученые приступают к исследованию

¹ Заметка Р. Л. на полях. NB: «Fauxfrais» беспланового хозяйства в форме денег оно вынуждено, так сказать, дважды производить свое общественное богатство».

² Заметка Р. Л. на полях. NB: «Культурное значение торговли, начиная с [неразборчиво]. *Международные связи*».

³ NB: «Золотые иллюзии. погоня за золотом. — Открытие Америки... Меркантилистическая политика Карла V. Алхимия (золото)».

того, на чем покоится это хозяйство, т. е. система всеобщего обмена. Но обмен производится посредством денег, и стоимость каждого товара при обмене выражается в деньгах. Что же означает это денежное выражение и чем обуславливается ценность каждого товара в торговле? Вот первые вопросы, исследованием которых занялась политическая экономия. Во второй половине XVIII и в начале XIX в. англичане Адам Смит и Давид Рикардо сделали крупное открытие, заключавшееся в том, что стоимость каждого товара есть не что иное, как заключенный в нем человеческий труд, и что, следовательно, при обмене товаров происходит взаимный обмен равных количеств различного труда. Деньги же являются при этом лишь посредником и выражают в цене лишь соответствующее количество труда, заключенное в каждом товаре. Может показаться, собственно говоря, удивительным, что мы говорим о крупном открытии, когда, казалось бы, само собой разумеется и нет ничего яснее того, что обмен товаров определяется заключенным в них трудом. Но ставшее общепринятым выражение стоимости товара в золоте затемняло это естественное положение вещей. И действительно, когда я говорю, что сапожник и пекарь взаимно обменивают свои продукты, то из этого легко можно усмотреть, что, вопреки различным потребительным свойствам, обмен происходит потому, что один продукт точно так же стоил труда, как и другой, что они, следовательно, равноценны друг другу, поскольку на их изготовление требовалось одинаковое количество времени. Если же я говорю, что пара сапог стоит 10 марок, то это выражение, если вдуматься в него, представляет нечто совсем загадочное. Что, собственно, общего между парой сапог и 10 марками, в чем они друг другу равны, чтобы обмениваться друг на друга? Как можно вообще сравнивать столь различные между собою вещи? И как можно в обмен на столь полезный продукт, как сапоги, брать столь бесполезный и бессмысленный предмет, как чеканный золотой или серебряный кружок? И как это, наконец, случилось, что как раз эти ненужные металлические кружки обладают волшебной силой все в мире получать в обмен на себя?

И тут нужно сказать, что великим творцам политической экономии — Смиту и Рикардо — не удалось от-

вегить на все эти вопросы. Открытие, что в меновой стоимости всякого товара, как и в деньгах, заключается лишь человеческий труд и что, следовательно, стоимость каждого товара тем больше, чем больше труда требуется на его производство, и наоборот, — это открытие является лишь половиной истины. Вторая половина этой истины состоит в разъяснении того, каким образом и почему человеческий труд принимает своеобразную форму меновой стоимости и даже загадочную денежную форму? Английские творцы политической экономии даже не задавались последним вопросом, так как они считали врожденным и естественным свойством человеческого труда создавать товары для обмена и деньги. Иными словами, они полагали, что для человека производить товары для торговли так же естественно, как то, что он должен есть и пить и что у него на голове растут волосы, а посредине лица помещается нос. Они так были убеждены в этом, что, например, Адам Смит серьезно спрашивает себя, не занимаются ли уже и животные торговлей между собой, и дает на этот вопрос отрицательный ответ потому, что до сих пор не удалось установить у животных подобных примеров. Он говорит:

[«Разделение труда... было необходимым... последствием известного стремления, свойственного всем людям, помимо какой бы то ни было заранее рассчитанной, общей выгоды, стремления, побуждающего их к торгу, к обмену одной вещи на другую вещь. В предмет наших исследований вовсе не входит рассмотрение вопроса, составляет ли это стремление одно из врожденных, неуловимых свойств человеческой природы, или, как это кажется более правдоподобным, оно составляет необходимое последствие рассудочной деятельности и дара слова. Оно свойственно всякому человеку и не замечается ни в какой другой породе животных, которым этот род отношений остается неизвестен, подобно множеству других. Две борзые собаки, гонящиеся за зайцем, кажется нам, гонят его будто по какому-то соглашению. Одна собака направляет его на другую или старается схватить, когда он уходит в ее сторону от другой. Тем не менее тут нет никакого соглашения между обоими животными, и согласие между ними есть только случайная встреча страстей их на одном и том же предмете. Никто никогда не видел, чтобы животное давало

разуметь другому животному голосом и телодвижениями: это — мое, а то — твое, я отдам тебе это за то. Когда животному хочется что-нибудь от другого животного или человека, то у него одно только средство — приласкаться к тому, в ком оно имеет нужду»]¹.

Это наивное представление означает не что иное, как то, что великие творцы политической экономии были твердо убеждены, что современный капиталистический общественный строй, при котором все является товаром и все производится для торговли, является единственно возможным и вечным общественным порядком, которому суждено существовать столько же времени, сколько и человеческому роду на земле. Лишь Карл Маркс, который, будучи социалистом, рассматривал капиталистический порядок не как вечную и единственно возможную, а лишь как исторически преходящую общественную форму, начал сравнивать современные отношения с отношениями предыдущих эпох. При этом обнаружилось, что люди тысячелетиями жили и трудились, не имея понятия о деньгах и об обмене. Лишь по мере прекращения общего планомерного труда в обществе и превращения самого общества в анархическое скопище независимых и самостоятельных производителей с частной собственностью обмен стал единственным средством объединения разрозненных индивидуумов и их работ в единое общественное хозяйство. Вместо общего хозяйственного плана, предшествовавшего производству, выступают деньги, ставшие единственной непосредственной общественной связью, и именно потому, что они представляют собой то общее, что имеется между различными частными работами как известное количество человеческого труда, без особой потребительной стоимости, — следовательно, именно потому, что они являются совершенно бессмысленным продуктом, непригодным для какого бы то ни было потребления в частной жизни людей. Это бессмысленное изобретение является, следовательно, необходимостью, без которой обмен, как и вообще вся история культуры человечества со времени разложения первобытного коммунизма были бы невозможны. Буржуазные

¹ *Адам Смит, Исследования о природе и причинах богатства народов, т. I, стр 111—112 русск пер СПб, 1866* На месте приводимой цитаты в рукописи пропуск — *Ред*

экономисты признают, правда, все важное значение и необходимость денег, но лишь с точки зрения чисто внешних удобств товарообмена. В действительности можно утверждать последнее относительно денег в том же смысле, как если бы сказать, что человечество, например, изобрело религию для удобства. Фактически деньги и религия являются двумя могущественными продуктами человеческой культуры, корнящимися в совершенно определенных отношениях, которые, однако, возникши, с течением времени становятся излишними. Огромные ежегодные расходы по добыче золота, как и расходы по религиозному культу, как расходы по содержанию тюрем, армии, по общественной благотворительности, столь обременяющие ныне общественное хозяйство и представляющие из себя необходимые затраты, пока существует эта форма хозяйства, совершенно отпадут сами собой с исчезновением товарного хозяйства.

Насколько нам удалось ознакомиться с внутренним механизмом товарного хозяйства, оно оказывается удивительно гармоничным, основанным на высших принципах морали хозяйственным порядком. Во-первых, господствует ведь полная индивидуальная свобода, каждый трудится над чем ему угодно и сколько ему угодно, исключительно по личному усмотрению; каждый сам себе хозяин и может считаться лишь с собственной выгодой. Во-вторых, одни обменивают свои товары, т. е. продукты своего труда, на продукты труда других, труд обменивается на труд и в среднем равное количество труда на равное же количество труда. Господствуют, следовательно, полное равенство и взаимность интересов. В-третьих, при товарном хозяйстве товар обменивается лишь на товар, продукт труда на продукт труда. Кто, следовательно, не может предложить продукта своего труда, кто не трудится, тот и не получит средств существования. Таким образом царит и высшая справедливость. И в действительности философы и политики XVIII в., боровшиеся за полную победу промышленной свободы, за отмену всех остатков старых отношений господства, цеховой регламентации и феодального крепостничества, все они, как и деятели Великой французской революции, обещали человечеству рай земной, в котором будут господствовать свобода, равенство и братство.

Подобного же мнения придерживались еще некоторые видные социалисты первой половины XIX в. Когда возникла научная политическая экономия и сделано было великое открытие Смита — Рикардо, что стоимость всех товаров основана на человеческом труде, некоторые друзья рабочего класса стали на ту точку зрения, что при правильном проведении товарообмена в обществе должны восторжествовать равенство и справедливость. Ибо, если всегда труд будет обмениваться только на труд в равных количествах, имущественное неравенство никак не сможет иметь места, разве только заслуженное неравенство между трудолюбивым и ленивым, и все общественное богатство должно принадлежать тем, которые трудятся, т. е. рабочему классу. Если мы тем не менее наблюдаем¹ в современном обществе большие различия в положении людей, если мы видим богатство рядом с нищетой и при этом богатство у тех, которые не трудятся, а нищету у тех, которые своим трудом создают все ценности, то это, очевидно, вытекает из недобросовестного обмена, который возможен лишь потому, что тут вступают деньги как посредник обмена продуктов труда. Деньги затемняют истинное происхождение всех богатств из человеческого труда. Деньги вызывают постоянное колебание цен, дают возможность произвольно устанавливать цены, что ведет к надувательству и к накоплению богатств одними за счет других. Следовательно, долой деньги! Этот социализм, направленный к устранению денег, впервые появился в Англии, где эту точку зрения уже в 20-х и 30-х годах прошлого столетия отстаивал ряд талантливых писателей, как Томпсон, Брей и др. Впоследствии этого же рода социализм был изобретен вторично в Пруссии консервативным поместным помещиком и блестящим писателем-экономистом Родбертусом и в третий раз, уже во Франции, Прудоном в 1849 г. В этом направлении делались даже практические попытки. Под влиянием вышеназванного Брея в Лондоне и целом ряде других английских городов были устроены так называемые «базары справедливого трудового обмена», куда приносились товары для обмена без посредства денег в строгом соответствии с

¹ Заметка Р Л на полях (карандашом) сравни *John Bellers, Bernstein, Engl Rev*, S 354.

рабочим временем, потраченным на их изготовление. С этой же целью и Прудон предложил устройство своего так называемого «народного банка». Эти попытки, как и сама теория, очень скоро обанкротились. Товарообмен немыслим без денег, и колебания цен, которые вышеуказанные авторы стремились устранить, являются в действительности единственным средством, указывающим производителям товаров, достаточно или недостаточно товаров они изготовляют, больше или меньше труда, чем требуется, они употребили на производство, производят ли они требуемые товары или нет. Если устранить это единственное средство взаимного осведомления между изолированными товаропроизводителями в анархическом хозяйстве, то они совсем потеряются и будут не только глухонемыми, но и слепыми. Тогда производство должно остановиться, а капиталистическая вавилонская башня — развалиться. Социалистические проекты, стремящиеся превратить капиталистическое товарное производство в социалистическое путем одного лишь уничтожения денег, являются, следовательно, по существу чистой утопией.

Как же в действительности обстоит дело со свободой, равенством и братством при товарном производстве? Как возможно при всеобщем товарном производстве, когда каждый может получить что-нибудь лишь в обмен на продукт труда и где лишь равные стоимости обмениваются на равные, — как возможно при этом возникновение имущественного неравенства? А ведь современное капиталистическое хозяйство больше всего как раз и характеризуется, как это известно каждому, именно вопиющим неравенством в материальном положении людей, колоссальным накоплением богатств в руках немногих, с одной стороны, и все возрастающей массовой нищетой — с другой стороны. Дальнейший вопрос, логически вытекающий для нас из всего вышеизложенного, сводится, таким образом к следующему *как возможен капитализм при товарном хозяйстве и обмене товаров по их себестоимости?*

5 ¹ [ЗАКОН ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ]

Все товары обмениваются между собой по их стоимости, т. е. по заключающемуся в них общественно необходимому труду. Когда деньги начинают играть роль посредника, это ничего не меняет в этой основе всякого товарообмена; деньги сами являются просто лишь выражением общественного труда, и количество стоимости, заключающейся в каждом товаре, находит себе выражение в том количестве денег, за которое этот товар продается. На основе этого закона стоимости между товарами на рынке господствует полнейшее равенство. И такое же полное равенство существовало бы и между всеми продавцами товаров, если бы среди миллионов различных товаров, которые поступают отовсюду в рыночный обмен, не было одного единственного товара, обладающего совершенно особыми свойствами, — мы говорим о рабочей силе. Этот товар выносится на рынок теми, которые сами не имеют средств производства для того, чтобы производить другие товары. В обществе, которое основано исключительно на обмене товаров, как мы знаем, можно что-либо получить не иначе, как только путем обмена. Тот, кто не выносит какого-либо товара на рынок, не получает средств к существованию.

Мы уже видели, что выносимые всеми и каждым в отдельности на рынок товары являются единственным основанием, дающим этим людям право притязать на известную долю в общественном продукте, и одновременно эти же товары определяют размеры этой доли. Каждый получает по собственному выбору в любых товарах совершенно такое же количество затраченного всем

¹ В рукописи эта глава обозначена цифрой IV

обществом труда, какое он сам доставляет в форме какого-либо товара, заключающего в себе общественно необходимый труд. Для того, следовательно, чтобы жить, каждый человек должен доставлять и продавать товары. Производство и продажа товаров стали условием существования для человека. Но для производства какого-либо товара необходимы: средства труда, т. е. орудия и т. п., затем сырье и вспомогательный материал, а также какое-нибудь место для труда, мастерская с соответствующими условиями труда, как освещение и т. д., наконец, известное количество жизненных средств, чтобы иметь возможность продержаться до окончания периода производства и продажи товара. Лишь немногие незначительные товары могут быть изготовлены или добыты без предварительных расходов на средства производства: например, собранные в лесу грибы или ягоды, раковины, собираемые приморскими жителями. Но даже и тут необходимы некоторые средства производства, как корзины и т. п., и, во всяком случае, необходимо иметь жизненные средства для поддержания своего существования во время этой работы. Но в каждом обществе с развитым товарным производством большинство товаров требует для своего изготовления значительных, а иногда и громадных предварительных затрат на средства производства. Тому, кто не имеет этих средств производства и не может производить товары, не остается ничего другого, как вынести на рынок в качестве товара самого себя, т. е. свою собственную рабочую силу.

Как и каждый другой товар, товар рабочая сила имеет определенную стоимость. Стоимость каждого товара, как мы знаем, определяется количеством труда, необходимым для его производства. Для производства товара рабочая сила точно так же необходимо известное количество труда, именно того труда, который затрачивается на производство средств существования рабочего: пищи, одежды и т. д. Сколько, следовательно, труда затрачивается для того, чтобы сделать человека работоспособным, чтобы поддержать его рабочую силу, столько и стоит его рабочая сила. Стоимость товара рабочая сила определяется, следовательно, тем количеством труда, которое необходимо для производства средств существования рабочего. Далее, так же, как и стоимость всякого другого товара, стоимость рабочей силы на

рынке выражается в цене, т. е. в деньгах. Денежное выражение, т. е. цена товара рабочая сила, называется заработной платой. У каждого другого товара цена повышается, если спрос растет быстрее, чем предложение, и, наоборот, цена падает, если предложение товара больше, чем спрос на него. То же самое имеет место и по отношению к товару рабочая сила: при растущем спросе на рабочих заработная плата имеет, вообще говоря, тенденцию к росту; когда же спрос падает, или же рынок труда переполняется свежим товаром, тогда заработная плата обнаруживает тенденцию к падению. Наконец, как у каждого другого товара, стоимость рабочей силы, а следовательно, вместе с нею, в конечном счете, и цена ее возрастает, когда возрастает необходимое для ее производства количество труда; в данном случае — когда производство средств существования рабочего требует большего количества труда. И, наоборот, каждое сбережение в труде, необходимом для изготовления средств существования рабочего, ведет к понижению стоимости рабочей силы, а следовательно, и ее цены, т. е. заработной платы. «Уменьшите, — писал Давид Рикардо в 1817 г., — издержки производства шляп, и цена их, в конце концов, понизится до размеров их новой естественной цены, хотя спрос мог бы удвоиться, утроиться или учетвериться. Уменьшите посредством уменьшения цен на пищу и одежду, служащих для поддержания жизни, издержки производства средств существования людей, и заработная плата, в конце концов, упадет, несмотря на то, что спрос на рабочих может очень сильно увеличиться».

Таким образом, товар рабочая сила не выделяется сперва на рынке ничем из ряда других товаров, кроме разве того, что этот товар неотделим от своего продавца, рабочего, и что поэтому этот товар не может перенести долгого выжидания покупателя, так как рабочая сила вместе с носителем ее, рабочим, должна погибнуть при отсутствии средств существования, в то время как большинство других товаров могут, вообще говоря, вынести более или менее длительный период выжидания до момента продажи. Особенности товара рабочая сила не обнаруживаются, следовательно, еще на рынке, где значение имеет лишь меновая стоимость. Эти особенности лежат в другом — в потребительной

стоимости этого товара. Каждый товар покупается за-за той пользы, которую он может принести при своем потреблении. Сапоги покупаются, чтобы служить в качестве обуви; чашка покупается, чтобы из нее можно было пить чай. Для чего же может служить купленная рабочая сила? Очевидно, для труда. Но этим еще ничего не сказано. Работать люди могли и должны были во все времена с тех пор, как существует человеческое общество, и все же прошли целые тысячелетия, в течение которых рабочая сила, как покупной товар, была чем-то совершенно неизвестным. С другой стороны, если мы предположим, что человек, при полном использовании своей рабочей силы в состоянии лишь произвести для себя свои собственные средства для существования, то покупка такой рабочей силы, т. е. рабочая сила в качестве товара, являлась бы полнейшей бессмыслицей. Ибо, если кто-либо покупал и оплачивал рабочую силу, затем заставлял ее работать при помощи своих собственных средств производства и, в конечном итоге, получал лишь средства существования для носителя купленного им товара, т. е. для рабочего, то все это свелось бы, в конечном счете, к тому, что рабочий, путем продажи своей рабочей силы, получал бы лишь доступ к чужим средствам производства, чтобы работать при помощи их для самого себя. Это было бы с точки зрения товарообмена такой же бессмысленной сделкой, как если бы кто-нибудь купил сапоги с тем, чтобы вернуть их затем обратно сапожнику в виде подарка. Если бы человеческая рабочая сила не допускала никакого другого употребления, тогда она для покупателя не имела бы никакой пользы и не могла бы поэтому появиться на рынке в качестве товара. Ибо только продукты, приносящие определенную пользу, могут фигурировать в качестве товаров. Для того, следовательно, чтобы рабочая сила вообще могла появиться в качестве товара, недостаточно того, чтобы человек мог работать, когда ему дают средства производства, но чтобы он мог работать больше, чем это необходимо для изготовления его собственных средств существования. Он должен иметь возможность работать не только для своего собственного содержания, но и для покупателя своей рабочей силы. Товар рабочая сила при потреблении, т. е. при труде, должен, следовательно,

не только возместить свою собственную цену, г. е. заработную плату, но и сверх того производить известную добавочную работу для ее покупателя. И товар рабочая сила в действительности обладает этим приятным свойством. Но что это означает? Имеем мы тут дело с известным естественным свойством человека или рабочего, которое состоит в том, что он может давать прибавочный труд? В те времена, когда люди в течение целых годов изготовляли из камня топор, когда им для изготовления одного единственного лука нужно было несколько месяцев, когда огонь добывался путем продолжавшегося часами трения двух кусков дерева, — в эти времена самый хитрый и бессовестный предприниматель не мог бы выжать прибавочного труда из человека. Необходим, следовательно, известный уровень производительности человеческого труда для того, чтобы человек вообще мог давать прибавочный труд. Другими словами, орудия труда, сноровка, знания человека, его господство над силами природы должны уже достигнуть известного уровня для того, чтобы сила одного человека была в состоянии не только производить средства существования для него самого, но сверх того, в известных условиях, и для других. Это совершенство орудий труда, эти знания, известная степень господства над природой достигаются человеческим обществом лишь тысячелетиями мучительного опыта. Путь от первых грубых каменных инструментов и открытия огня до современных паровых и электрических машин есть путь общественного развития человечества, развития, которое могло иметь место лишь в обществе благодаря совместно общественной жизни и сотрудничеству людей. Та производительность труда, которая сообщает рабочей силе современного наемного рабочего это приятное свойство производить прибавочный труд, не является какой-либо естественной физиологической особенностью человека. Нет, она представляет собою явление общественного порядка, продукт длинной истории развития. Прибавочный труд товара рабочая сила — это только иное выражение для производительности общественного труда, которая дает возможность путем работы одного человека содержать нескольких людей.

Но высокая производительность труда в особенности там, где она, вследствие благоприятных естественных

условий, стала возможной еще на примитивной ступени культуры, отнюдь не всегда и не повсюду приводит к продаже рабочей силы и к ее капиталистической эксплуатации. Перенесемся на один момент в те благословенные тропические области Центральной и Южной Америки, которые после открытия Америки и вплоть до начала XIX столетия были испанскими колониями, в те области с жарким климатом и плодородной почвой, где главную пищу населения составляют бананы. «Я сомневаюсь, — писал Гумбольдт, — существует ли где-либо на земном шаре другое такое растение, которое, подобно банану, могло бы производить такое громадное количество питательных веществ на таких незначительных участках земли». «Полгектара, засеянные бананами более крупного сорта, — вычисляет Гумбольдт, — могут произвести пищи более, чем для пятидесяти людей, в то время как в Европе те же полгектара в течение года, при урожае сам-восемь, дали бы едва 576 килограммов муки, — количество, недостаточное для прокормления даже двух человек». При этом банан требует самого незначительного усилия со стороны человека, нужно только два раза слегка взрыхлить земли вокруг его корней. «У подножия Кордильеров, во влажных долинах Веракруз, Вальядолида, Гуадалавара, — говорит далее Гумбольдт, — человек, который отдает легкому труду всего два дня в течение недели, может доставить пропитание для целой семьи». Совершенно ясно, что здесь производительность труда сама по себе дает возможность эксплуатации, и обладающий истинно капиталистической душой ученый, как Мальтус, восклицает со слезами в голосе при описании этого земного рая: «Какие громадные возможности для производства несметных богатств!» Это означает, другими словами: как великолепно можно было бы из труда этих пожирателей бананов извлечь золото для ловких предпринимателей, если бы можно было запрячь этих лентяев в работу. Но что же мы видели в действительности? Обитатели этих благословенных областей и не помышляли о том, чтобы трудиться для накопления денег, а присматривали время от времени немного за деревьями, наслаждались запахом своих бананов и заполняли весь свой обширный досуг лежанием на солнце и другими радостями жизни. У Гумбольдта мы находим также весьма характерное

замечание: «В испанских колониях часто слышишь, что жители жарких поясов выйдут из своей *апатии*, в которой они пребывают уже в течение столетий, не ранее, чем когда по приказу короля будут истреблены все банановые деревья». Эта с европейской капиталистической точки зрения так называемая «апатия» представляет собой ни что иное, как то душевное состояние, в котором находятся все народы, живущие еще в условиях первобытного коммунизма, когда целью человеческого труда является лишь удовлетворение естественных потребностей человека, а не накопление богатств. Но пока существуют эти условия, до тех пор и при самой высокой производительности труда нельзя себе представить эксплуатации одного человека другим, применения человеческой рабочей силы для производства прибавочного труда.

Но современный предприниматель не первый открыл это приятное свойство человеческой рабочей силы. В действительности мы наблюдаем эксплуатацию прибавочного труда нетрудящимися слоями населения уже в самые древние времена. Древнее рабство, так же как и барщинные и крепостнические отношения средневековья, покоятся на достигнутой уже известной высоте производительности труда, т. е. способности человеческого труда поддерживать существование более чем одного человека. Обе эти хозяйственные формации являются лишь различными формами, в которых один класс общества использует эту производительность, заставляя другой класс содержать себя. В этом смысле античный раб, так же как и средневековый крепостной, является прямым предком нынешнего наемного рабочего. Но ни в античной древности, ни в средние века рабочая сила, несмотря на ее производительность и ее эксплуатацию, не становилась товаром. То, что отличает современное отношение между наемным рабочим и предпринимателем как от рабства, так и от крепостничества, это, прежде всего, — личная свобода рабочего. Ведь продажа товара является добровольной частной сделкой, основанной на полнейшей индивидуальной свободе людей. Несвободный человек не может продавать свою рабочую силу. Далее, для этого необходимо еще одно условие, именно, чтобы рабочий не обладал средствами производства. Если бы он имел их, тогда он сам произ-

водил бы товары и не отчуждал бы своей рабочей силы в качестве товара. Это освобождение, это отделение рабочей силы от средств производства является, следовательно, наряду с личной свободой тем условием, которое превращает в настоящее время рабочую силу в товар. В рабовладельческом хозяйстве рабочая сила отнюдь не отделена от средств производства. Наоборот, она сама представляет собою средство производства и принадлежит, вместе с орудиями труда, сырьем и т. д., своему господину в качестве его частной собственности. Раб сам является лишь частью общей массы средств производства рабовладельческой эпохи. При крепостнических отношениях рабочая сила непосредственно юридически прикреплена к средству производства, к земле, она сама представляет собою лишь принадлежность этого средства производства. Ведь барщина и оброк получается совсем не от лиц, а с определенных участков земли; когда этот участок по наследству или иным образом переходит в другие рабочие руки, то вместе с ним переходят и оброчные обязанности. В настоящее время рабочий лично свободен и не является ни собственностью кого-либо, ни составной частью какого-либо средства производства. Наоборот, средства производства находятся в одних руках, рабочая сила — в других, и оба собственника противостоят друг другу в качестве самостоятельных и свободных личностей как продавцы и покупатели: капиталист — как покупатель, рабочий — как продавец рабочей силы. Наконец, ни личная свобода, ни отделение рабочей силы от средств производства, даже и при высокой степени производительности труда, не всегда приводят к наемному труду, к продаже рабочей силы. Подобный пример мы видели в античном Риме, после того как большая масса свободных мелких крестьян, вследствие образования крупных дворянских поместий с рабовладельческим хозяйством, была вытеснена со своих участков. Они остались лично свободными людьми, но так как они не имели больше земли, т. е. своего средства производства, то они массами устремлялись из деревни в Рим в качестве свободных пролетариев. Но здесь они не могли продавать свою рабочую силу, ибо на нее не нашлось бы покупателя. Богатые землевладельцы и капиталисты не нуждались в свободной покупной рабочей силе, так как они заставляли ра-

ботать на себя рабов. Труд рабов был в то время совершенно достаточен для удовлетворения всех жизненных потребностей землевладельцев. Но для чего-либо большего, чем для собственного содержания и производства предметов роскоши, они не могли употреблять эти рабочие силы, так как целью рабовладельческого производства было собственное потребление, а не продажа товаров. Римским пролетариям поэтому были закрыты все источники существования на основе собственного труда, и им не оставалось ничего другого, как жить нищенством, подачками от государства, организовавшего периодические раздачи продовольствия. Вместо наемного труда в старом Риме возникло, таким образом, массовое кормление лишенных всякой собственности свободных граждан за счет государства, и поэтому французский экономист Сисмонди говорил: в старом Риме общество содержало своих пролетариев, в настоящее время пролетарии содержат общество. Но если в настоящее время труд пролетариев ради содержания самих себя и других стал возможен, если стала возможна продажа их рабочей силы, то это произошло потому, что в настоящее время свободный труд является единственной и исключительной формой производства, потому, что, представляя из себя товарное производство, оно направлено не для целей прямого потребления, а на изготовление продуктов для продажи. Рабовладелец покупал рабов для собственного удобства и для роскоши, феодальный барон выжимал из своего крепостного оброк и барщину для той же цели, для того, чтобы жить в свое удовольствие со всей своей родней и челядью. Современный предприниматель заставляет рабочих производить одежду, предметы продовольствия и роскоши не для собственного потребления; он заставляет их производить товары для продажи, для того, чтобы выручить от этой продажи деньги. И именно эта деятельность делает предпринимателя капиталистом, так же как рабочего она превращает в наемного рабочего.

Таким образом мы видим, что уже один голый факт продажи рабочей силы как товара указывает на целый ряд определенных общественных и исторических условий. Одно уже появление рабочей силы на рынке в качестве товара означает: 1) личную свободу рабочих; 2) отделение их от средств производства, а также

сосредоточение этих средств производства в руках не трудящихся слоев населения; 3) высокий уровень производительности труда, т. е. возможность давать прибавочный труд; 4) всеобщее господство товарного хозяйства, т. е. превращение прибавочного труда в товар, как цель покупки рабочей силы.

Внешне, с точки зрения рынка, покупка и продажа товара рабочая сила совершенно обыкновенная сделка, тысячекратно, ежеминутно совершающаяся на рынке, подобная покупке сапог или лука. Стоимость товара и ее изменения, цена товара и колебания этой цены, полное равенство между покупателем и продавцом на рынке и их совершенная независимость друг от друга, добровольный характер самой сделки — все это имеет место совершенно таким же образом, как и при всякой другой покупке; но благодаря особенной потребительной стоимости этого товара, благодаря особым отношениям, которые только и создают эту потребительную стоимость, эта обыденная рыночная сделка товарного хозяйства превращается в совершенно новое, совершенно особенное общественное отношение. Присмотримся же к тому, что произойдет в результате этой рыночной сделки.

II

Предприниматель покупает рабочую силу и оплачивает, как всякий покупатель, ее стоимость, т. е. издержки ее производства; он уплачивает рабочему в виде заработной платы цену, которая покрывает издержки содержания рабочего. Но купленная таким образом рабочая сила в состоянии при помощи обычно применяемых в данном обществе средств производства произвести больше, чем требуется для ее собственного содержания. Это последнее условие, как мы уже знаем, и является необходимой предпосылкой всей сделки, которая в противном случае не имела бы никакого смысла, и именно в этом состоит потребительная стоимость товара рабочая сила. Так как стоимость средств содержания рабочей силы, как и у всякого другого товара, определяется количеством труда, которое необходимо для их изготовления, то мы можем предположить, что пища, одежда и т. п. необходимые для ежедневного

поддержания рабочего в работоспособном состоянии предметы требуют для своего изготовления, например, шести часов труда. Цена товара рабочая сила, т. е. ее заработная плата, должна, таким образом, нормально равняться шести часам труда в денежной форме. Но рабочий работает для своего предпринимателя не шесть часов, а больше, — скажем одиннадцать часов. Тогда он на протяжении этих одиннадцати часов, во-первых, в течение 6 часов возмещает предпринимателю полученную заработную плату и, кроме того, дарит ему еще сверх этого пять часов своего труда. Рабочий день каждого рабочего состоит, следовательно, непременно и нормально из двух частей: одной — оплаченной, в течение которой рабочий только возмещает предпринимателю стоимость его собственного содержания, в течение которой он работает, так сказать, для себя, и другой — неоплаченной, в течение которой он доставляет даровой труд, или прибавочный труд для предпринимателя.

Нечто подобное имело место и при прежних формах общественной эксплуатации. Во времена крепостничества труд крепостного крестьянина для себя и его труд для помещика были даже явственно отделены друг от друга как в пространстве, так и во времени. Крестьянин знал совершенно точно, когда и сколько он работает для себя и когда и сколько он трудится для содержания своего милосивого помещика или попа. Он работал несколько дней на собственном поле, а затем также несколько дней на господском. Или же он до обеда работал на собственном поле, а после обеда на господском, или же он несколько недель подряд работал только на своем, а затем несколько недель на господском. Так, например, в одной деревне, принадлежавшей аббатству Маурусмюнстер в Эльзасе, в середине XII столетия барщина была определена следующим образом: с середины апреля до середины мая каждый крестьянский двор должен был поставлять одну мужскую рабочую силу в течение трех полных рабочих дней еженедельно, с мая до Ивана Купала — полрабочего дня еженедельно; от Ивана Купала до сенокоса — два дня еженедельно, во время жатвы — трижды по полдня еженедельно и от святого Мартына до Рождества — три полных рабочих дня еженедельно. Правда, в позднейшее средневековье, при переходе к крепостничеству,

барщина начала возрастать в таких размерах, что вскоре уже почти все дни в неделе и почти все недели в течение года уходили на барщину, и у крестьянина едва оставалось время для того, чтобы работать на собственном поле. Но и тогда он прекрасно знал, что работает не для себя, а для других. Даже самый забытый крестьянин не обманывался на этот счет.

При современном наемном труде дело обстоит совершенно иначе. Рабочий не производит в течение первой части своего рабочего дня какие-либо предметы для собственного потребления, например, пищу, одежду и т. д., а затем, во второй части дня, другие предметы для предпринимателя. Напротив, рабочий на фабрике или на заводе в течение всего дня изготавливает постоянно один и тот же предмет (притом большей частью один предмет), который он лишь в значительной степени или даже совершенно не может употребить лично для себя, например, стальные перья или резиновые подвязки, шелковые ткани или железные трубы. В сплошной массе стальных перьев, резиновых подвязок или тканей, которые он производит в течение всего дня, каждый отдельный предмет выглядит совершенно так же, как и все остальные; никак нельзя определить тут, какая часть составляет оплаченный труд и какая неоплаченный труд, какая часть произведена для рабочего и какая для предпринимателя. Наоборот, изготавливаемый рабочим продукт не имеет для него никакого полезного значения, равно ничего из этого продукта ему не принадлежит, — все, что рабочий производит, принадлежит предпринимателю. Здесь мы наблюдаем большую внешнюю разницу между наемным трудом и крепостничеством. Крепостной крестьянин при нормальных условиях должен был непременно иметь некоторое время, в течение которого он работал на собственном поле, и то, что он вырабатывал для себя, ему и принадлежало. Весь же продукт труда современного наемного рабочего принадлежит предпринимателю, и, таким образом, получается, что его работа на фабрике как будто ничего общего не имеет с его собственным содержанием. Он получает свою заработную плату и может с ней сделать все, что ему вздумается. За это он должен работать так, как ему это указывает предприниматель, и все, что он производит, принадлежит тому же

предпринимателю. Но та разница, которая остается скрытой для рабочего, обнаруживается впоследствии с полной ясностью в подсчетах предпринимателя, когда он подсчитывает выручку от производства своих рабочих. Для капиталиста здесь выступает разница между той денежной суммой, которую он выручил от продажи своего товара, и теми издержками, которые он затратил как на средства производства, так и на заработную плату своих рабочих. То, что ему остается в качестве прибыли, это и есть та стоимость, которая создана неоплаченным трудом, т. е. прибавочная стоимость, созданная рабочими. Каждый рабочий, следовательно, даже если он производит одни резиновые подвязки, или шелковые ткани, или железные трубы, производит сперва свою собственную заработную плату, а затем некоторую прибавочную стоимость в качестве подарка для капиталиста. Если он, например, в течение одиннадцати часов соткал одиннадцать метров шелковых тканей, то из них шесть метров содержат стоимость, равную его заработной плате, а пять метров представляют собой прибавочную стоимость предпринимателя.

Но различие между наемным трудом и трудом раба или крепостного крестьянина имеет еще более важные последствия. Раб так же, как и крепостной крестьянин, трудился главным образом для удовлетворения своих собственных частных нужд и потребностей своего господина. Они изготовляли для своих господ предметы продовольствия и одежды, мебель, предметы роскоши и т. д. Это, во всяком случае, было правилом до тех пор, пока рабство и крепостные отношения под влиянием торговли не выродились и не начали разлагаться. Но потребительная способность человека и даже его потребности в роскоши в частной жизни в ту эпоху имели свои известные границы. Античный рабовладелец или средневековый дворянин не могли, в конце концов, желать ничего большего, как полных амбаров, полных стоил, богатых одежд, роскошной жизни для себя и для своей свиты, богато обставленного жилища. Все предметы такого рода, которые служат для ежедневного потребления, не могут даже храниться в скольконибудь больших запасах, так как они при этом уничтожаются; зерно начинает гнить или пожирается крысами и мышами, запасы сена и соломы могут легко

загореться, одежда может портиться и т. д. Молочные продукты, фрукты и овощи вообще очень трудно поддаются хранению. Таким образом, потребление как в рабовладельческом, так и в крепостном хозяйстве имело даже при самой роскошной жизни свои естественные границы, и тем самым, следовательно, и нормальная эксплуатация раба или крестьянина имела известные границы. Иначе обстоит дело у современного предпринимателя, который покупает рабочую силу для производства товаров. Большая часть того, что рабочий производит на фабрике или на заводе, для него самого совершенно бесполезна, но так же бесполезно это и для предпринимателя. Этот последний заставляет купленную им рабочую силу изготовлять не одежду и пищу для него, а какие-нибудь другие товары, которые ему самому совершенно не нужны. Он заставляет производить шелковые ткани, трубы или гробы только для того, чтобы как можно скорее освободиться от них путем продажи. Он заставляет производить все эти предметы для того, чтобы путем продажи их выручить деньги. И при этом он не только возвращает себе свои издержки, но и получает, сверх того, даровой прибавочный труд своих рабочих в денежной форме. Ведь именно для цели, для того чтобы превратить неоплаченный труд рабочих в деньги, он заключает эту сделку и покупает рабочую силу. Но деньги, как мы знаем, — это средство к безграничному накоплению богатства. В денежной форме богатство не теряет своей стоимости даже при весьма долгом хранении, напротив, как мы в дальнейшем увидим, богатство в денежной форме имеет способность возрастать даже от одного лежания. И в денежной форме богатство не знает никаких границ, оно может возрастать до бесконечности. Соответственно этому и жажда современного капиталиста по отношению к прибавочному труду не знает границ. Чем больше неоплаченного труда можно выжать из рабочих, тем лучше. Выжимание прибавочной стоимости и именно безграничное ее выжимание — это и составляет настоящую цель и задачу покупки рабочей силы.

Естественное стремление капиталиста к увеличению выжимаемой из рабочих прибавочной стоимости находит для себя прежде всего два простых пути, которые, так сказать, сами напрашиваются при рассмотрении состав-

ных частей рабочего дня. Мы видели, что рабочий день каждого наемного рабочего, как правило, состоит из двух частей: из той части, в течение которой рабочий возмещает свою собственную заработную плату, и из другой части, в течение которой он доставляет неоплаченный труд, прибавочную стоимость. Для того, следовательно, чтобы увеличить как можно больше эту вторую часть, предприниматель может действовать в двух направлениях: или увеличить весь рабочий день, или же сокращать его первую оплаченную часть, т. е. понижать заработную плату рабочего. В действительности капиталист прибегает одновременно к обоим методам. И поэтому мы все время наблюдаем при системе наемного труда двойную тенденцию: как к удлинению рабочего времени, так и к сокращению заработной платы.

Когда капиталист покупает товар рабочая сила, то он покупает ее, как и всякий другой товар, для того, чтобы извлечь из нее известную пользу. Всякий товарополучатель старается извлечь из купленных им товаров как можно больше пользы. Когда мы, например, покупаем сапоги, то мы желаем носить их как можно дольше. Покупатель товара имеет право на полное его использование, на всю пользу, которую можно извлечь из товара. Следовательно, капиталист, купивший рабочую силу, имеет полное право, как покупатель товара, требовать, чтобы купленный им товар служил ему как можно лучше и как можно дольше. Если он купил рабочую силу на одну неделю, то ему принадлежит ее потребление в течение целой недели, и с своей точки зрения покупателя он имеет право заставить рабочего работать, если это возможно, семь раз в неделю по 24 часа. С другой стороны, рабочий в качестве продавца товара стоит на совершенно противоположной точке зрения. Капиталисту, действительно, принадлежит право на потребление рабочей силы, но это право наталкивается на известные границы, заключающиеся в физической и духовной работоспособности рабочего. Лошадь может без риска для своего существования работать изо дня в день всего лишь 8 часов. Человек также должен, для того, чтобы восстановить потребленную в процессе труда рабочую силу, иметь известное время для приема пищи, для одевания, отдыха и т. д.

Если он этого не имеет, то его рабочая сила не только потребляется, но и уничтожается. Чрезмерный труд ослабляет рабочую силу и сокращает жизнь рабочего. Если, таким образом, капиталист путем безграничного потребления рабочей силы сокращает в течение каждой недели жизнь рабочего на две недели, то это то же самое, как если бы он присваивал себе, уплачивая заработную плату за одну неделю, целых три недели труда. С той же самой точки зрения товарообмена это означает, следовательно, что капиталист обворовывает рабочего. Таким образом, по отношению к вопросу о продолжительности рабочего дня капиталист и рабочий занимают две противоположные точки зрения, несмотря на то, что они оба стоят на почве рыночных отношений, и вопрос о действительной длине рабочего дня решается путем борьбы между классом капиталистов и классом рабочих, как *вопрос силы*¹. Рабочий день, следовательно, сам по себе не ограничен никакими определенными рамками; смотря по времени и месту, мы наблюдаем наряду с восьмичасовым также 10-, 12-, 14-, 16-, 18-часовой рабочий день. В общем борьба за продолжительность рабочего дня продолжается уже в течение целых столетий. Историю этой борьбы можно подразделить на два важных периода. Первый период начинается в конце средневековья, в XIV столетии, когда капитализм делает свои первые робкие шаги и начинает расшатывать твердую броню цехового регламентирования. Обычное нормальное рабочее время составляло в эпоху расцвета цехового ремесла около 10 часов, причем тут с большой обстоятельностью и очень подробно учитывались как время приема пищи, так и время сна и отдыха, а также воскресный и праздничный отдых. Для старого ремесла, с его медлительными методами труда, этого было достаточно, но этого оказалось далеко не достаточно для нарождавшихся фабричных предприятий. И поэтому первое требование, которое капиталисты предъявляют правительствам и исполнения которого они добиваются у них, — это принудительные законы об удлинении рабочего времени. С XIV по конец XVII столетия мы находим в Англии, как и во Фран-

¹ Заметка Р. Л. на полях: «Интересы самого капиталистического производства?»

ции и Германии, лишь законы о *минимальном рабочем дне*, т. е. направленные по адресу рабочих и подмастерьев запрещения работать ежедневно меньше определенного количества часов, большею частью 12 часов. Борьба с ленью рабочих — это главный лозунг с конца средневековья вплоть до XVIII столетия. Но с тех пор, как сила старого цехового ремесла была сломлена и многочисленный пролетариат, лишенный всяких средств производства, был обречен исключительно на продажу своей рабочей силы, а с другой стороны, стали возникать большие мануфактуры с их лихорадочной массовой продукцией, — начиная с XVIII в. дело принимает совершенно другой оборот. Начинается такое внезапное и такое безграничное высасывание крови из рабочих всякого возраста и пола, что в течение немногих лет целые рабочие поколения стираются с лица земли, как будто чумой. В 1863 г. один депутат заявил в английском парламенте: «Хлопчатобумажная промышленность существует уже 90 лет... В период времени, соответствующий трем поколениям английской расы, она пожрала 9 поколений хлопчатобумажных рабочих»¹. Буржуазный английский писатель Джон Уэйд в своем труде «История среднего сословия и рабочего класса» пишет: «Жадность фабрикантов, совершающих в погоне за прибылью такие жестокости, которые едва ли были превзойдены жестокостями испанцев при завоевании Америки в погоне за золотом»². В Англии еще в 60-х годах XIX столетия в некоторых отраслях промышленности, как, например, в производстве кружев, были заняты маленькие дети от 9 до 10 лет с 2—3—4 часов утра до 10—11—12 часов ночи. Общеизвестны условия труда, которые еще до недавнего времени господствовали в Германии, например, в зеркальном производстве, в хлебопекарнях, и которые еще до сих пор господствуют повсеместно в производстве одежды и в домашней промышленности вообще. Только современная капиталистическая промышленность изобрела совершенно неизвестную до нее ночную работу. При всех более ранних общественных формациях ночь считалась

¹ Цитировано по К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 272, примечание 108.

² Цитировано по К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 248, примечание 64.

тем временем, которое как бы самой природой предназначено человеку для отдыха. Капиталистическое предприятие сделало открытие, что прибавочная стоимость, которая выжимается из рабочего по ночам, ничем не отличается от той, которая выжимается из него днем, и ввело поэтому дневную и ночную смены. Точно так же и воскресенье, которое в средние века чрезвычайно строго соблюдалось цеховыми ремесленниками, пало жертвой погони капиталистов за прибавочной стоимостью и также было превращено в рабочий день. К этому присоединились еще дюжины маленьких изобретений, направленных к удлинению рабочего времени: прием пищи во время работы без всякого перерыва, чистка машин не в течение обычного рабочего времени, а после него, т. е. во время отдыха рабочего, и т. д. Эта практика капиталистов, свободно и неограниченно господствовавшая в течение первых десятилетий, привела вскоре к необходимости издания ряда законов о рабочем дне на этот раз не в целях принудительного его удлинения, а в целях его сокращения. Надо сказать, что первые законодательные постановления о максимальном рабочем дне были продиктованы не столько давлением рабочего класса, сколько простым инстинктом самосохранения капиталистического общества. Уже первые десятилетия неограниченного хозяйничанья крупной промышленности оказали такое губительное действие на здоровье и жизненные условия рабочих масс, вызвали такую громадную смертность, заболеваемость, физическое и духовное вырождение, эпидемические заболевания и неспособность к военной службе, что самому существованию общества начала угрожать серьезная опасность¹. Стало совершенно ясно, что если со стороны

¹ Со времени введения всеобщей воинской повинности средний рост взрослых мужчин и вместе с тем предписанный законом минимум роста, необходимый для принятия на военную службу, все более уменьшается. До Великой французской революции минимальный рост пехотинца во Франции должен был составлять 165 см, согласно закону 1818 г. — 157 см, с 1852 г. — 156 см. В среднем во Франции более половины рекрутов браковалось из-за недостаточного роста и физических болезней.

Размер роста для рекрутов в Саксонии в 1780 г. был 178 см, в 60-х годах XIX столетия — только 155 см, в Пруссии — 157 см; в 1858 г. Берлин не мог поставить своего контингента рекрутов, не доставало 156 человек.

государства не будет наложена узда на стихийное стремление капитала к прибавочной стоимости, он в течение более или менее продолжительного времени превратит целые государства в гигантские кладбища, на которых можно будет видеть только кости рабочих. Но без рабочих невозможна эксплуатация рабочих. Капитал должен был, следовательно, в собственных интересах, для того чтобы иметь возможность эксплуатации в будущем, поставить ее в настоящем в некоторые рамки. Нужно было до некоторой степени щадить народную силу, для того чтобы обеспечить ее дальнейшую эксплуатацию. Нужно было от беспорядочного хищнического хозяйства перейти к рациональной эксплуатации. На этой почве возникли первые законы о максимальном рабочем дне, на ней же базируются и все буржуазные социальные реформы. Некоторую аналогию представляют в этом отношении законы об охоте. Так же, как закон гарантирует благородной дичи определенный период, в течение которого ее нужно щадить, для того чтобы она могла правильно размножаться и служить постоянным объектом охоты, точно так же социальная реформа обеспечивает известную охрану рабочей силы пролетариата, для того чтобы она могла служить объектом рациональной эксплуатации ее капиталом. Или, как говорит Маркс, ограничение фабричной работы продиктовано той же необходимостью, которая заставляет сельских хозяев удобрять свои поля.

Фабричное законодательство шаг за шагом нарождается в тяжелой, продолжающейся десятилетия борьбе против сопротивления отдельных капиталистов сначала для детей и женщин и для некоторых отдельных отраслей промышленности. За Англией следует Франция, где лишь февральская революция 1848 г. под первым давлением победоносного парижского протариата провозгласила двенадцатичасовой рабочий день — первый общий закон о рабочем времени для всех трудящихся, в том числе и для взрослых мужчин во всех отраслях труда. В Соединенных Штатах сейчас же после гражданской войны 1861 г., приведшей к уничтожению рабства, началось общее движение рабочих за восьмичасовой рабочий день, которое перебросилось и на европейский континент. В России первые законы по охране труда женщин и малолетних явились в резуль-

тате больших фабричных беспорядков в московском промышленном районе в 1882 г., а 11½-часовой рабочий день для взрослых мужчин был установлен после первой всеобщей забастовки 60 000 петербургских текстильных рабочих в 1896—1897 гг. Германия в настоящее время с своими законами по охране лишь одного женского и детского труда плетется в хвосте за всеми остальными современными крупными государствами.

До сих пор мы говорили лишь об одной стороне наемного труда — о рабочем времени, и уже тут мы видели, какие своеобразные явления возникли из простой товарной сделки, из купли-продажи рабочей силы. И здесь мы опять должны вспомнить слова Маркса: «Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров, как владелец товара «рабочая сила», т. е. как товаровладелец — товаровладельцам. Договор, по которому он продавал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому демонстрировал, что он свободно распоряжается самим собою. По заключении сделки оказывается, что он вовсе не был *«свободным агентом»*, что время, на которое он *свободно* продает свою рабочую силу, является временем, на которое он *вынужден* ее продавать, что в действительности вампир не выпускает его до тех пор, пока еще «остаётся для высасывания хотя бы единый мускул, единая жилка, единая капля крови». Чтобы защитить себя от «змей своих мучений» рабочие должны объединиться и, как *класс*, заставить издать государственный закон, мощное *общественное препятствие*, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство»¹.

Законы об охране труда — это в действительности первое официальное признание современного общества в том, что формальное равенство и свобода, которые лежат в основе товарного производства и товарного обмена, уже рушатся и превращаются в неравенство и несвободу с тех пор, как на рынке появляется рабочая сила в качестве товара.

¹ К Маркс, Капитал, т. I, стр. 306—307. (Курсив Р. Л. — Ред.)

Вторым способом увеличения прибавочной стоимости является для капиталиста понижение заработной платы. Заработная плата, так же как и рабочий день, сама по себе не имеет никаких определенных границ. Прежде всего, когда мы говорим о заработной плате, следует отличать деньги, которые рабочий получает от предпринимателя, от того количества жизненных средств, которое он за эти деньги получает. Если мы относительно заработной платы какого-либо рабочего знаем только то, что он, например, ежедневно получает две марки, то мы почти ровно ничего не знаем, потому что за те же две марки в периоды дороговизны можно купить гораздо меньше жизненных средств, чем в периоды дешевизны. В какой-нибудь одной стране те же самые две марки означают совершенно иной жизненный уровень, чем в другой, и эти различия наблюдаются даже между различными областями одной и той же страны. Рабочий может также получать в качестве заработной платы больше денег, чем раньше, и все же жить не только не лучше, но так же плохо и даже хуже, чем раньше. Действительная реальная заработная плата — это, следовательно, та сумма жизненных средств, которую рабочий получает, в то время как денежная заработная плата является лишь номинальной заработной платой. Если, следовательно, заработная плата является лишь денежным выражением стоимости рабочей силы, то в действительности эта стоимость представляется тем количеством труда, которое употребляется на изготовление необходимых для рабочего жизненных средств. Но что это такое «необходимые жизненные средства»? Не говоря уже об индивидуальных различиях между тем и другим рабочим, различиях, не играющих никакой роли, уже различный уровень жизни рабочего класса в различных странах и в различные времена доказывает, что понятие «необходимые жизненные средства» является чем-то весьма изменчивым и растяжимым. Находящийся в лучших условиях современный английский рабочий считает необходимым для своего существования ежедневное потребление бифштекса; китайский кули довольствуется горсточкой риса. Вследствие растяжимости понятия «необходимых жизненных средств» между

капиталистом и рабочим разыгрывается за величину заработной платы приблизительно такая же борьба, как и за длину рабочего дня. Капиталист в качестве покупателя товара стоит на своей точке зрения, заявляя: «Это, правда, совершенно верно, что я, как каждый честный покупатель, должен заплатить за товар рабочая сила по ее стоимости, но что составляет стоимость рабочей силы? Необходимые жизненные средства? Хорошо, я дам моему рабочему ровно столько, сколько необходимо на жизнь; но сколько необходимо для того, чтобы поддержать человеческую жизнь, об этом говорит нам, во-первых, наука физиология, а, во-вторых, наш общий опыт. И само собою разумеется, что я дам в полной точности этот минимум; ибо если бы я дал одним пфеннигом больше, то я не был бы честным покупателем, а просто дураком, филантропом, который делает из собственного кармана подарки тому, у которого он купил товар; моему сапожнику или продавцу сигар я также не дарю ни одного пфеннига и стараюсь приобрести их товар возможно более дешево. Точно так же я стараюсь приобрести возможно более дешево рабочую силу, и мы с моим рабочим совершенно квиты, когда я даю ему тот крайний минимум, который может поддержать его существование. Капиталист здесь, с точки зрения товарного производства, совершенно прав. Но не менее прав и рабочий, который в качестве продавца товара возражает: в самом деле, я не могу претендовать ни на что иное, как только на действительную стоимость своего товара рабочая сила. Но я именно и требую, чтобы ты действительно заплатил мне всю полную стоимость. Я не хочу ничего другого, как необходимых жизненных средств, но что такое необходимые жизненные средства? Ты говоришь, что на это дает ответ наука физиология и опыт, которые указывают, сколько человеку минимально необходимо для поддержания своего существования. Ты, следовательно, подставляешь под понятие «необходимые жизненные средства» абсолютный, физиологически необходимый минимум. Но это противоречит законам товарного обмена, ибо ты так же хорошо, как и я, знаешь, что стоимость каждого товара определяется на рынке общественно необходимым для ее изготовления трудом. Если твой сапожник принесет тебе пару сапог и потребует за них

20 марок, потому что он работал над ними в течение четырех дней, то ты ему скажешь: «Такие сапоги я на фабрике получу уже за 12 марок, потому что там при помощи машины выделяется эта пара в один день. Ваш четырехдневный труд, следовательно, был, с общественной точки зрения, не необходим, ибо теперь уже общепринято производить сапоги машинным путем; для вас этот труд, может быть, и необходим, так как вы не работаете при помощи машин, но я тут не при чем, и заплачу вам лишь за общественно необходимый труд, скажем, 12 марок». Если ты так поступаешь при покупке сапог, то ты должен и мне, при покупке моего товара рабочая сила, заплатить общественно необходимые издержки ее содержания. С общественной же точки зрения мне для поддержания моего существования нужно все то, что в нашей стране и в наше время считается принадлежащим к обычному обиходу человека моего класса, — одним словом, ты должен дать мне не тот минимум, который необходим с точки зрения физиологии, чтобы только-только поддержать мою жизнь как животного, но я претендую на тот обычный, с общественной точки зрения, минимум, который обеспечивает мой привычный жизненный уровень. Только в этом случае ты, как честный покупатель, уплатишь мне стоимость моего товара, в противном случае ты покупаешь его ниже его стоимости.

Мы видим, что рабочий, с точки зрения чистого товарообмена, по крайней мере, так же прав, как капиталист. Но эту точку зрения рабочий начинает защищать только с течением времени, ибо он вообще может защищать ее лишь в качестве общественного класса, т. е. как целое, как организация. Лишь вместе с возникновением профессиональных союзов и рабочей партии рабочему начинает удаваться добиться продажи своей рабочей силы по ее стоимости, т. е. ему удается заставить рассматривать свой жизненный уровень как социальную и культурную необходимость. До появления же профессиональных союзов и завоевания ими известного положения в каждой отдельной отрасли промышленности решающим моментом в определении размера заработной платы являлась тенденция капиталистов свести уровень жизни рабочего к физиологическому, так сказать, животному минимуму, т. е. постоянно оплачи-

вать рабочую силу ниже ее стоимости. Эпоха неограниченного господства капитала, не сдерживаемого никаким отпором со стороны рабочих объединений и организаций, привела к такой же варварской деградации рабочего класса и его беспомощности в области заработной платы, как это имело место по отношению к рабочему времени до введения фабричного законодательства. Начинается настоящий крестовый поход капитала против какого-либо намека на роскошь, удобство, уют в жизни рабочего, которые были ему привычны еще с более ранних времен цехового ремесла и крестьянского хозяйства. Появляется стремление свести потребление рабочего к простому голому акту приема известного минимума корма, так же как кормят скот или же смазывают машину. При этом наиболее отсталые и обладающие наименьшими потребностями рабочие выставляются в качестве образца и примера для более избалованных. Этот крестовый поход против человеческих условий жизни рабочих начался — как и вся капиталистическая промышленность — сперва в Англии. Один английский писатель в XVII столетии горько жалуется: «Обратите только внимание на прямо возмутительные излишества в пище у наших мануфактурных рабочих; они пожирают, например, водку, джин, чай, сахар, привозные фрукты, крепкое пиво; они потребляют полотно, курительный и нюхательный табак и т. д.» В те времена английским рабочим в качестве примера воздержания указывались французские, голландские и немецкие рабочие. Так, один английский фабрикант пишет: «Труд на целую треть во Франции дешевле, чем в Англии, ибо французские бедняки (так называли рабочих) тяжело работают и скудно питаются и одеваются; их главной пищей служат хлеб, фрукты, травы, корни и сушеная рыба, так как они очень редко едят мясо, а когда пшеница дорога — и очень мало хлеба». Около начала XIX столетия американец граф Румфорд составил специальную поваренную книгу для рабочих с рецептами для удешевления их пищи. Так, например, один рецепт из этой знаменитой книги, которая воспринята была с большим энтузиазмом буржуазией самых различных стран, гласил: «5 фунтов ячменя, 5 фунтов маиса, на 30 пф. селедки, на 10 пф. соли, на 10 пф. уксуса, на 20 пф. перца и зелени — всего, следовательно, 2 марки

и 8 пф.; из этого можно сделать суп на 64 человека, а при нынешней средней цене зерна можно довести издержки до 3 пф. на голову». Юстус Либих рассказывает о горнорабочих Южной Америки, повседневная работа которых, — может быть, самый тяжелый труд на земном шаре, — состоит в том, чтобы подымать на своих плечах мешки руды в 180—200 фунтов с глубины в 450 футов, что они питаются лишь хлебом и бобами. Они предпочли бы питаться одним хлебом, но их хозяева, которые установили, что при хлебной пище они не так хорошо работают, обращаются с ними, как с лошадьми, и заставляют их есть бобы, так как бобы нужнее для укрепления костей, чем хлеб. Во Франции уже в 1831 г. произошел первый голодный бунт рабочих — это бунт ткачей в Лионе. Но самые пышные оргии в смысле понижения заработной платы капитал справлял в эпоху Второй империи, в 60-х годах, когда машинная индустрия в собственном смысле слова водворилась во Франции. Предприниматели бежали из города в деревню, чтобы получить более дешевые рабочие руки. И они пошли в этом направлении так далеко, что находили женщин, которые работали за одно су, т. е. около 4 пфеннигов в день. Правда, эти прелести продолжались недолго, так как такая заработная плата была недостаточна даже для чисто животного существования. В Германии капитал впервые создал подобное же положение в текстильной промышленности, где заработная плата, сниженная даже за пределы физиологического минимума, привела в сороковых годах к голодным бунтам ткачей в Силезии и Богемии. В настоящее время животный минимум заработной платы господствует, как правило, в сельском хозяйстве в Германии, в производстве одежды, в различных отраслях домашней промышленности, — вообще везде, где профессиональный союз не оказывает своего влияния на жизненный уровень рабочих.

IV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ ПРОЛЕТАРИАТА

В отношении ухудшения условий труда и в понижении жизненного уровня трудящихся до животного-физиологического минимума и отчасти даже значительно ниже

этого минимума современная капиталистическая эксплуатация походит на эксплуатацию в рабовладельческом и крепостническом хозяйстве в периоды самого ужасного вырождения обеих последних форм хозяйства, т. е. в эпоху, когда эти формы близились к своему упадку. Но существует одно явление, которое целиком принадлежит капиталистическому товарному производству и которое в более ранние эпохи было совершенно неизвестно, — это частичная безработица и, следовательно, голодание рабочей силы трудящихся как постоянное явление, т. е. так называемая резервная армия пролетариата. Капиталистическое производство зависит от рынка и должно следовать за рыночным спросом. Но этот спрос постоянно изменяется и создает попеременно так называемые хорошие и плохие годы, сезоны и месяцы. Капитал должен беспрерывно приспосабливаться к этому изменению конъюнктуры и вследствие этого давать занятие то большему, то меньшему количеству рабочих. Капитал должен, следовательно, для того чтобы в каждый данный момент иметь под рукой необходимое количество рабочей силы даже и для самого напряженного рыночного спроса, держать в резерве, наряду с известным количеством занятых рабочих, значительное число незанятых, которыми он мог бы располагать. Незанятые рабочие не получают, как таковые, заработной платы, — ведь их рабочая сила не покупается, она лежит, так сказать, на складе. Непотребление некоторой части рабочего класса представляет собой, следовательно, существенную составную часть закона заработной платы капиталистического производства.

Как эти безработные поддерживают свою жизнь, до этого капиталу нет никакого дела, но он энергично отвергает всякие попытки устранить резервную армию как посягательство на его собственные жизненные интересы.

Блестящее доказательство тому было дано во время английского хлопкового кризиса в 1863 г. Когда внезапно вследствие недостатка американского хлопка английские прядильные и ткацкие мастерские должны были прекратить свое производство и около одного миллиона рабочего населения лишилось куса хлеба. часть этих безработных решилась, для того чтобы избежать угрожающей им голодной смерти, переселиться в Австралию. Они потребовали от английского парламен-

та ассигнования им двух миллионов фунтов стерлингов для того, чтобы дать возможность эмигрировать 50 000 безработных рабочих. Но хлопчатобумажные фабриканты подняли против этого плана рабочих крик возмущения. Промышленность не может обходиться без машин, рабочие — это те же машины, следовательно, их нужно всегда иметь в запасе. «Страна» потерпела бы убыток на 4 млн. фунтов стерлингов, если бы эти голодающие безработные внезапно уехали из Англии. В соответствии с этими заявлениями парламент отказал в создании эмиграционного фонда, и безработные были оставлены в тисках голода, чтобы служить в качестве необходимого для капитала резерва.

Другой разительный пример дают нам французские капиталисты в 1871 г. Когда после падения Коммуны убийства парижских рабочих по суду и без суда достигли исключительно колоссальных размеров и десятки тысяч пролетариев, и как раз самые лучшие и наиболее способные, цвет рабочего класса, подвергались физическому уничтожению, тогда среди предпринимателей, чувство мести которых было уже удовлетворено, начало замечаться некоторое беспокойство: недостаток наличных «рук» мог скоро принять болезненные для капитала формы; как раз в это время, после окончания войны, промышленность была накануне оживленного подъема. Поэтому ряд парижских предпринимателей обратился к судам с просьбой ограничить преследования коммунаров и спасти, таким образом, рабочие руки от кровавой сабельной расправы для капиталистической эксплуатации.

Резервная армия выполняет для капитала двойную функцию: она, во-первых, поставляет рабочую силу в моменты внезапного расцвета конъюнктуры и, во-вторых, посредством конкуренции безработных она оказывает постоянное давление на занятых рабочих в смысле понижения их заработной платы до минимума.

Маркс различает в резервной армии четыре различных слоя, роль которых для капитала и условия жизни которых являются совершенно различными. Высший слой резервной армии — это те периодически лишаемые работы промышленные рабочие, которые всегда имеются налицо, даже в профессиях, находящихся в наилучших условиях. Состав этого слоя беспрерывно

меняется, так как всякий рабочий в известные периоды бывает безработным, а в другие — занятым; их число также сильно колеблется в зависимости от положения на рынке. оно становится весьма значительно в периоды кризиса и сильно уменьшается во время хорошей конъюнктуры; но этот слой никогда не исчезает и в общем возрастает по мере промышленного развития. Второй слой — это пролетариат, стремящийся из деревни в город, состоящий из неквалифицированных рабочих, которые появляются на рынке с самыми низкими требованиями; в качестве чернорабочих они не связаны с определенной профессией, но зорко следят за всякой возможностью работы, составляя как бы резервуар для всех отраслей промышленности. Третья категория — это пролетарии, стоящие на самой низкой ступени и не имеющие постоянного занятия, а находящиеся постоянно в поисках то одной, то другой случайной работы. У них можно найти самый длинный рабочий день и самую низкую заработную плату, и поэтому этот слой является в той же мере полезным и даже прямо незаменимым для капитала, как и другие вышестоящие категории резервной армии. Этот слой постоянно рекрутируется из избыточных рабочих промышленности и сельского хозяйства, в особенности же он пополняется из погибающего мелкого ремесла и отмирающих отраслей промышленности. Этот слой составляет широкую основу для домашней промышленности и действует, вообще говоря, так сказать, за кулисами, за официальной ареной промышленной деятельности. Но этот слой не только не обнаруживает никакой тенденции к исчезновению, но, напротив, возрастает как вследствие ускоряющегося промышленного развития в городе и деревне, так и благодаря обильному деторождению.

Наконец, четвертый слой пролетарской резервной армии — это просто пауперы, бедняки, частью работоспособные, которые в периоды хорошей конъюнктуры частично имеют занятие в промышленности или торговле, а во времена кризиса первыми выбрасываются на улицу, частью же неработоспособные: престарелые рабочие, которых промышленность больше не может использовать, пролетарские вдовы, сироты и дети бедняков, изломанные, искалеченные жертвы крупной промышленности, горного дела и т. д.; и, наконец, отвык-

шие от работы — бродяги и т. п. Этот слой непосредственно сливается с люмпен-пролетариатом — преступниками и проститутками. Пауперизм, говорит Маркс, это инвалидный дом рабочего класса и балласт его резервной армии. Его существование с той же неизбежностью вытекает из наличности резервной армии, как сама резервная армия — из развития промышленности. Беднота и люмпен-пролетариат представляют условие существования капитализма и растут вместе с ним. Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал и занятая этим капиталом рабочая масса, тем больше также и наличный слой безработных — резервная армия. Чем резервная армия больше по отношению к занятым рабочим, тем многочисленнее ее низший слой, слой бедноты, пауперизма, преступления. Вместе с капиталом и богатством возрастает, следовательно, неизбежно и число незанятых и неполучающих заработной платы и тем самым слой люмпен-пролетариата — официальной бедноты. *Это, говорит Маркс, абсолютный, всеобщий закон капиталистического развития.*

Существование постоянного и все возрастающего слоя безработных было, как мы уже говорили, совершенно неизвестно в более ранние эпохи общественного развития. В первобытной коммунистической общине каждый член ее работает, само собой разумеется, постольку, поскольку это необходимо для поддержания существования, отчасти благодаря непосредственной потребности в труде, отчасти под давлением морального и законодательного авторитета рода, общины. Но при этом и *все* члены общества снабжены всем необходимым для жизни. Правда, уровень жизни первобытной коммунистической группы довольно низок и упрощен, жизненные удобства примитивны. Но поскольку имеются налицо жизненные средства, они имеются для всех равномерно, и бедность в современном смысле, в виде лишения индивидуума имеющихся в обществе жизненных средств, в те времена совершенно неизвестна. Первобытное племя иногда или даже часто голодает при неблагоприятном стечении естественных условий, но его нужда тогда является нуждой всего общества, как такового; нужда одной части членов при изобилии у другой части представляется чем-то совершенно немысли-

мым, ибо поскольку жизненные средства общества в целом обеспечены, обеспечено и существование каждого члена общества в отдельности.

В эпоху восточного и античного рабства мы наблюдаем то же самое. Какой бы ужасной эксплуатацией, каким бы истязаниям ни подвергался египетский государственный или греческий частный раб, как ни громадно было различие между его скудным жизненным обиходом и роскошью, в которой жил его хозяин, этот его жизненный уровень был ему обеспечен в силу самого его положения в качестве раба. Никто не давал своему рабу погибнуть от нужды, так же как в настоящее время никто не дает погибнуть своей лошади или другому скоту. То же самое замечается и в средневековых крепостнических отношениях. Система прикрепления крестьянства к земле и вся вообще твердо установленная система феодальной зависимости, где каждый был господином по отношению к другим, или слугой какого-нибудь господина или тем и другим вместе, эта система указывала каждому его определенное место. И как бы возмутительна ни была эксплуатация крепостного, господин его не имел права согнать его с земельного участка, т. е. лишить его средств существования; напротив, крепостные отношения обязывали помещиков в несчастных случаях, как, например, при пожаре, наводнении, градобитии и т. д., помогать обедневшему крестьянину. Лишь к концу средних веков, вместе с крушением феодализма и возникновением современного капитала, начинается изгнание помещиками крестьян с земли (Вауегнlegen). Все же в средние века существование широких масс трудящихся было в общем обеспечено. Отчасти уже в те времена, благодаря многочисленным войнам или же индивидуальным потерям имущества, создавался небольшой контингент бедняков и нищих. Но содержание этих бедняков считалось обязанностью общества. Уже император Карл Великий совершенно определенно устанавливает в своем своде законов: «Что касается *нищих*, шатающихся по стране, то мы желаем, чтобы каждый из наших вассалов кормил этих бедняков, будь то в данном ему в лен поместье или же в пределах своего дома, и чтобы он не допускал их нищенствования в других местах». Позднее монастыри считали своей специальной обязанностью давать

беднякам кров, а в случае их работоспособности — и доставлять им работу. В средние века, следовательно, каждый нуждающийся мог рассчитывать на прием в любом доме. Кормление неимущих считалось обязанностью каждого, и такое кормление отнюдь не налагало ни на кого печати презрения, как это имеет место по отношению к современному нищему.

История прошлых эпох знает только один случай, когда большой слой населения лишился работы и куска хлеба. Речь идет об уже упоминавшемся древнеримском крестьянстве, которое было вытеснено со своих земельных участков и превращено в пролетариат, для которого не находилось никакой работы. Это пролетаризирование крестьян было, правда, логически неизбежным следствием образования больших латифундий и распространения рабовладельческого хозяйства. Но оно было совершенно не нужно для существования рабовладельческого хозяйства и крупного землевладения. Напротив, безработный римский пролетариат был одним лишь несчастьем, новым бременем для общества, и общество стремилось всеми доступными ему средствами: периодическими распределениями общественной земли, распределением продовольствия, регулированием громадного хлебного ввоза и искусственным удешевлением зерна облегчить пролетариату его бедственное положение. В конце концов этот значительный пролетариат так или иначе содержался в древнем Риме непосредственно государством.

Капиталистическое товарное производство — это, следовательно, первая в истории человечества хозяйственная форма, при которой безработица и нужда крупного и все растущего слоя населения и непосредственная безнадежная бедность другого также растущего слоя является не только следствием, но и необходимостью, жизненным условием для существования этой формы хозяйства. Необеспеченность существования всей массы трудящихся и хроническая нужда, а отчасти прямая нищета определенных широких слоев в первый раз становятся нормальным общественным явлением. И буржуазные ученые, которые не могут представить себе никакой другой формы общества, кроме теперешней, так проникнуты сознанием естественной необходимости существования безработных и не имеющих куска хлеба

людей, что они объясняют ее, как некий установленный самим богом естественный закон. Англичанин Мальтус построил на этом основании в начале XIX столетия свою знаменитую теорию перенаселения, согласно которой нищета происходит оттого, что человечество имеет дурную привычку быстрее увеличивать количество своих детей, чем свои средства существования.

На самом же деле, как мы уже видели, мы имеем тут дело не с чем иным, как с простыми следствиями товарного производства и товарного обмена. Эти законы товарного общества, формально покоящиеся на полнейшем равенстве и свободе, совершенно механически, без всякого вмешательства со стороны законодательства или какой-либо силы, приводят с железной необходимостью к такому резкому социальному неравенству, которое было совершенно неизвестно в течение всех более ранних хозяйственных эпох, когда хозяйство было построено на прямом господстве одного человека над другим. В первый раз прямой голод становится тем бичом, который изо дня в день ударяет по рабочим массам. И это также объявляется законом природы. Английский поп Туансенд уже в 1786 г. писал: «По-видимому, таков закон природы, что бедные до известной степени непредусмотрительны (*improvident*) (т. е. непредусмотрительны до такой степени, что являются на свет без золотой ложки во рту), так что в обществе постоянно имеются люди для исполнения самых грубых, грязных и низких функций. Сумма человеческого счастья благодаря этому сильно увеличивается, более утонченные люди освобождаются от тягот и могут беспрепятственно следовать своему более высокому призванию... Закон о бедных имеет тенденцию разрушить гармонию и красоту, симметрию и порядок этой системы, которую создали в мире бог и природа»¹.

Эти «деликатные люди», живущие за счет других, рассматривали, впрочем, уже всякий общественный порядок, который обеспечивал им радости жизни в качестве эксплуататоров, как основанный на законах природы и предуказаниях самого господа бога. Величайшие умы не избегают этого исторического обмана. Так, за

¹ «A Dissertation on the Poor Laws». Цитир. по К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 652.

несколько тысячелетий до английского попа великий греческий мыслитель Аристотель писал: «Сама природа создала рабство. Животные разделяются на самцов и самок. Самец — это более совершенное животное, и оно поэтому господствует, самка менее совершенна, и она повинуется. Точно так же в человеческом роде имеются личности, которые настолько же стоят ниже, чем другие, как тело стоит ниже души или животное ниже человека; это — существа, которые годны лишь для физической работы и которые не способны совершить что-нибудь более значительное. Эти личности самой природой предназначены для рабства, ибо для них не может быть ничего лучшего, как повиноваться другим... Разве, в конце концов, между рабом и животным такая большая разница? Труд их однороден, они приносят нам пользу только своим телом. Нам приходится поэтому заключить из этих положений, что природа создала известных людей для свободы, других же — для рабства и что поэтому рабство полезно и справедливо». У «природы», на которую, таким образом, возлагается ответственность за все виды эксплуатации, во всяком случае с течением времени должен был сильно испортиться вкус. Ибо если имело еще какой-нибудь смысл унижить значительные народные массы до позорного рабства, чтобы на их спинах дать развиваться свободному народу философов и гениев, подобных Аристотелю, то унижение миллионов нынешних пролетариев для выращивания заурядных фабрикантов и жирных попов представляется уже значительно менее целесообразным.

V¹

Мы исследовали до сих пор вопрос о том, какой жизненный уровень обеспечивается капиталистическим товарным хозяйством рабочему классу и различным слоям его. Но пока мы еще не знаем ничего определенного об отношении этого жизненного уровня рабочих к общественному богатству в целом. Рабочие, например, могут иметь больше пищи, больше жизненных средств, лучшую одежду, чем раньше, но если за то же время

¹ В рукописи стоит число 4.

богатство других классов возросло в еще большей степени, то *доля* рабочего в общественном продукте уменьшилась. Жизненный уровень рабочих сам по себе абсолютно может, следовательно, повышаться, в то время как их доля в общественном продукте по сравнению с другими классами может падать. Мы можем, однако, судить правильно о жизненном уровне человека или целого класса только тогда, когда мы сравниваем их с условиями жизни всей данной эпохи и других классов того же общества. Князь какого-нибудь первобытного, полудикого или варварского негритянского племени в Африке имеет уровень жизни более низкий, т. е. он живет в более простом жилище, одевается хуже, принимает более грубую пищу, чем средний немецкий фабричный рабочий. Но этот князь живет, однако, по сравнению со средствами жизни и с требованиями, которые предъявляются к жизни его племенем, «по-княжески», в то время как фабричный рабочий в Германии, по сравнению с роскошью богатой буржуазии и потребностями нынешнего времени, живет довольно скудно. Для того, следовательно, чтобы определить положение рабочего в современном обществе, необходимо исследовать не только его абсолютную заработную плату, т. е. величину этой заработной платы самое по себе, но необходимо определить и относительную заработную плату, т. е. ту долю, которую заработная плата рабочего составляет во всем продукте его труда.

В одном из наших прежних примеров мы предположили, что рабочий, при 11-часовом рабочем дне, должен в течение первых шести часов отрабатывать свою заработную плату, т. е. необходимые для него жизненные средства; в течение же остальных пяти часов он работает даром на капиталиста, создавая прибавочную стоимость. В этом примере мы предположили, следовательно, что изготовление жизненных средств для рабочего стоит шести часов труда. Мы видели также, что капиталист всеми силами старается понизить жизненный уровень рабочего для того, чтобы увеличить долю неоплаченного труда — прибавочную стоимость. Предположим теперь, что жизненный уровень рабочего не изменяется, т. е. он имеет возможность доставлять себе постоянно одно и то же количество пищи, платья, белья, мебели и т. д. Предположим, следовательно, что

абсолютная заработная плата не уменьшается. Если же, однако, изготовление всех этих жизненных средств благодаря развитию производства стало дешевле и в настоящее время требует, например, меньше времени, то рабочему нужно будет теперь меньше времени, чтобы отработать свою заработную плату. Предположим далее, что то количество пищи, одежды, мебели и т. д., в котором нуждается ежедневно рабочий, требует теперь для своего изготовления не шести часов труда, а только пяти. Тогда рабочий при своем 11-часовом рабочем дне будет работать для возмещения своей заработной платы не шесть, а всего лишь пять часов, и, таким образом, остаются еще целых шесть часов для неоплаченного труда, для создания прибавочной стоимости для капиталиста. Доля рабочего в продукте его труда уменьшилась на одну шестую, доля капиталиста возросла на одну пятую. Абсолютная же заработная плата при этом совершенно не уменьшилась. Может даже случиться так, что жизненный уровень рабочих повышается, т. е. абсолютная заработная плата возрастает, например, на 10%, и притом не только денежная заработная плата, но и реальные жизненные средства, которые он может за нее приобрести. Но если в течение того же времени или непосредственно после этого производительность труда возросла на 15%, тогда доля рабочего в продукте его труда, т. е. относительная заработная плата, в действительности упала, несмотря на то, что абсолютная заработная плата возросла.

Доля рабочего в продукте его труда зависит, следовательно, от производительности этого труда. С чем меньшей затратой труда изготавливаются необходимые для него жизненные средства, тем меньше его относительная заработная плата. Если рубахи, которые носит рабочий, а также сапоги, фуражки, благодаря прогрессу в производстве, изготавливаются с меньшей затратой труда, чем раньше, то рабочий получает теперь меньшую долю общественного богатства, совокупного общественного труда, чем раньше, если даже он на свою заработную плату может купить прежнее количество рубах, сапог и фуражек. Но ежедневное потребление рабочего охватывает, правда, в незначительных количествах, различные продукты и сырье. Ведь не только удешевление производства рубах может удешевить

жизнь рабочего, но то же влияние может оказать и изменение в производстве хлопка, из которого изготовляются рубахи, а также изменения в производстве швейных машин или в прядильной промышленности, поставляющей пряжу для бельевой ткани. Точно также нужные рабочему продовольственные продукты удешевляются не только благодаря прогрессу в хлебопечении, но также и благодаря успехам американского сельского хозяйства, которое массами поставляет зерно; такое же влияние на удешевление пищи рабочего может иметь и развитие железнодорожного и пароходного транспорта, доставляющего зерно из Америки в Европу и т. д. Таким образом, всякий прогресс промышленности, всякое увеличение производительности человеческого труда приводит к тому, что содержание рабочего стоит все меньшего и меньшего труда. Рабочий, таким образом, употребляет все меньшую долю своего рабочего дня для возмещения своей заработной платы, и все больше становится та доля, в течение которой он дает неоплаченный труд, прибавочную стоимость для капиталиста.

Но непрерывный, непрекращающийся прогресс техники является необходимостью, жизненным условием для капиталистов. Конкуренция между отдельными предпринимателями заставляет каждого из них изготовлять свои товары возможно дешевле, т. е. с наименьшей затратой человеческого труда. И если какой-нибудь капиталист вводит на своей фабрике новые улучшенные приемы работы, то та же конкуренция заставляет всех других предпринимателей той же отрасли точно так же улучшать свою технику для того, чтобы не быть вытесненным с поля битвы, т. е. с товарного рынка. Вовне это проявляется совершенно явственно во всеобщем распространении машинного производства вместо прежнего ручного, а также во все более ускоренном темпе введения новых, улучшенных машин вместо старых. Технические изобретения во всех отраслях производства стали в настоящее время чем-то совершенно обыденным. Таким образом, технические перевороты во всей промышленности, как в производстве в узком смысле слова, так и в транспортных средствах, стали постоянным явлением, жизненным законом капиталистического товарного производства. И каждый прогресс производительности труда сказывается в уменьшении того количества труда,

которое необходимо для содержания самого рабочего. Другими словами, капиталистическое производство не может сделать ни одного шага вперед без того, чтобы не уменьшать доли рабочего в общественном продукте. С каждым новым техническим изобретением, с каждым улучшением машин, с каждым новым применением пара и электричества в производстве и на транспорте доля рабочего в общественном продукте становится меньше, а доля капиталиста больше. Относительная заработная плата неудержимо и непрерывно падает все ниже и ниже, прибавочная стоимость, т. е. неоплаченное, выжатое из рабочего богатство, капиталиста возрастает так же неудержимо и непрерывно все больше и больше.

Тут перед нами тоже разительная разница между капиталистическим товарным производством и всеми прежними общественными формами хозяйства. В первобытном коммунистическом обществе, как мы знаем, продукт труда непосредственно после производства разделяется между всеми трудящимися, т. е. между всеми членами общины, так как нетрудящихся почти совершенно не имеется. При крепостнических отношениях решающим моментом является не равенство, а эксплуатация трудящихся нетрудящимися. Но при этом определяется не доля трудящегося, крепостного крестьянина в продукте его труда, а, наоборот, точно устанавливается доля эксплуататора, феодального помещика, в виде определенной барщины и оброка, которые он может требовать с крестьянина. То, что сверх того остается крестьянину как в отношении рабочего времени, так и продукта труда, это его доля, так что при нормальных условиях, до эпохи крайнего вырождения крепостничества, у крестьянина есть некоторая возможность путем напряжения своей рабочей силы увеличить свою долю. Правда, эта доля крестьянина непрерывно уменьшается в течение средневековья благодаря возрастающим требованиям барщины и оброка со стороны дворянства и духовенства. Но все же тут мы имеем дело хотя бы и с произвольными, но, во всяком случае, определенными, видимыми нормами, устанавливаемыми самими людьми, — пусть эти люди будут чудовищами, — и эти нормы совершенно определенным, ясным способом устанавливают в продукте как долю крепостного крестьянина, так и долю его феодального эксплуататора.

Поэтому средневековый крепостной крестьянин сейчас же и весьма явственно замечает и чувствует, когда на него возлагаются более значительные тяготы и когда его собственная доля уменьшается. И поэтому борьба против такого уменьшения доли крестьянина возможна, и она происходит действительно, где внешние условия это позволяют, как открытая борьба эксплуатируемого крестьянина против уменьшения его доли в продукте его собственного труда. При известных условиях эта борьба приводит к успеху: свобода городской буржуазии возникла именно таким образом, что первоначально крепостные ремесленники постепенно освобождались от различных видов повинностей, всех этих прав на выгон, на лучшую голову скота и на лучший кусок полотна и всех прочих феодальных средств угнетения, а затем завоевывали себе остальное — политические права¹ — уже в открытой борьбе.

При системе наемного труда не существует никаких законодательных постановлений или норм обычного права или хотя бы каких-либо совершенно произвольных правил относительно доли рабочего в продукте его труда. Эта доля определяется данной степенью производительности труда, уровнем техники; не какой-либо произвол эксплуататора, но именно развитие техники непрерывно и безжалостно понижает долю рабочего. Тут перед нами совершенно невидимая сила, простое механическое следствие конкуренции и товарного производства, которое вырывает у рабочего все большую долю его продукта и оставляет ему все меньшую долю, — сила, которая действует тихо и незаметно за спинами рабочих и против которой поэтому борьба совершенно невозможна. Можно еще установить личную роль эксплуататора там, где речь идет об абсолютной заработной плате, т. е. о реальном жизненном уровне. Уменьшение заработной платы, приводящее к понижению реального жизненного уровня рабочих, — это явное покушение капиталистов на рабочих, и там, где существуют профессиональные союзы, такое покушение обычно влечет за собою открытую борьбу, а в лучшем случае удастся и отразить его.

¹ В рукописи слова «политические права» поставлены на полях вместо зачеркнутых в тексте карандашом слов «полную личную свободу и свободу собственности».

Напротив, падение относительной заработной платы происходит как будто без всякого личного участия капиталистов, и против такого падения в пределах системы наемного труда, т. е. на почве товарного производства, рабочий не имеет никакой возможности борьбы и самозащиты. Против технического прогресса производства, против изобретений, введения машин, против пара и электричества, против улучшения средств транспорта рабочие не могут бороться. Влияние всех этих улучшений в производстве на относительную заработную плату рабочих проявляется совершенно механически в результате товарного производства и товарного характера рабочей силы. Поэтому самые могущественные профессиональные союзы совершенно бессильны против этой тенденции относительной заработной платы к быстрому понижению. Борьба против понижений относительной заработной платы означает поэтому борьбу против товарного характера рабочей силы, т. е. против всего капиталистического производства в целом. Борьба против понижения относительной заработной платы является поэтому уже не борьбой на почве товарного хозяйства, а революционным нападением на самое существование этого хозяйства, направленным к его ниспровержению; это и есть социалистическое движение пролетариата.

Отсюда — симпатии класса капиталистов по отношению к профессиональным союзам, которые первоначально подвергались таким свирепым нападкам, — симпатии, обнаружившиеся после того, как началась социалистическая борьба, и проявляющиеся постольку, поскольку можно противопоставить профессиональные союзы социализму. Во Франции вся борьба рабочего класса за право коалиций вплоть до 70-х годов была совершенно напрасна, и по отношению к профессиональным союзам применялись драконовские меры преследования. Вскоре, однако же, после того как восстание Коммуны нагнало на всю буржуазию безумный страх перед красным призраком, начался внезапный резкий поворот общественного мнения. Лейб-орган президента Гамбетты, «*République Française*», и вся господствующая партия «сытых республиканцев» начинают покровительствовать и даже пропагандировать идеи профессионального движения. В начале XIX в. английским

рабочим указывалось в качестве примера на воздержанных немецких рабочих. В настоящее время, наоборот, указывают немецкому рабочему, как на пример, достойный подражания, на английского рабочего и при этом не на скромного, а на «прожорливого», поедающего бифштексы тред-юниониста. Это показывает, насколько верно то, что даже самая ожесточенная борьба за повышение абсолютной заработной платы рабочих представляется буржуазии невинным пустяком по сравнению с покушением на святая святых — на механический закон капитализма, состоящий в постоянном понижении относительной заработной платы.

VI¹

Лишь объединив все вышеизложенные последствия отношений наемного труда, мы сможем себе составить представление о капиталистическом законе заработной платы, который определяет материальные условия жизни рабочих. Прежде всего, следовательно, надо различать абсолютную заработную плату от относительной. Абсолютная заработная плата, в свою очередь, представляется нам в двоякой форме, во-первых, как известная денежная сумма, т. е. как номинальная заработная плата, и, во-вторых, как некоторое количество средств существования, которое рабочий может приобрести на эти деньги, т. е. как реальная заработная плата. Денежная заработная плата рабочих может оставаться постоянной или даже повышаться, а жизненный уровень, т. е. реальная заработная плата, может при этом понижаться. Реальная же заработная плата обнаруживает непрерывную тенденцию падения вплоть до абсолютного минимума, до физического минимума существования, другими словами, имеется налицо постоянная тенденция со стороны капитала оплачивать рабочую силу ниже ее стоимости.

Известный противовес этой тенденции капитала создается лишь рабочими организациями. Главная функция профессиональных союзов заключается в том, что они путем повышения уровня потребностей рабочих,

¹ В рукописи стоит число 5

путем их морального подъема создают вместо физического минимума существования известный культурный общественный минимум, т. е. известный культурный уровень жизни рабочих, ниже которого заработная плата не может спуститься, не вызывая немедленно борьбы, стачки, отпора. Большая экономическая роль социал-демократии и заключается в том, что она, посредством духовного и политического пробуждения широких рабочих масс, поднимает их культурный уровень и тем самым их экономические потребности. Тем самым, например, что подписка на газету, покупка брошюр становятся обыденной привычкой рабочего, его экономический уровень жизни, а следовательно, и заработная плата повышаются. Влияние социал-демократии в этом направлении имеет двойное значение, поскольку профессиональные союзы данной страны вступают в открытый союз с социал-демократией, так как вслед за этим и буржуазные слои благодаря своей вражде к социал-демократии также переходят к основанию конкурирующих профессиональных союзов, которые в свою очередь оказывают воспитательное влияние на еще более широкие слои пролетариата путем их организации и подъема их культурного уровня.

Так мы видим, что в Германии, кроме свободных профессиональных союзов, находящихся в союзе с социал-демократией, существуют еще многочисленные христианские, католические и либеральные профессиональные союзы. Точно так же и во Франции для борьбы с социалистическими союзами были основаны так называемые желтые профессиональные союзы. В России самые яркие вспышки современного революционного массового стачечного движения исходили от «желтых», послушных правительству профессиональных организаций. Напротив, в Англии, где профессиональные союзы далеки от социализма, буржуазия не стремится к тому, чтобы внести в ряды пролетариата идею коалиции.

Профессиональный союз играет, следовательно, незаменимую органическую роль в современной системе наемного труда. Только благодаря профессиональной организации рабочих, рабочая сила в качестве товара получает возможность продаваться по своей стоимости. Законы капиталистического товарного обмена по отношению к рабочей силе не устраняются, как это думал

неправильно Лассаль благодаря профессиональным союзам, а, наоборот, они только и осуществляются благодаря этим организациям. Систематическая покупка рабочей силы по бросовой цене, к которой постоянно стремится капиталист, уступает место благодаря воздействию профессиональных союзов покупке по цене, более или менее приближающейся к действительной.

Эти свои функции профессиональные союзы выполняют, однако, под давлением механических законов капиталистического производства, т. е. во-первых, постоянной резервной армии безработных и, во-вторых, постоянных смен хозяйственной конъюнктуры. Оба эти закона ставят деятельность профессиональных союзов в непреодолимые рамки. Постоянная смена промышленных конъюнктур заставляет профессиональные союзы при всяком понижении конъюнктуры защищать свои старые завоевания от новых нападков капитала, а при подъеме конъюнктуры путем непрерывной борьбы подымать пониженную заработную плату на уровень, более соответствующий благоприятному положению дел. Профессиональные союзы находятся, таким образом, постоянно в состоянии обороны.

Но промышленная резервная армия безработных ограничивает деятельность профессиональных союзов, так сказать, в пространственном отношении: организация профессиональных союзов и ее влияние распространяются только на высшие слои находящихся в лучшем положении промышленных рабочих, у которых безработица является лишь периодическим и, по выражению Маркса, «текучим» явлением. Напротив, более низко стоящие слои постоянно притекающих из деревни в город необученных сельских пролетариев, а также все представители полуаграрных сезонных профессий, как рабочие кирпичных фабрик, земляные рабочие и т. п., уже благодаря пространственным и временным условиям их работы, а также благодаря особенностям этого социального слоя значительно менее поддаются профессиональной организации. Наконец широкие низшие слои резервной армии — безработные с нерегулярными занятиями, рабочие домашней промышленности, далее, случайно занятые бедняки — совершенно ускользают от организации. Вообще говоря, чем больше нужда и нищета в каком-либо пролетарском слое, тем меньше воз-

возможность профессионального воздействия. Профессиональное движение распространяется поэтому весьма слабо в глубь пролетариата, зато весьма значительно вширь. Другими словами, если профессиональные союзы охватывают хотя бы лишь одну часть высшего слоя пролетариата, то их воздействие распространяется на весь этот слой, так как их завоевания идут на пользу всей массы занятых в данной профессии рабочих. Поэтому профессиональное движение способствует ускоренной дифференциации внутри пролетарских масс, так как оно поднимает из нищеты высшие, наиболее способные к организации передовые слои промышленных рабочих, объединяет и консолидирует их. Расстояние между высшими и низшими слоями рабочего класса тем самым становится все больше. Но ни в одной стране оно не является таким громадным, как в Англии, где отсутствует дополнительное культурное влияние социал-демократии на более низкие, менее способные к профессиональной организации слои, как это, например, имеет место в Германии¹.

При изображении капиталистической наемной системы было бы великой ошибкой принимать во внимание только действительно уплачиваемую заработную плату занятых промышленных рабочих, как это большею частью бессознательно вошло в привычку и у самих рабочих, с легкой руки буржуазии и ее наемных писак. Вся резервная армия безработных, начиная от случайно незанятых квалифицированных рабочих вплоть до наиболее нуждающихся бедняков и официальных

¹ Роза Люксембург неправильно оценивает роль профсоюзов при капитализме. Она, во-первых, неправда, когда утверждает, что «чем больше нужда и нищета в каком-либо пролетарском слое, тем меньше возможность профессионального воздействия», во-вторых, что «профессиональное движение способствует ускоренной дифференциации внутри пролетарских масс». В действительности, профсоюзное движение объединяет пролетариат не только для борьбы за экономические интересы, но и для политической борьбы против капитализма в целом. Нельзя делить весь рабочий класс на высшие и низшие слои. Если речь идет о верхушке рабочего класса, которая подкармливается буржуазией за счет монопольно-высоких прибылей и составляет опору реакционных профсоюзов, то эта верхушка не определяет положения рабочего класса в целом. Прогрессивные профсоюзы растут не только в капиталистических, но и колониальных странах. Всемирная организация профсоюзов (ВФП) объединяет свыше 90 миллионов рабочих и служащих — *Ред*

пауперов, входит в определение отношений наемного труда в качестве равноправного фактора. Низшие слои частично или вовсе незанятых рабочих, бедняков и других исторгнутых из недр общества — это вовсе не отбросы, которых нельзя причислять к «официальному обществу», эти слои через посредствующие звенья резервной армии соединены внутренней живой связью с самыми высшими, находящимися в наилучшем положении слоями промышленного пролетариата. Эта внутренняя связь находит свое выражение в цифрах в том, что каждый раз в моменты плохого хода дел низшие слои резервной армии внезапно возрастают, чтобы затем в период подъема конъюнктуры почти сойти на нет, а также по относительному уменьшению числа тех рабочих, которые прибегают к общественной благотворительности по мере развития классовой борьбы и тем самым чувства собственного достоинства в пролетарских массах. И, наконец, каждый промышленный рабочий, который стал инвалидом на работе или который имеет несчастье достичь 60-летнего возраста, имеет 50 шансов против 100 опуститься на самое дно, в самый низший слой горьких бедняков, нищих.

Жизненный уровень самых низших слоев пролетариата определяется, следовательно, теми же самыми законами капиталистического производства, которые тянут его то вниз, то вверх, и пролетариат лишь вместе с широким слоем сельских рабочих, а также с резервной армией безработных — одним словом, лишь как совокупность всех слоев, начиная от самых высших и кончая самыми низшими, образует некоторое органическое целое, общественный класс; и только исследование нужды и угнетенности различных слоев этого класса дает нам возможность получить правильное представление о капиталистическом законе заработной платы в целом. И, наконец, мы понимаем лишь половину этого закона заработной платы, если мы исследуем одно лишь движение абсолютной заработной платы. Закон механического падения относительной заработной платы в зависимости от развития производительности труда только и дает возможность понять капиталистический закон заработной платы во всем его действительном значении.

Уже в XVIII в. французские и английские основоположники буржуазной политической экономии заметили,

что заработная плата рабочих имеет в среднем тенденцию останавливаться на минимальном уровне необходимых для жизни средств к существованию. Но они объяснили механизм, посредством которого регулируется этот минимум заработной платы, очень своеобразно: колебаниями в предложении ищущей применения рабочей силы. Если рабочие получают большую заработную плату, чем это абсолютно необходимо для жизни, — объясняли эти ученые, — тогда они чаще женятся и производят на свет большее количество детей. Тем самым рынок труда так переполняется, что предложение значительно превосходит спрос на них со стороны капитала. Тогда капитал, пользуясь большей конкуренцией среди рабочих, сильно понижает заработную плату. Если же заработной платы не хватает даже для поддержания жизни, тогда рабочие массами вымирают, их ряды редуют, пока их не остается ровно столько, сколько их нужно для капитала, и тем самым заработная плата опять поднимается вверх. Благодаря этому качанию маятника между чрезмерным размножением и чрезмерной же смертностью в среде рабочего класса заработная плата всегда возвращается к минимуму необходимых для жизни средств существования. Эту господствовавшую вплоть до 60-х годов экономическую теорию воспринял и Лассаль и назвал ее «железным, неумолимым законом»...

В настоящее время, после того как капиталистическое производство достигло своего полного развития, слабые стороны этой теории бросаются в глаза. Ведь крупная промышленность при лихорадочно быстром темпе хозяйственной жизни и конкуренции не может ждать с понижением заработной платы до тех пор, пока рабочие благодаря изобилию не начнут слишком часто жениться, затем станут производить на свет слишком много детей, которые в свою очередь должны вырасти и появиться на рынке труда для того, чтобы создать необходимое для капиталиста переполнение. Движение заработной платы, соответственно пульсу самой промышленной жизни, вовсе не совершается с медлительностью качания маятника, каждое колебание которого длится целое поколение, т. е. 25 лет. Заработная плата, напротив, все время находится в непрерывном колебательном движении, так что ни рабочий класс не имеет

возможности приспособить свое размножение к уровню заработной платы, ни промышленность не может со своим спросом выжидать соответственного увеличения размножения рабочих.

Кроме того, рынок труда для промышленности в своих размерах вообще определяется не естественным размножением рабочих, а непрерывным притоком свежих пролетаризующихся слоев из деревни, из ремесла и мелкой промышленности, а также собственных жен и детей рабочих. Переполнение рынка труда в форме существования резервной армии представляет собой постоянное явление и жизненное условие современной промышленности. Следовательно, для определения уровня заработной платы имеет значение не изменение предложения рабочей силы, не движение в пределах самого рабочего класса, а изменение в спросе со стороны капитала, — *его*, капитала, движение. Рабочая сила в качестве избыточного, постоянно имеющегося в запасе товара оплачивается лучше или хуже в зависимости от того, угодно ли капиталу в период высокой конъюнктуры в громадной степени всасывать в себя рабочую силу или же во время похмелья кризиса вновь массами извергать ее на улицу.

Закон заработной платы имеет, следовательно, совершенно иной механизм, чем это предполагает буржуазная политическая экономия и Лассаль. Реальный же результат, т. е. фактически складывающиеся отношения наемного труда и капитала, оказывается еще хуже, чем при старом предположении. Капиталистический закон заработной платы — это не «железный» закон, но этот закон еще неумолимее и жестче, так как он является «эластическим» законом, стремящимся свести заработную плату занятых рабочих к минимуму их средств существования таким путем, что при том громадные слои безработных висят между жизнью и смертью.

Установление «железного закона заработной платы» с его возбуждающим, революционизирующим характером было возможно лишь в молодые годы буржуазной политической экономии. С того момента как Лассаль сделал этот закон осью всей своей агитации в Германии, ученые лакеи буржуазии поспешили отказаться от «железного закона заработной платы» и объявили его ошибкой и преступным заблуждением. Целая свора са-

мых пошлых наемных агентов предпринимателей вроде Фаухера, Шульце-Делича, Макса Вирта начали крестовый поход против Лассалья и «железного закона заработной платы», тем самым без всякого зазрения совести, понося своих собственных предшественников, как Адам Смит, Рикардо и другие великие творцы буржуазной политической экономии. С тех пор как Маркс в 1867 г. установил и разъяснил эластический закон заработной платы капиталистического производства, тесно связанный с наличием промышленной резервной армии, буржуазные экономисты окончательно умолкли. В настоящее время официальная буржуазная профессорская наука вообще не имеет никакого закона заработной платы, она предпочитает обходить эту скользкую тему и лепетать совершенно бессвязные фразы о приискорбности безработицы и о пользе умеренных и скромных профессиональных союзов.

Та же самая история повторяется и относительно другой главной проблемы политической экономии: как образуется, откуда происходит прибыль капиталиста? Первый научный ответ как относительно доли рабочего, так и относительно доли капиталиста в общественном богатстве дают уже основатели политической экономии в XVIII в. Самую ясную форму придал этой теории Давид Рикардо, который с полной ясностью и логичностью объяснил прибыль капиталиста как неоплаченный труд пролетария.

VII¹

При нашем рассмотрении закона заработной платы мы начали с купли-продажи товара рабочая сила. Но такая купля-продажа предполагает уже наличие наемного пролетария, лишенного средств производства, и капиталиста, обладающего этими средствами и притом в достаточном количестве для того, чтобы основать современное предприятие. Откуда же они оба появились на товарном рынке? При нашем прежнем изложении мы имели в виду лишь товаропроизводителей, т. е. людей, обладающих собственными средствами произ-

¹ В рукописи стоит число 6.

водства, производящих и обменивающих товары. Каким же образом при обмене равными товарными стоимостями может возникнуть на одной стороне капитал, а на другой — полное отсутствие всяких средств существования? Мы уже видели, что покупка товара рабочая сила, даже по ее полной стоимости, приводит при потреблении этого товара к созданию неоплаченного труда или прибавочной стоимости, т. е. капитала. Конечно, образование капитала и неравенства становится нам ясным, когда мы рассматриваем наемный труд со всеми его последствиями. Но ведь это предполагает уже существование капитала и пролетариата! Нужно, следовательно, поставить вопрос таким образом: откуда и как возникли первые пролетарии и первые капиталисты, каким образом совершился первый прыжок от простого товарного производства к капиталистическому производству? Другими словами, наш вопрос гласит так: каким образом совершился переход от мелкого средневекового ремесла к современному капитализму?

Относительно происхождения современного пролетариата некоторые данные дает нам история разложения феодализма. Для того чтобы трудящийся мог появиться на рынке в качестве наемного рабочего, он должен был получить сперва личную свободу. Первым условием, следовательно, было освобождение от крепостной зависимости и от уз цеховой регламентации. Но он должен был также лишиться и всех средств производства: это было осуществлено путем массового «изгнания крестьян с земли», которое в начале нового времени привело к образованию крупных поместий землевладельческого дворянства. Крестьяне тысячами попросту сгонялись с земли, которая принадлежала им в течение столетий, а крестьянские общинные земли прямо присоединялись к господской земле. Английское дворянство, например, произвело эту операцию в ту эпоху, когда благодаря развитию торговли в эпоху средневековья и расцвету фландрской шерстяной мануфактуры разведение овец для шерстяной промышленности стало выгодным занятием. Для того чтобы превратить пашню в место пастбища для овец, крестьяне попросту изгонялись из своих дворов. Это «изгнание» продолжалось в Англии от XV вплоть до XIX столетия.

Так, например, еще в 1814—1820 гг. в поместьях графини Сатерленд были изгнаны со своих дворов не менее 15 000 крестьян, причем их деревни были сожжены, а их поля превращены в пастбища, на которых впоследствии вместо крестьян содержались 131 000 баранов. Брошюра Вольфа «Силезский миллиард» дает нам представление о том, каких успехов в области насильственной фабрикации «свободных» пролетариев из свободных, как птица, крестьян достигло в Германии в особенности прусское дворянство. Лишенным всяких средств существования, свободным, как птица, крестьянам оставалась лишь свобода голодать или при всей их свободе продаваться за голодную нищенскую заработную плату¹.

¹ В конце этой главы в рукописи стоят написанные карандашом слова Реформация! Стр 293 и сл Образование психологического типа современного наемного раба из преследуемого нищего. Стр 350

6.¹ ТЕНДЕНЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

I

Мы видели, как в результате постепенного разложения всех общественных форм, основанных на определенной планомерной организации производства, — первобытного коммунистического общества, рабовладельческого хозяйства, средневекового крепостничества — возникает, наконец, товарное производство. Мы далее видели, как из простого товарного хозяйства, т. е. из ремесленного городского производства, в конце средних веков совершенно механически, т. е. без всякого участия воли и сознания человека, вырастает современное капиталистическое хозяйство. Вначале мы поставили себе вопрос: *как возможно капиталистическое хозяйство?* Это и является основной проблемой политической экономии как науки. И наука дает нам на этот вопрос исчерпывающий ответ. Наука показывает нам, что капиталистическое хозяйство, несмотря на то, что оно, ввиду полного отсутствия какого-либо плана, а также отсутствия какой-либо сознательной организации, на первый взгляд представляется чем-то совершенно невозможным, неразрешимой загадкой, все же может существовать в виде некоего целого. А именно:

благодаря товарному обмену и денежному хозяйству, посредством которых капиталистическое хозяйство связывает всех отдельных производителей так же, как и самые отдаленные области земного шара, и, таким образом, достигает разделения труда в мировом масштабе,

благодаря свободной конкуренции, которая обеспечивает развитие техники и вместе с тем беспрерывно

¹ В рукописи эта глава пронумерована VII.

превращает мелких производителей в пролетариев, вследствие чего капиталу постоянно поставляется товар рабочая сила,

благодаря капиталистическому закону заработной платы, который, с одной стороны, совершенно механически заботится о том, чтобы наемные рабочие никогда не поднялись из пролетарского положения и не избегли бы труда под командой капитала, а с другой стороны, приводит к тому, что все большее количество неоплаченного труда превращается в капитал и тем самым создается все большее накопление и развитие средств производства,

благодаря промышленной, резервной армии, которая предоставляет капиталистическому производству возможность любого расширения и приспособления к потребностям общества,

благодаря уравниванию нормы прибыли, которая вызывает постоянное движение капитала из одной отрасли производства в другую и тем самым регулирует равновесие в области разделения труда, и, наконец,

благодаря колебаниям цен и кризисам, которые отчасти повседневно, отчасти периодически приводят к известному приспособлению слепого и хаотического производства к потребностям общества.

Таким образом, путем механического действия вышеизложенных экономических законов, возникших совершенно самостоятельно, без всякого сознательного вмешательства со стороны общества, существует капиталистическое хозяйство. Другими словами, несмотря на отсутствие какой-либо организованной экономической связи между отдельными производителями, несмотря на полнейшее отсутствие какого-либо плана в хозяйственной деятельности людей, — несмотря на все это, совершается общественное производство и круговорот производства и потребления, значительные массы членов общества принуждаются к труду, потребности общества, худо ли, хорошо ли, удовлетворяются, и экономический прогресс, то есть развитие производительности человеческого труда, эта основа всего прогресса культуры, обеспечивается.

Но эти условия являются основными предпосылками существования каждого человеческого общества, и до тех пор пока исторически возникшая форма хозяй-

ства удовлетворяет этим условиям, она, в свою очередь, может существовать и является исторической необходимостью.

Но общественные отношения не являются какими-либо застывшими, неподвижными формами. Мы уже видели, что эти отношения с течением времени многократно видоизменялись, что они подвержены вечному изменению, в котором и проявляется, в конечном счете, само развитие, прогресс человеческой культуры. Вслед за долгими тысячелетиями существования первобытнокоммунистического хозяйства, которое привело человеческое общество от первых начатков полуживотного существования к высокому уровню развития культуры, довело это общество до выработки языка и создания религии, привело его, наконец, к скотоводству и земледелию, к оседлому образу жизни и к постройке деревень, за этими долгими тысячелетиями следует постепенное разложение первобытного коммунизма и развитие античного рабства, которое в свою очередь приносит с собой значительные новые успехи в общественной жизни, чтобы впоследствии также погибнуть вместе с античным миром. Из коммунистического общества германцев в Средней Европе вырастает на развалинах античного мира новая форма — барщинное хозяйство, на котором основан средневековый феодализм.

Но развитие продолжает дальше свой непрерывный бег: в недрах средневекового феодального общества, в городах возникают зародыши совершенно новых хозяйственных и общественных форм, образуются цеховое ремесло, товарное производство и регулярная торговля, которые, в конце концов, разлагают феодальное крепостническое общество; оно рушится, чтобы дать место капиталистическому производству, вырастающему из ремесленного товарного производства благодаря развитию мировой торговли, открытию Америки и морского пути в Индию.

Капиталистический способ производства, в свою очередь, уже с самого начала, если рассматривать его под углом зрения исторического прогресса, не представляет собою чего-то неизменного и существующего на вечные времена; и этот способ производства является точно так же лишь переходной фазой, лишь одной ступенькой в колоссальной лестнице культурного развития

человечества, — так же, как и каждая из предыдущих общественных форм. И развитие капитализма в действительности, если присмотреться к нему ближе, само приводит к своей собственной гибели и открывает путь к новому развитию человечества. Если мы до сих пор исследовали те связи между явлениями, которые делали *возможным* существование капиталистического хозяйства, то теперь наступило время познакомиться с теми условиями, которые делают это существование *невозможным*. Для этого мы должны только проследить собственные внутренние законы капиталистического господства в их дальнейшем развитии. Сами эти законы на известном уровне развития обращаются против всех тех основных условий, вне которых не может существовать человеческое общество. Что в особенности отличает капиталистический способ производства от всех предыдущих, — это то обстоятельство, что мы наблюдаем в нем внутреннее стремление механически распространиться по всему земному шару и выгеснить все другие, более старые общественные формы.

В эпоху первобытного коммунизма весь доступный историческому исследованию мир был покрыт одними коммунистическими хозяйствами. Но между отдельными коммунистическими общинами и племенами не существовало почти никаких отношений, лишь кое-какие слабые отношения существовали между соседними общинами. Каждая такая община и каждое племя жили самостоятельно, совершенно замкнуто, и если мы, например, наблюдаем такие замечательные факты, что средневековая германская коммунистическая община и древнеперуанская община в Южной Америке были почти тождественны, называясь даже одним и тем же именем («Марк» и «Магса»), то это обстоятельство представляется нам до сих пор неразрешимой загадкой, если не простой случайностью. Точно так же в эпоху распространения античного рабства мы наблюдаем более или менее сильное *сходство* в организации и внутренних отношениях отдельных рабовладельческих хозяйств и рабовладельческих государств древнего мира при отсутствии хозяйственных связей между ними. Точно так же история цехового ремесла и его освобождения повторялась более или менее точно в большинстве городов средневековой Италии, Германии, Фран-

ции, Голландии, Англии и т. д.; и это была всякий раз большею частью история самого этого города. Капиталистическое же производство распространяется на все страны, не только придавая им одинаковые хозяйственные формы, но и связывая их в одно громадное капиталистическое мировое хозяйство.

Внутри каждой отдельной европейской промышленной страны капиталистическое производство беспрерывно вытесняет мелкую промышленность, ремесло и мелкое крестьянское хозяйство. В то же самое время оно втягивает в мировое хозяйство все отсталые европейские страны, а также все страны Америки, Азии, Африки и Австралии. Это совершается двояким образом — путем развития мировой торговли и путем колониальных завоеваний. И мировая торговля и колониальные завоевания начались одновременно, с эпохи открытия Америки в конце XV столетия. Все возрастая в течение последующих веков, они достигли, наконец, в XIX столетии величайшего расцвета, не останавливаясь, однако, в развитии. Мировая торговля и колониальные завоевания действуют рука об руку в одном и том же направлении. Сперва они приводят промышленные капиталистические страны Европы в соприкосновение с различнейшими общественными формами в других частях света, находящимися на более ранних ступенях культуры и хозяйства: с крестьянскими рабочладельческими хозяйствами, с феодальным крепостничеством, преимущественно же с первобытнокоммунистическим хозяйством. Торговля, в которую втягиваются эти хозяйства, весьма быстро приводит к их разложению и разрушению. Посредством основания колониальных торговых обществ в чужих странах или путем прямого завоевания земля, эта важнейшая основа производства, а также и стада скота, где они имеются, попадают в руки европейских государств или торговых компаний. Тем самым первобытные общественные отношения и первобытное хозяйство туземцев повсеместно уничтожаются, целые народы отчасти стираются с лица земли, отчасти же пролетаризируются и становятся в той или иной форме под команду промышленного и торгового капитала в качестве рабов или наемных рабочих. История продолжавшихся целые десятилетия колониальных войн на протяжении всего XIX в., эти постоянные вос-

стания против Франции, Италии, Англии и Германии в Африке, против Франции, Англии, Голландии и Соединенных Штатов в Азии, против Испании и Франции в Америке — все это не что иное, как долгое и упорное сопротивление старых туземных обществ против своего уничтожения и пролетаризирования современным капиталом, борьба, из которой капитал, в конце концов, повсюду выходит победителем.

В первую голову это означает колоссальное расширение области господства капитала, образование мирового рынка и мирового хозяйства, в пределах которого все населенные страны земного шара являются друг для друга одновременно производителями и потребителями продуктов, работают друг с другом рука об руку в качестве участников одного и того же охватывающего весь мир хозяйства.

А оборотной стороной того же процесса является прогрессирующее обнищание все более значительных частей человечества на земном шаре и растущая необеспеченность их существования. По мере того как на место старых коммунистических, крестьянских или крепостнических отношений с их крайне ограниченными производительными силами и скудным благосостоянием, но зато с верными и обеспеченными условиями существования для всех становятся капиталистические колониальные отношения, пролетаризация и наемное рабство, для всех заданных этим процессом народов в Америке, Азии, Африке, Австралии наступает эпоха явной нищеты, невыносимо тяжелого и непривычного труда и, сверх того, совершенной необеспеченности существования. Плодородная и богатая Бразилия была превращена для нужд европейского и североамериканского капитализма в одну гигантскую необитаемую и однообразную кофейную плантацию, а громадные массы туземцев — в пролетаризированных наемных рабов на этой плантации; а сверх того, эти наемные рабы время от времени на более или менее продолжительный период обрекаются действием чисто капиталистического явления, так называемого «кофейного кризиса», на безработицу и голод. Громадная богатая Индия после продолжавшегося десятилетиями отчаянного сопротивления была подчинена средствами английской колониальной политики господству капитала. И с тех пор

периодическими гостями в области Ганга являются голодная нужда и голодный тиф, уносящие сразу миллионы жизней. В глубине Африки английская и германская колониальная политика в течение последних 20 лет частью превратила в наемных рабов, частью выморила голодом целые племена, кости которых рассеяны по всей стране. Отчаянные восстания¹ и голодные эпидемии в колоссальной Китайской империи — это последствия уничтожения старого крестьянского и ремесленного хозяйства этой страны благодаря вторжению европейского капитала. Появление европейского капитализма в Соединенных Штатах сопровождалось сперва истреблением туземных американских индейцев и грабежом их земель английскими переселенцами, затем введением в начале XIX столетия капиталистического производства сырья для английской промышленности и, наконец, порабощением четырех миллионов африканских негров, проданных европейскими работорговцами в Америку для работы под командой капитала на хлопковых, сахарных и табачных плантациях.

Таким образом, одна часть света за другой, а в каждой части света одна страна за другой, одна раса за другой попадают под господство капитала, но тем самым новые несчетные миллионы людей подвергаются пролетаризации, порабощению, всем мукам необеспеченного существования, — одним словом, обнищанию². Образование капиталистического мирового хозяйства влечет за собой увеличение нужды, невыносимо тяжелого труда и все растущей необеспеченности существования на всем земном шаре, которым соответствует накопление капитала в руках немногих. Капиталистическое мировое хозяйство все более означает подчинение всего человечества игу тяжелого труда, многочисленных лишений и страданий, при полном физическом и духовном вырождении, исключительно для целей капиталистического накопления. Мы уже видели, что капиталистический способ производства представляет ту особенность, что для него человеческое потребление, которое во всякой предыдущей хозяйственной форме было целью производства, является лишь средством,

¹ Заметка Р. Л. на полях: «Голодный тиф в Индии».

² Заметка Р. Л. на полях: «Истребление первобытных народов».

служащим настоящей цели — накоплению капиталистической прибыли. Самовозрастание капитала является началом и концом, самоцелью и внутренним смыслом всего производства. Но вся сумасшедшая бессмысленность этих отношений обнаруживается в полном свете лишь по мере того, как капиталистическое производство разрастается до пределов мирового производства. Здесь, в масштабе мирового хозяйства, абсурдность капиталистического хозяйства находит свое настоящее выражение в картине целого человечества, стонущего в страшных страданиях под игом слепой общественной силы, совершенно бессознательно им самим созданной — капитала. Основная цель всякого общественного производства — поддержание существования общества путем труда, удовлетворение общественных потребностей — лишь здесь оказывается поставленной на голову. Производство не ради самого человека, а ради прибыли возводится здесь на всем земном шаре в закон, а вместе с этим для громадного большинства человечества правилом становится недопотребление, постоянная необеспеченность потребления, а временами и полное отсутствие всякого потребления.

Одновременно с этим развитие мирового хозяйства влечет за собой целый ряд явлений, имеющих большое значение для самого производства капитала. Внедрение европейского капиталистического господства во вне-европейские страны продельывает, как мы уже говорили, два этапа; сперва происходит проникновение торговли и вместе с тем втягивание туземцев в товарообмен, отчасти также превращение существовавших дотоле туземных форм производства в товарное производство, затем — экспроприация у туземцев в той или другой форме их земельной собственности и, следовательно, их средств производства. Эти средства производства превращаются в руках европейцев в капитал, а сами туземцы — в пролетариев. За этими двумя первыми этапами обычно, рано или поздно, следует третий этап — создание собственного капиталистического производства в колониальной стране иммигрировавшими европейцами или же разбогатевшими туземцами.

Соединенные Штаты Северной Америки, которые колонизировались англичанами и другими европейскими переселенцами лишь после того, как красно-

кожие туземцы были истреблены в длительной борьбе, представляли собой вначале аграрный тыл капиталистической Европы, поставлявший сырье, как, например, хлопок и зерно для английской промышленности, и в свою очередь являлись покупателями всевозможных европейских промышленных продуктов. Но во второй половине XIX столетия в Соединенных Штатах возникает собственная промышленность, которая не только вытесняет ввозимые из Европы изделия, но вскоре вступает в чрезвычайно острую конкуренцию с европейским капитализмом в самой Европе и в других частях света. Опасный конкурент для английского капитализма возник также в Индии в лице туземной текстильной и других отраслей промышленности. Австралия также пошла по пути развития от колониальной страны к стране промышленного капитализма. В Японии уже на самом первом этапе, при соприкосновении с мировой торговлей, развилась собственная промышленность, что предохранило Японию от экономического раздела в качестве европейской колонии. В Китае процесс раздробления и ограбления страны европейским капитализмом осложняется усилиями страны создать при содействии Японии в целях отпора европейскому капитализму собственное капиталистическое производство, что приносит населению лишь удвоенные и более сложные страдания.

Таким образом, не только господство и власть капитала распространяются путем создания мирового рынка по всему земному шару, но и сам капиталистический способ производства постепенно захватывает весь земной шар. Тем самым, однако, потребность производства в расширении и возможности этого расширения, т. е. возможности сбыта, приходят во все более невыгодное отношение друг к другу. Как мы видели, внутренняя потребность и закон существования капиталистического производства заключаются в том, чтобы не оставаться в покое, а расширяться все далее и далее и во все более ускоренном темпе, т. е. производить все более и более грандиозные товарные массы во все более увеличивающихся предприятиях с непрерывно улучшающимися техническими средствами. Сама по себе эта способность капиталистического производства к расширению не знает границ, так как и самый технический

прогресс и тем самым и развитие производительных сил земли безграничны. Но эта потребность в расширении наталкивается на совершенно определенные рамки, именно на стремление капитала к прибыли. Производство и его расширение имеют какой-либо смысл лишь до тех пор, пока при этом получается по крайней мере «обычная» средняя прибыль. Но достигается ли такая прибыль в действительности — это всецело зависит от рынка, т. е. от отношения между платежеспособным спросом со стороны потребителей и количеством произведенных товаров, а также их ценами. Стремление капитала к прибыли, требующее, с одной стороны, все более ускоряющегося и все более увеличивающегося производства, создает себе таким образом само на каждом шагу границы рынка, которые стоят на пути бурного стремления к расширению производства. Отсюда, как мы уже видели, вытекает неизбежность промышленных и торговых кризисов, которые периодически выравнивают отношение между необузданным, безграничным капиталистическим стремлением к расширению производства и капиталистическими же границами потребления и тем самым создают возможность дальнейшего существования и развития капитализма.

Но чем большее количество стран развивает свою собственную капиталистическую промышленность, тем больше становятся как потребность, так и возможности расширения производства, с одной стороны, и тем меньше, с другой стороны, становятся возможности расширения рынка. Если сравнить скачкообразный рост английской промышленности в 60-х и 70-х годах, когда она еще занимала господствующее положение на мировом рынке, с ее развитием в последние два десятилетия, в течение которых Германия и Соединенные Штаты Северной Америки в значительной степени вытеснили Англию с мировых рынков, то мы увидим, что этот рост по сравнению с прежним темпом его стал значительно медленнее. Но судьба английской промышленности неизбежно предстоит также и германской, и североамериканской, и в конечном счете всей мировой промышленности. Неудержимо, с каждым шагом своего собственного развития, капиталистическое производство приближается к тому времени, когда оно сможет раз-

виваться лишь значительно более медленно и со значительно большими трудностями.

Правда, капиталистическое развитие само по себе имеет перед собою еще большой путь, так как капиталистический способ производства как таковой составляет еще самую незначительную долю всего производства на земном шаре. Даже в самых старых промышленных странах Европы существуют еще рядом с крупными промышленными предприятиями многочисленные отсталые ремесленные мастерские, и прежде всего наибольшая часть сельскохозяйственного производства, именно крестьянская его часть, не является еще капиталистической. Кроме того, в Европе имеются еще целые страны, в которых крупная промышленность едва-едва развита, а туземное производство носит еще преимущественно крестьянский и ремесленный характер. И, наконец, в других частях света, кроме северной части Америки, капиталистическое производство разбросано незначительными разрозненными точками, в то время как громадные области не перешли даже отчасти к простому товарному производству. Правда, хозяйственная жизнь и всех этих общественных слоев и стран как в Европе, так и вне ее, не развивших собственного капиталистического производства, все-таки находится под господством капитализма. Какое бы примитивное карликовое хозяйство ни вел европейский крестьянин, он целиком зависит от крупнокапиталистического хозяйства, от мирового рынка, в соприкосновение с которым его поставили как торговля, так и налоговая политика крупных капиталистических государств. Точно так же и самые примитивные внеевропейские страны благодаря мировой торговле и колониальной политике попадают в зависимость от европейского и североамериканского капитализма. Но все же капиталистический способ производства сам по себе мог бы еще пережить колоссальное расширение, если бы ему удалось повсеместно вытеснить более отсталые формы производства. И в общем развитие, как мы уже указывали, движется именно в этом направлении.

Но именно в ходе этого развития капитализм запугивается в основном противоречии: чем в большей мере капитализм вытесняет более отсталые формы производства, тем теснее становятся созданные стремле-

нием к прибыли границы рынка для той потребности в расширении производства, которую проявляют уже существующие капиталистические предприятия. Все это станет совершенно ясным, если мы на один момент представим себе, что развитие капитализма зашло так далеко, что на всем земном шаре все, что производится человеком, производится им капиталистически, т. е. производится частными капиталистическими предпринимателями в крупных предприятиях трудом современных наемных рабочих. Тогда невозможность существования капитализма обнаруживается с полной ясностью.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
1. Что такое политическая экономия?	27
2. Из истории народного хозяйства (I)	105
3 Из истории народного хозяйства (II)	173
4 [Товарное производство]	225
5. [Закон заработной платы]	265
6. Тенденции капиталистического хозяйства	314

Роза Люксембург
ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ

Редакторы *В. Чехутова, С. Нижняя*

Художник *П. Некунде*

Художественный редактор *В. Кузяков*

Технический редактор *О. Чепелева*

Корректоры *З. Лобова и Н. Таврова*

Сдано в набор 7 декабря 1959 г. Подписано в печать
15 марта 1960 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумажных
листов 5 125+0 03 (вклейка) Печатных листов
16,91. Учетно издательских листов 17 44
Тираж 10 000 экз. А 00143 Цена 8 руб. Заказ № 1733

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В 71, Ленинский проспект, 15

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3